

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЕЖЕГОДНИК ИМИ

2015

ВЫПУСК 4 (14)

**МИРОВАЯ ПОЛИТИКА:
СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2015**

УДК 327
ББК 66.4
Е 36

Научно-экспертный совет:

*А. В. Торкунов (председатель), В. Б. Кириллов, Е. М. Кожокин, Н. Б. Кузьмина,
А. В. Мальгин, С. А. Орджоникидзе, А. И. Подберезкин, Н. А. Симония, А. А. Токовинин.*

Главный редактор
А. А. Орлов.

Редакционный совет:

*И. М. Бусыгина, В. В. Дегоев, А. А. Казанцев, А. В. Лукин, В. А. Морозов,
А. И. Никитин, Л. С. Окунева, В. В. Попов, В. М. Сергеев, А. В. Федорченко,
С. И. Чернявский, А. Л. Чечевишников.*

Редакторы выпуска: *А. Д. Дикарёв, А. В. Лукин.*

Ежегодник ИМИ – 2015. Вып. 4 (14). Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы / Гл. ред. А. А. Орлов, ред. выпуска: А. Д. Дикарёв, А. В. Лукин. – Москва: ИМИ МГИМО, 2015. Вып. 4 (14). – 173 С.

Настоящий выпуск «Ежегодника ИМИ» посвящен актуальным проблемам АТР и российской политики в этой части света. Авторы статей сборника – ведущие эксперты не только из России, но также из ряда государств региона: Китая, Японии и Индии. Статьи распределены по трем разделам. Первый раздел посвящен общим процессам, происходящим в регионе и участию России в них. На основе анализа ситуации авторы формулируют конкретные рекомендации по усилению роли России, являющейся неотъемлемой частью АТР, по активизации ее политики на восточном направлении. Во второй части рассматривается курс других крупных держав региона: США, Китая, Японии, их взаимодействие с Россией и между собой, их подходы в отношении основных конфликтов и проблем АТР. В третьем разделе анализируется деятельность региональных международных организаций и различные проекты экономической интеграции. Статьи сборника, выводы международной группы его авторов будут интересны для специалистов-международников, востоковедов, всех интересующихся международными отношениями и внешней политикой нашей страны.

ISSN 2410-471X

УДК 327
ББК 66.4
Е 36

©МГИМО МИД России, 2015

Scientific advisory council:

*A. Torkunov (chairman), V. Kirillov, Ye. Kozhokin, N. Kuzmina, A. Malgin, S. Ordzhonikidze,
A. Podberezkin, N. Simoniya, A. Tokovinin.*

Editor-in-chief

A. Orlov.

Editorial board:

*I. Busygina, A. Chechevishnikov, S. Chernyavsky, V. Degoyev,
A. Fedorchenko, A. Kazantsev, A. Lukin, V. Morozov, A. Nikitin,
L. Okuneva, V. Popov, V. Sergeyev.*

Issue Editors: *A. Dikarev, A. Lukin.*

Current issue of the IIS Yearbook is dedicated to the modern problems of Asia-Pacific region and Russian policy in this part of the world. The authors are leading experts not only from Russia but also from several countries of the region: China, Japan, India. The articles are grouped into three sections. The first section describes general political trends in the region and Russia's participation in these processes. Proceeding from the analysis of current situation the authors provide recommendations for increasing the role of Russia as the integral part of Asia-Pacific region, for stirring up its Eastern policy. In the second section the policy of main powers of the region (USA, China, Japan), their interaction with Russia and between themselves, as well as approaches to the main conflicts and problems in the region are examined. The third section considers the activities of regional international organizations and various problems of economic integration. The articles containing conclusions of an international pool of authors would be of certain value for experts in international relations, orientalists, all those interested in international issues and foreign policy of our country.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. РОССИЯ И АТР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	7
<i>М. А. Конаровский.</i> Безопасность в АТР и интересы России	7
<i>А. В. Иванов.</i> Сибирь и Дальний Восток в интеграционных процессах АТР в новых условиях	16
<i>С. В. Чугров.</i> Эхо Второй мировой войны и роль «мягкой силы» в АТР	22
<i>В. Я. Воробьев.</i> Китайский фактор в политике России в АТР	27
<i>А. Ивасита</i> (Япония). «Сконструированные территории»: некоторые размышления о территориальных спорах в Восточной Азии	33
<i>И. А. Сафранчук.</i> Сотрудничество России и Китая в Центральной Азии	43
РАЗДЕЛ 2. ЛИДЕРЫ АТР И МЕЖДУНАРОДНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ	47
<i>А. В. Лукин.</i> Российско-китайское сближение и структура международных отношений в АТР	47
<i>Фэн Шаолэй</i> (КНР). Отношения в треугольнике Россия – Китай – США после украинского кризиса	59
<i>И. Е. Денисов.</i> Китайско-американские отношения в АТР	75
<i>Чжао Хуашэн</i> (КНР). Создание образа: как Китаю закрепиться в Центральной Азии	80
<i>Лян Хуньи</i> (Тайвань). О возможности применения механизма «мер укрепления доверия» в отношении Китая и Тайваня	96
<i>В. И. Денисов.</i> Внутривосточные изменения в КНДР и их возможное влияние на ситуацию в Северо-Восточной Азии	110
<i>М. А. Конаровский.</i> Афганские вызовы и их влияние на реконфигурацию иностранного военного присутствия	118
<i>И. А. Сафранчук.</i> Об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 году и судьбе политического транзита	126
<i>Ниведита Дас Кунду</i> (Индия). Сухопутный, морской и воздушный аспекты проекта «Один пояс, один путь»: индийские перспективы	141
РАЗДЕЛ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В АТР	150
<i>В. Я. Воробьев.</i> Шанхайская организация сотрудничества в юбилейный год.	150
<i>А. В. Лукин, А. В. Иванов.</i> О задачах и перспективах дальнейшей работы Форума ШОС	157
<i>А. В. Иванов.</i> Перспективы создания зон свободной торговли в АТР: Транстихоокеанское партнерство и Азиатско-Тихоокеанская Зона свободной торговли.	164

CONTENTS

RUSSIA AND ASIA-PACIFIC REGION IN THE MODERN WORLD	7
<i>Mikhail Konarovskiy</i> . Security in Asia-Pacific Region and Russian Interests.	7
<i>Andrei Ivanov</i> . Siberia and the Far East in the Asia-Pacific Integration Processes with Regard to Economic Sanctions Against Russia	16
<i>Sergei Chugrov</i> . Echoes of Second World War and the Role of Soft Power in the North-East Asia.	22
<i>Vitaliy Vorobiev</i> . Chinese Factor in The Policy of Russia in the Asia-Pacific Region	27
<i>Akihiro Iwashita</i> (Japan). Constructed Territories: Featuring A Fantasy of East Asian Border Disputes	33
<i>Ivan Safranchuk</i> . The Cooperation of Russia and China in Central Asia.	43
 LEADERS OF ASIA-PACIFIC REGION AND INTERNATIONAL SITUATION ...	 47
<i>Alexander Lukin</i> . The Cooperation of Russia and China in Central Asia.	47
<i>Feng Shaolei</i> (PRC). The Trilateral Relations between Russia, China and USA on the Background of Ukrainian Crisis.	59
<i>Igor Denisov</i> . Chinese-American Relations in the Asia-Pacific Region	75
<i>Zhao Huasheng</i> (PRC). Image Creation: How China Can Gain a Foothold in Central Asia	80
<i>Liang Hongyi</i> (Taiwan). On the Possibility of “Confidence-Building Measures” Implementation with Regard to China and Taiwan	96
<i>Valeriy Denisov</i> . Home Policy Changes in North Korea and its Possible Impact on the Situation in North-East Asia	110
<i>Mikhail Konarovskiy</i> . Afghan Challenges and their Impact on Reconfiguration of Foreign Military Presence	118
<i>Ivan Safranchuk</i> . The Outcome of Presidential Elections in Afghanistan and the Future of Political Transit	126
<i>Nivedita Das Kundu</i> (India). Continental, Maritime and Aerial Aspect of the ‘One Belt One Road’: India’s Perspective	141
 INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN ASIA-PACIFIC REGION	 150
<i>Vitaliy Vorobiev</i> . The Jubilee Year of Shanghai Cooperation Organization.	150
<i>Alexander Lukin, Andrei Ivanov</i> . On the Tasks and Prospects of SCO Activities in the Future (Proceedings of the 10-th Session of SCO Forum).	157
<i>Andrei Ivanov</i> . Trans-Pacific Partnership, Free Trade Zone in Asia-Pacific and the Prospects of their Practical Implementation.	164

Раздел 1.

РОССИЯ И АТР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. А. КОНАРОВСКИЙ

БЕЗОПАСНОСТЬ В АТР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Михаил Алексеевич Конаровский – ведущий научный сотрудник
Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.и.н.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: makonarovsky@gmail.com

Аннотация: *Азиатско-Тихоокеанский регион остается основным двигателем мирового развития. Однако старый конфликтный потенциал и новые вызовы могут привести к дестабилизации обстановки. На повестке дня стоит вопрос создания сбалансированных структур региональной безопасности, что могло бы существенно нивелировать соперничество между Пекином и Вашингтоном. Лидирующую роль в этом сохраняют АСЕАН, а также набирающий обороты Восточноазиатский саммит (ВАС). Со своей стороны США стремятся форсировать формирование Транстихоокеанского партнерства для обеспечения своего общего доминирования в регионе. Основным соперником Вашингтона становится Китай, разрабатывающий свои альтернативные схемы. Интересам России отвечало бы продолжение формирования секторальных структур безопасности под эгидой АСЕАН и ВАС, а в экономическом плане – быстрая реализация программы ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока.*

Ключевые слова: *АТР, АСЕАН, ВАС, Транстихоокеанское партнерство, ШОС, региональное всеобъемлющее экономическое сотрудничество, экономический пояс шелкового пути, ЕАЭС.*

На фоне резкого осложнения ситуации на международной арене Азиатско-Тихоокеанский регион продолжает оставаться основным двигателем мирового экономического развития. Вместе с тем и здесь не только сохраняются застарелые нерешенные проблемы, но и появляются новые значительные вызовы. Это было вновь подчеркнуто на состоявшемся недавно в Маниле очередном саммите АТЭС, во время которого в связи с последним резким осложнением международной стабильности в результате массированных террористических актов запрещенного в России ИГИЛ его участники решительно осудили терроризм во всех его формах и проявлениях [16]. Особая актуальность принятия общей стратегии и скоординированных шагов по обеспечению в АТР стабильности и мира налицо, тем более что дестабилизация в регионе неизбежно привела бы к дополнительной, самой серьезной деградации обстановки на глобальном уровне.

Создание в последние десятилетия многоуровневых диалоговых механизмов по проблематике безопасности в АТР вытекало из конкретных геополитических реалий этой

части мира, где пересекаются интересы как глобальных мировых игроков, так и региональных государств. Значительное негативное влияние на положение дел оказывали и продолжают оказывать территориальные споры при различных базовых подходах заинтересованных сторон к их разрешению (на двусторонней основе или через международное посредничество), а также ядерная проблематика, гонка обычных вооружений, проблема разделенных народов. Среди усугубляющихся нетрадиционных угроз — терроризм, нелегальная миграция, религиозно-политический экстремизм и т.д.

Стремясь избежать участи заложников соперничества крупных держав, региональные государства в последние десятилетия стремились не только найти собственную нишу в диалоге по проблемам безопасности, но взять инициативу в свои руки и даже возглавить этот диалог. Такая линия, прежде всего, была тесно связана с деятельностью созданной в 1967 году Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹. В свое время фактически именно она превратилась в основную диалоговую площадку по проблематике безопасности АТР. При этом, как справедливо полагают некоторые исследователи, если взаимодействие государств в части нетрадиционных вызовов безопасности способствует укреплению тренда на универсальность уже существующих в АТР диалоговых механизмов, то соперничество в рамках подходов к вопросам традиционной безопасности предопределяет не только сохранение, но и укрепление в нем центробежных тенденций [5].

Кардинальные изменения в мире последней четверти века оказали самое серьезное влияние на дальнейшую эволюцию дискуссии по проблемам региональной безопасности. На фоне распада СССР и попыток США окончательно закрепиться в качестве единоличного мирового лидера, а также роста экономической и военно-политической роли Китая не только в АТР, но и в глобальном измерении резко возросло внимание расположенных здесь государств к сотрудничеству с Пекином по всему спектру проблематики безопасности. При этом США рассматривались как стратегически важный элемент подстраховки против растущих региональных амбиций Пекина. Азиатский экономический кризис 1997–1998 годов. придал дополнительный импульс такой тенденции, подкрепив ее, в том числе, и за счет окончательного оформления диалоговых механизмов АСЕАН с не входящими в ее структуру крупнейшими государствами зоны АТР.

Россия, признавая за АСЕАН роль ведущего многофункционального механизма региона, без активного сотрудничества, с которым невозможно обеспечить широкое политическое и экономическое присутствие здесь, нацелена на всемерное углубление политического диалога в формате Россия – АСЕАН в интересах обеспечения региональной безопасности и развития хозяйственных связей. Конкретные задачи на перспективу должны быть определены на базе готовящегося стратегического документа о долгосрочных перспективах двустороннего партнерства, которому в 2016 году исполнится двадцать лет, а также очередного плана совместных действий на ближайшее пятилетие [3].

Помимо Северо-Восточной Азии с ее сложным комплексом проблем, одним из наиболее взрывоопасных районов Восточной Азии остается акватория Южно-Китайского моря, где пересекаются не только важнейшие, имеющие общемировое стратегическое значение торгово-экономические пути, но и конкретные интересы Китая, Японии, Австралии, Южной Кореи и ряда государств – членов АСЕАН, а также опосредованно США² [2]. При этом региональные оппоненты стремления Китая закрепить свое доминирующее влияние в акватории ЮКМ в значительной степени рассчитывают на поддержку со стороны Вашингтона. Их особую, разделяемую США обеспокоенность, вызывает, в частности, строительство здесь насыпей и маяков, что представляется китайской стороной как направленное на обеспечение лучших условий для навигации в общих интересах [см. 17; 18]. Периодически возникающее здесь обострение обстановки показывает, что – при отсутствии взаимной доброй воли – территориальные споры в этой акватории могут

¹ Хотя окончательное оформление Ассоциации произошло только после создания в 1976 году ее Секретариата.

² Через Южно-Китайское море и Малаккский пролив проходит до четверти мировой торговли товарами и перевозимой морским путем нефти, а также до трети сжиженного природного газа; осуществляется до 60 % всей внешней торговли Китая, и эти цифры еще выше применительно к Австралии, Японии, Южной Корее и некоторым другим стран.

серьезно обострить общую ситуацию и во всем регионе. Вместе с тем быстрое и без видимых политических последствий разрешение последнего, октябрьского американо-китайского инцидента в акватории, на которую претендует Пекин, подтвердил осознание сторонами опасности перехода «за красную черту». В таком же ключе, несмотря на риторику, действуют и прибрежные государства – члены АСЕАН, стремящиеся, несмотря на настороженность к Пекину, продемонстрировать приверженность продекларированному более десятка лет назад совместному кодексу поведения на море. Чтобы дополнительно стимулировать такой настрой, нынешней осенью Пекин выступил с предложениями о некоторых дополнительных мерах доверия в ЮКМ.

В период после своего создания Ассоциация приобрела достаточный опыт реагирования на специфику политических процессов в АТР, приобретя репутацию одного из наиболее успешных проектов регионального сотрудничества [14, с. 285]. Вместе с тем осложнения межгосударственных отношений последних лет на глобальном и региональных уровнях, с одной стороны, и усугубляющаяся политическая напряженность в самом регионе, недостаточная институционализация АСЕАН, непростое внутреннее положение в государствах Ассоциации, их «неспособность преодолеть националистические настроения» в политике – с другой, вызывают у некоторой части политологического сообщества определенные сомнения в способности АСЕАН играть главную роль в построении новой архитектуры региональной безопасности [19]. Тем не менее члены Ассоциации, осознавая стоящие перед ними вызовы, полны решимости сохранять завоеванный политический статус. Опыт АСЕАН требует всестороннего изучения (в том числе, с точки зрения формирования и функционирования института ее диалоговых партнеров) и при дальнейшем проецировании расширенной архитектуры безопасности в АТР. В этой связи серьезную консолидирующую роль мог бы сыграть предполагаемый в ближайшем будущем запуск Сообщества АСЕАН.

В качестве базовых элементов будущей общей архитектуры региональной безопасности рассматриваются такие тесно связанные с АСЕАН структуры, как Региональный Форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны АСЕАН с коллегами из восьми государств – партнеров, а также созданный в 2005 году и активно набирающий позитивную динамику Восточно-Азиатский саммит (ВАС). При этом Китай и страны АСЕАН, в частности, намерены продолжать продвигать анонсированный в 2011 году проект Регионального всеобъемлющего экономического сотрудничества (РВЭС) в качестве экономического фундамента такой архитектуры. Он, однако, вступает в явное противоречие с продвигаемым Вашингтонским Транс-Тихоокеанским партнерством (ТТП)³. Став по существу экономическим фундаментом военно-политической доктрины стартовавшего тогда же американского «Поворота к Азии», он рассчитан на закрепление лидирующей роли США в Восточной Азии без учета экономических интересов не вошедших в этот пул государств. В данном контексте речь прежде всего идет о Китае: подписанное 5 октября 2015 года в США соглашение по ТТП может интерпретироваться Пекином как направленное на его экономическую изоляцию от значительной части региональных партнеров. Достаточно выпукло это проявилось в ремарках президента США Б. Обамы после достижения соглашения по ТТП о намерении Вашингтона блокировать любые действия Китая по формулированию правил глобальной экономики.

Что касается России, то, исходя из ее незначительной роли в торгово-экономических обменах и интеграционных процессах в АТР (исключение, по существу, составляет Северо-Восточная Азия), ТТП в ближайшей обозримой перспективе вряд ли окажет существенное воздействие на ее хозяйственные связи в этом регионе. Да и, как отмечают эксперты, высокий уровень требований, прежде всего, в области тарифных ограничений (помимо политических мотиваций), не создают возможностей для подключения Москвы к переговорному процессу [8, с. 113]. Тем не менее в отдаленной перспективе реализация Партнерства может серьезно осложнить реализацию соответствующих перспективных намерений Москвы в Азиатско-Тихоокеанском ареале. Как известно, недавно Россия и другие страны ЕАЭС заключили

³ Кроме США, в ТТП входят Австралия, Канада, Япония, Мексика, Малайзия, Перу, Чили, Н. Зеландия, Вьетнам, Сингапур, Бруней. Окончательные договоренности по ТТП были достигнуты 5 октября 2015 года, что, по оценке США, послужило дальнейшему укреплению стратегических отношений Вашингтона с союзниками и партнерами в этом жизненно важном регионе 21 века [6].

соглашение о зоне свободной торговли с таким участником ТТП, как Вьетнам, которое в перспективе может стать образцом для подписания подобных документов и с другими государствами (во всяком случае, такую возможность рассматривают еще сорок стран). Поэтому концепция Транстихоокеанского партнерства вполне согласуется с тезисом российского руководства о растущем экономическом эгоизме ряда государств (читай, прежде всего, – США), их стремлении к созданию эксклюзивных замкнутых экономических объединений без учета интересов других государств, в том числе и для того чтобы изменить существующие правила Всемирной торговой организации (ВТО) [10]. Обеспокоенность России непрозрачностью процесса формируемого ТТП (а также Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства – ТТИП) вновь конкретно обозначил президент России перед ноябрьским саммитом АТЭС 2015 года [11].

Вместе с тем, если между РВЭС и ТПП не будет найдено точек соприкосновения, то Азиатско-Тихоокеанский регион рискует столкнуться с новыми разделительными линиями, проходящими между конкурирующими между собой экономическими объединениями. А это в свою очередь приведет к углублению и политических разделительных линий. Определенные возможности для того, чтобы избежать такого сценария, скорее всего, могут быть найдены. Тем более, что такие участники ТТП, как Австралия, Япония, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур также имеют отношение и к дискуссии по проекту РВЭС; в стадии обсуждения находится также вопрос о зоне свободной торговли в треугольнике Китай – Япония – Южная Корея. В этом контексте перспективным проектом могла бы стать также анонсированная на саммите АТЭС 2014 года идея Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Осуществление такого масштабного проекта, безусловно, потребовало бы и более продвинутой и универсальной системы совместной политики безопасности.

Кроме того, реализация китайской инициативы 2013 года о создании «Морского Шелкового пути 21 века» (как составной части стратегии «Один пояс, один путь») [7, с. 3] в сопряжении с РВЭС способна создать дополнительную экономическую конструкцию для несущих конструкций региональной безопасности будущего. Как известно, вторая составляющая этой концепции – «Экономический пояс Шелкового пути предполагает охват, в том числе, регионов Центральной и Южной Азии, а также части акватории Индийского океана. В связи с этим могут появиться дополнительные возможности для развития соответствующего сотрудничества и в более широком евразийском измерении, в том числе на базе сотрудничества с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). В России активно продвигают такой подход, полагая его за образец гармонизации региональных экономических проектов или «интеграцию интеграций» на основе универсальных и прозрачных принципов международной торговли [10].

В последние два года наблюдается заметная активизация и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Становясь все более весомым фактором многовекторной системы безопасности в АТР, она продолжает активно обеспечивать более глубокую координацию в сфере безопасности, противодействия новым вызовам и угрозам, прежде всего терроризму и наркотикам, а также на экономическом треке. Связки ШОС с АСЕАН, безусловно, укрепляет начавшийся летом 2015 года процесс вступления в ШОС имеющей обширные интересы и связи в АТР Индии. Потенциал Организации укрепитя и за счет Пакистана – «секторального» партнера по диалогу с АСЕАН, который также начал движение к получению статуса полноправного члена в Шанхайской организации, а Камбоджа и Непал в 2015 году получили статус партнеров по диалогу ШОС. На ее саммите в Уфе, поддержавшем инициативу по ЭПШП, было зафиксировано намерение наладить необходимые в этой связи информационные обмены между государствами – членами «Шанхайской шестерки» [15]. Такое направление совместной деятельности могло бы существенно укрепить и политический потенциал ШОС в целом, способствуя, в частности, превращению ЭПШП из сугубо китайского проекта в международный. Учитывая же то, что половина членов «Шанхайской шестерки» (Россия, Казахстан, Киргизия) одновременно входят и в ЕАЭС, ШОС могла бы немалое сделать и для сопряженности Евразийского экономического Союза с Экономическим поясом.

Принятая тогда же в Уфе «Стратегия развития Шанхайской организации до 2025 года», констатируя особое значение соблюдения в современных условиях принципов равной и

неделимой безопасности для всех регионов мира, включая, естественно, и АТР, отметила в качестве важнейших приоритетов сотрудничество с ООН и другими международными и региональными организациями. В том числе, это касается и АСЕАН, сотрудничество с которой может совершенствоваться на основе имеющегося двустороннего Протокола [13]. В этом контексте можно было бы распространить и на обе эти структуры практикуемые в каждой из них регулярные встречи для обсуждения наиболее актуальных вопросов безопасности как в мире, так и в регионе (например, по линии Совещания министров обороны «АСЕАН Плюс» и соответствующего диалогового механизма министров силового блока в рамках ШОС). При возможной проработке вопросов гуманитарных связей в рамках региональных диалоговых механизмов (в том числе, о создании Сетевого университета АТР), мог бы пригодиться уже имеющийся на этот счет опыт ШОС.

В свете набирающего обороты фактора международного исламистского терроризма вполне очевидно, что ИГИЛ может начать активно распространять свое дестабилизирующее влияние не только на Южную, но и Юго-Восточную Азию, что уже вызывает растущую обеспокоенность в целом ряде стран АТР. Достаточно широкие возможности для широкого проникновения терроризма образца Исламского государства предопределяются как значительной религиозно – этнической пестротой региона, так и уже имеющимися здесь соответствующими негативными проявлениями. Наличие уже в течение многих лет исламистских и иных организаций, ориентированных преимущественно на силовые методы воздействия, создают для этого достаточно благоприятные условия. После объявления в 2014 году претензий ИГИЛ на мировой халифат его деятельность начала активно распространяться, в частности, на Малайзию и Индонезию, в том числе для рекрутирования боевиков, а также нелегальной переброски террористов в организуемые в этих странах учебно- подготовительные центры [21]. Ячейки ИГИЛ в Индии смыкаются с местными воинствующими исламистами, призывающими к вооруженному джихаду в целях исламизации всего населения страны [20].

Размах глобализации, дальнейшее укрепление роли государств АТР в мировом экономическом развитии при сохранении и даже усугублении внутрорегиональных противоречий, а также традиционных и новых угроз безопасности стимулировали создание в 2005 году Восточно-Азиатского саммита (ВАС) [5, с. 4–5]. Встречи последних лет в рамках Саммита, в том числе и на состоявшемся в ноябре 2015 года в Куала-Лумпуре, подтверждают, что он все более утверждается в качестве важнейшей общерегиональной площадки не только для диалога на высшем уровне по ключевым вопросам международных отношений, но и для практического взаимодействия по обеспечению безопасности в регионе. В последнее время именно на площадке ВАС формируется новая архитектура безопасности в АТР, в связи с чем имеется ряд серьезных, конкретных предложений⁴. Тот факт, что, в значительной степени перекликаясь между собой, они содержат немало идентичных положений, создает неплохую основу для выработки в перспективе консолидированного документа.

В 2011 году в свете признания возрастающей роли АТР в мировых процессах в Вашингтоне было принято решение о смещении акцентов в военно-политической доктрине страны на Восточную Азию в целях недопущения снижения там роли США. Самое серьезное, если не основное влияние на реконфигурацию американской политики, здесь, безусловно, оказал рост в регионе военно-политического и экономического «профиля» Китая и Индии, а также решение администрации Б. Обамы о сокращении военного присутствия в Афганистане и Ираке. При этом противоречия между Пекином и Вашингтоном становятся сегодня основным потенциальным кризисным источником в АТР. Отношения между ними будут оказывать все возрастающее, а впоследствии решающее влияние и на положение дел в ареалах, уже давно потенциально опасных для стабильности в этой части Азии. При этом усугубление американо-китайской напряженности оказало бы самое негативное влияние

⁴ К их числу относятся инициированная Россией и поддержанная Китаем и Брунеем идея о рамочных принципах укрепления сотрудничества в области безопасности в регионе и по соответствующему плану действий; инициатива Китая о «новой концепции безопасности в Азии»; идеи Индии об азиатско-тихоокеанской архитектуре безопасности с особым упором на обеспечение безопасности на море, предложение Индонезии по Индо-Тихоокеанской доктрине с заключением рамочного договора, нацеленного на предотвращение конфликтных ситуаций и поиск соответствующих взаимоприемлемых развязок.

на общую обстановку, разделив региональные государства на сторонников и противников каждого из этих больших игроков. Поэтому именно вокруг проблематики отношений между Пекином и Вашингтоном будут вестись все основные дебаты. В этом контексте представляется особо важной скорейшая выработка кодекса безопасности, который мог бы сдерживать наметившийся в последние годы новый виток соперничества этих двух крупных игроков в АТР.

Несмотря на нынешнее обострение отношений с Западом, Россия вряд ли может быть заинтересована в американо-китайской конфронтации в Восточной Азии. Это оказывало бы негативное влияние на обстановку в приграничной с ней Северо-Восточной Азии, соответственно, на планы развития связей страны как с государствами этого субрегиона, так и с АТР в целом⁵, что провозглашено одним из важнейших приоритетов внешней политики страны. Одновременно российско-китайское сотрудничество в проблемных точках АТР, прежде всего в СВА, а также в Южно-Китайском море могло бы стать весьма значимым элементом для дальнейшего двустороннего сближения, играя немаловажную дополнительную роль и в сдерживании тихоокеанских амбиций Вашингтона и его маневров по укреплению или созданию подконтрольных блоковых объединений. Взаимопонимание Москвы и Пекина по проблематике ЮКМ способствовало бы также нахождению общих знаменателей в отношении Вьетнама, с которым Россия строит привилегированные отношения, а у Китая имеются серьезные разногласия. Исходя из этого же, в политическом плане Россия всемерно заинтересована в противодействии закреплению в АТР закрытых военных альянсов, что было вновь подчеркнуто в выступлении В. В. Путина на последней сессии Генассамблеи ООН [10], а также в ежегодном Послании Федеральному Собранию 4 декабря 2015 года [9].

Потенциально опасным элементом для региональной стабильности остается комплекс проблематики Северо-Восточной Азии, (российско-японские, китайско-японские, корейско-японские отношения, противостояние между двумя Кореями) [1, с. 39]. Положение дел усугубляется и за счет вовлеченности в них ядерной проблемы. Разрешить этот общий узел в ближайшее время также вряд ли представится возможным, и он будет продолжать требовать повышенного внимания, во избежание эскалации. Что касается японо-российского территориального вопроса и так называемой тайваньской проблемы, то при всей их чувствительности для вовлеченных сторон, соответствующее поведение, скорее всего, будет в значительно большей степени предсказуемым и достаточно сдержанным.

Создание в АТР всеобъемлющей и юридически обязывающей страны – участницы системы безопасности, которая охватывала бы все военно-политические, экономические, этно-религиозные и иные аспекты развития региона, вряд ли достижимо в ближайшем обозримом будущем. Скорее всего, речь могла бы идти о дальнейшем совершенствовании уже созданных секторальных структур безопасности и совершенствовании многосторонней сетевой дипломатии. Именно на это делает упор российская дипломатия. Одновременно следует вычленять то общее, что способствовало бы постепенному созданию предпосылок и условий для дальнейшего сближения и конвергенции этих структур. Наиболее перспективной из них, по мнению России, на сегодняшний день является Восточно-Азиатский форум. Он рассматривается в Москве в качестве ключевого элемента будущей архитектуры широкой общерегиональной безопасности, который будет играть ведущую роль «в разработке единых для всех государств в регионе “правил игры”» [4]. При этом, с учетом значительного многолетнего позитивного опыта АСЕАН, было бы целесообразно сохранять за ним значимую балансирующую роль, в значительной степени и нивелирующую конкретные амбиции США и Китая. Вашингтон же предпочитает ориентироваться скорее на созданные под своей эгидой структуры, рассчитывая на «подтягивание» к ним остальных. В этом контексте особое внимание он, естественно, будет продолжать оказывать такому традиционному партнеру, как Япония (нынешние отношения с ней в США характеризуют как «самые крепкие» за всю их историю), а также Южной Кореи, Австралии и другим. Однако вряд ли было бы реалистичным, особенно в нынешних условиях международного развития,

⁵ На этом фоне, совершенно иную линию проводят США на северо-центрально-азиатском фланге границ Китая, где Вашингтон, нащупывая возможности для сотрудничества с Китаем, неизменно настороженно настроен в отношении роли в регионе России. [См.12, с.101]

рассчитывать на то, что США удастся в полном объеме реализовать свою стратегию.

Хорошей основой для создания в перспективе структурированной системы безопасности в АТР могла бы оставаться российско-китайская инициатива 2010 года, включавшая такие положения, как двустороннее и многостороннее сотрудничество в области безопасности на неблоковой основе и при соблюдении принципов суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела государств, приверженности принципам равной и неделимой безопасности. Особое внимание в такой работе следовало бы уделить акцентам на оборонительном характере военной политики государств АТР и развитию соответствующего сотрудничества, не направленного против третьих стран. Признание же принципа урегулирования разногласий мирными политическими средствами и неприятие использования военной силы или угрозы ее применения могло бы включать в себя также и запрет на поддержку усилий по свержению существующих правительств или подрыву стабильности государств. Словом, речь могла бы идти о своего рода рамочном кодексе поведения государств АТР. В 2013 году в рамках механизма ВАС был запущен процесс многостороннего диалога о формировании в АТР открытой архитектуры безопасности, и очередной раунд соответствующих консультаций намечен к проведению в Китае в следующем году. Инициативная политико-дипломатическая активность Москвы, в том числе в части запуска этого диалога, подтверждает ее намерение энергично восстанавливать и всемерно расширять участие в делах региона, которое заметно снизилось четверть века назад, после распада Советского Союза.

К дальнейшему повороту к Азии Россию подталкивают долговременные экономические и политические интересы, в том числе, и идея опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Приоритетное значение для нашей страны Восточной Азии, и в частности Китая, еще более возросло после резкого осложнения отношений России с Западом в последние годы (хотя предпосылки для такого обострения создавались достаточно давно). А тот факт, что многие западные политологи в последнее время все чаще стремятся «предостеречь» Россию от углубленного развития отношений с Поднебесной, косвенно отражает, по существу, их собственную растущую обеспокоенность несбалансированной внешней политикой Вашингтона и его союзников в отношении Москвы. Совершенно очевидно, что Россия продолжит наращивать усилия для того, чтобы максимально продуктивно для своих интересов и безопасности в регионе вписаться в политические и финансово-экономические структуры АТР. Одновременно следует ожидать дальнейшего активного продвижения идеи взаимодействия субрегиональных зон свободной торговли с Евразийским экономическим союзом. Задача формирования предметного экономического партнерства между ЕАЭС, ШОС (в том числе, с учетом начавшегося присоединения к ней Индии и Пакистана) и АСЕАН была поставлена в Послании В. В. Путина Федеральному собранию 4 декабря 2015 года при одновременном упоре на форсированную реализацию объектов приоритетного развития дальневосточных регионов страны. Конкретно речь могла бы идти о том, чтобы сосредоточиться на защите капиталовложений, облегчении процедур движения товаропотоков через границы, выработке общих технических стандартов, взаимном открытии доступов на рынки услуг и капиталовложений. Связующим звеном между Европой и АТР должен стать Северный морской путь, в связи с чем В. В. Путин поставил задачу повышения его конкурентоспособности, в том числе, за счет льготных режимов основных портов и гаваней на Дальнем Востоке. На первом Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2015 года обсуждались также вопросы модернизации Транссиба и БАМа, строительство газопровода «Сила Сибири». Речь может идти также и о сопряженности ЕАЭС и ЭПШП, а также о намерении подключить ЕАЭС и к запущенному в 2014 году процессу создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли [9]. О конкретной заинтересованности Москвы в том, чтобы не оставаться в стороне от экономических интеграционных процессов в АТР, свидетельствовало также и ее активное участие в созданном недавно Китаем Азиатском банке инфраструктурных инвестиций.

SECURITY IN ASIA-PACIFIC REGION AND RUSSIAN INTERESTS

Mikhail Konarovskiy, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

Summary:

Asian-Pacific region remains the world economy's driving force. Against this background, old unresolved problems as well as emerging new challenges could worsen stability. Necessity of working out balanced structures to maintain regional stability and decrease the rising competition between the US and China, is on the agenda. In this respect, ASEAN has not lost its credibility. Its joint experience, as well as that of the East Asian summit, is worth reviewing for better use in common interests. The United States, for its part, is striving for creation of TPP as a tool for keeping its influence in East Asia. China is becoming Washington's principal rival in the region and is working out its own alternative plans. It is in Russia's interest to continue the drawing up of sectoral security structures under the ASEAN and EAS umbrella. From economic point of view, it is necessary to speed up implementation of the Siberia and Far East development projects.

Keywords: *Asia Pacific region EAS, ASEAN, Trans Pacific Partnership, SCJ, Regional Comprehensive Economic Cooperation, Silk Road Economic Belt, EAEU.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Денисов В. Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет, 2015. № 1 (11).
2. Кашин В. Почему опять кипит Южно-Китайское море? [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegieendowment.org/2015/10/29/ru-61801/i107>
3. [Лавров С.В.] Комментарий и ответы С.В. Лаврова по итогам участия в министерском совещании Россия – АСЕАН, Куала-Лумпур, 5 августа 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher
4. Лавров примет участие в форуме АСЕАН по безопасности и Восточно-Азиатском саммите // ТАСС. 2015. 6 августа. URL: <http://tass.ru/politika/2168285>
5. Михневич С.В. Эволюция архитектуры безопасности в АТР и ее политико-экономическое измерение в конце 20 – начале 21 века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data>.
6. Переговоры по Транстихоокеанскому партнерству: участники достигли соглашения. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2319278> 5.10.2015
7. Перспективы и действия совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21 века» (пер. с кит. яз.) / Государственный Комитет КНР по развитию и реформе, МИД КНР, Министерство коммерции КНР. Март 2015 г.
8. Петровский В. Дилеммы азиатско-тихоокеанской интеграции в геоэкономическом и геополитическом контексте // Международная жизнь. 2015, № 8.
9. Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2015 года // Официальное интернет-представительство Президента РФ – [Kremlin.ru](http://kremlin.ru)
10. [Путин В.В.] Выступление Президента России В. Путина на 70-й сессии ГА ООН 28 сентября 2015 года // Официальное интернет-представительство Президента РФ – [Kremlin.ru](http://kremlin.ru)
11. Путин В.В. АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития // Российская газета. 2015. 17 ноября. [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/2015/11/17/statiya-site.html
12. Сафранчук И. А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь». 2015. № 8.
13. Стратегия развития ШОС до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: www.sectSCO.org.ru
14. Сумский В. Юго-Восточная Азия. Становление нового глобального игрока? // Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. – М., 2015.
15. Уфимская декларация глав государств – членов ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <http://sco-russia.ru/documents>
16. 2015 Leaders' Declaration. Manila. 19 November, 2015. URL: www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declaration

17. Joint drills with ASEAN proposed // ChinaDaily, Oct. 17–18, 2015.
18. Military leader pledges cooperation // ChinaDaily, Oct. 19, 2015.
19. *Pang J.* ASEAN and Global Change by // RSIS Commentary. № 253, 20 November, 2015.
20. *Rayakumar V.* The Changing Jihadist Threat to India // RSIS Commentary. № 229/2015, 27 October.
21. *Wanto A., Qadri A.M.* Islamic State: Islamic State: Understanding the Threat in Indonesia and Malaysia // RSIS Commentary. № 23/2015, 29 October.

А. В. ИВАНОВ

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ АТР В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

*Андрей Владимирович Иванов, ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: tako57@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается роль регионов Сибири и Дальнего Востока в интеграционных процессах в АТР, важность которого для России повысилась в связи с введением Западом антироссийских экономических санкций. Рассматриваются недостатки восточных регионов России, затрудняющие интеграцию с АТР, даются рекомендации по их устранению. Рассматриваются факторы, которые будут определять направления развития АТР на ближайшие 20 лет. Дается анализ сфер, в которых возможно развитие сотрудничества восточных регионов России и АТР.

Ключевые слова: АТР, Сибирь, Дальний Восток, интеграция, экономические санкции, экономическое сотрудничество.

Введение США и их союзниками, включая Японию, антироссийских санкций повысило важность программ развития торгово-экономических связей России с государствами АТР. Особая роль в этом процессе отводится регионам Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, имеющим на данном направлении конкурентные преимущества по сравнению с другими российскими регионами: 1) близость к динамично развивающимся рынкам АТР; 2) богатый ресурсный потенциал, включая запасы угля, углеводородов, гидроэнергетических ресурсов, железной руды, цветных и редкоземельных металлов, лесных ресурсов и т. п.; 3) климатическое разнообразие, позволяющее решать разноплановые задачи по развитию промышленности и сельского хозяйства. Вместе с тем успешная реализация соответствующих программ осложняется низкой плотностью населения, неразвитостью социальной сферы, отсутствием (редкостью) необходимой инфраструктуры, слабой связанностью регионов между собой и неразвитостью внутреннего рынка, выраженным сырьевым креном местной экономики.

Для обеспечения ускоренного развития Дальневосточного макрорегиона предполагается сконцентрировать усилия на четырёх приоритетных направлениях: 1) опережающем развитии транспортной и энергетической инфраструктуры; 2) создании условий для реализации 15–20 крупных комплексных инвестиционных проектов с длительными сроками окупаемости и перспективой формирования на их основе новых центров развития;

3) формировании конкурентоспособного рынка на территории Дальнего Востока и Байкальского региона; 4) создании условий для качественного наращивания человеческого потенциала – путём обеспечения комфортных условий для жизни граждан, развития современных образовательных и научных центров. Кроме того, особая роль в развитии региона Министерством по развитию Дальнего Востока отводится экспериментам по созданию территорий опережающего развития (ТОР), как минимум, на 14 площадках, а также реализации целевых инвестиционных проектов на 18 площадках.

Оптимизация модели экономического развития является важным, но недостаточным фактором сопряжения российской экономики с экономикой АТР. Необходимо понимание «адресов встраивания» в экономику АТР.

По оценкам экспертов, на политику государств АТР и глобальное позиционирование региона в ближайшие 10–20 лет будут оказывать влияние следующие факторы.

- Важнейшим критерием экономического успеха становится качество роста, а не его темпы, что означает повышение ценности человеческих ресурсов, повышение уровня образования, более справедливое распределение получаемых от экономического роста благ, участие максимального числа граждан в экономическом процессе, повышение качества урбанизации, укрепление отношений с соседями.
- Ведущие экономики региона (Китай, Япония и Южная Корея) инвестируют значительную часть свободных капиталов в рынки АСЕАН и Южной Азии.
- Выстраиваются новые региональные отношения, нацеленные на обеспечение собственного потребления и повышение эффективности местных экономик.
- Государства Азии пытаются стать более независимыми, что должно привести к росту доли производства качественной продукции с более высокой добавленной стоимостью, к росту числа собственных инновационных разработок. Одновременно будет стимулироваться совершенствование человеческого капитала и повышение творческой активности.

Своего рода мегатрендом развития АТР станет рост объемов и качества потребления.

Насколько востребованными могут быть восточные регионы России в рамках отмеченных выше процессов? Заинтересован ли азиатский бизнес в сотрудничестве с Сибирью и Дальним Востоком России? Обращаясь к китайской аудитории, министр по развитию Дальнего Востока РФ А. С. Галушка оптимистично заявлял, что «сегодня не только Россия зависит от стран АТР, но и поступательное развитие наших восточных соседей во многом зависит от России, от роста нашей взаимной торговли, объема инвестиций, от реализации крупномасштабных совместных проектов». Он отмечал, что в 2013 году товарооборот России со странами АТЭС вырос на 7,4 % (с остальным миром зафиксировано снижение). Взаимный товарооборот с Китаем в 2013 году составил 89 млрд долл., и можно ожидать, что планка в 100 млрд долл. будет преодолена в 2015 году. (События 2014 года помешали реализоваться этому прогнозу.)

А. С. Галушка признает, что развитие инвестиционного сотрудничества России и ее Дальнего Востока с КНР не отличается динамизмом, а Китай, являясь лидером по количеству создаваемых на Дальнем Востоке предприятий с иностранными инвестициями, по общему объему вложенных в экономику региона средств занимает одно из последних мест среди иностранных государств-инвесторов. В качестве средства исправления этой ситуации министр видит решение задач по радикальному улучшению инвестиционного климата, усовершенствованию законодательной базы на федеральном уровне. В этой связи он высказывал предположение, что заинтересованные компании и финансовые институты из стран АТР готовы вложить в Дальний Восток России до 2020 года примерно 150 млрд долл. США [3].

Впрочем, российский разворот на Восток, как правило, воспринимается в странах АТР без особого энтузиазма. Так, корреспондент японской «Санкэй симбун», известной достаточно критичным взглядом на Россию, объясняет решение России присоединиться к создаваемому Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций стремлением найти средства на развитие «отсталой» Сибири и Дальнего Востока. В официальных же китайских СМИ оценки «новой восточной политики» России как правило позитивны.

Весьма критично первые итоги разворота на Восток оцениваются и в самой России. Так, авторитетный журналист-китаевед А. Габуев констатирует [2], что «несмотря на объявленный поворот экономики России к новым динамичным рынкам в Азии, практические успехи пока невелики. Азиатским инвесторам мешают как макроэкономические факторы вроде волатильности рубля, так и настойчивое желание правительства развивать за Уралом промышленность и инновации, а не осваивать природные ресурсы». Ссылаясь на российских и зарубежных экспертов, а также на статистические данные из российских и китайских источников, тот же А. Габуев утверждает, что реальная работа на азиатском направлении началась с марта 2014 года, то есть после введения Западом санкций, и за прошедший с того момента год заметных успехов она не принесла – «реального «поворота на Восток» пока так и не произошло». В частности, России не удалось вызвать интерес у восточноазиатских инвесторов в инвестировании в восточные регионы России. По мнению азиатских экспертов, отмечает А. Габуев, главной причиной этого стала «неправильная стратегия», избранная российскими властями: они желают во что бы то ни стало развивать за Уралом обрабатывающую промышленность, инновации и высокие технологии, в то время как азиатским инвесторам эти сектора российской экономики якобы не интересны – для них куда важнее природные ресурсы. Среди других зависящих от России важных причин вялого интереса азиатских инвесторов к проектам в восточных российских регионах китаевед называет низкую емкость регионального рынка, дороговизну рабочей силы, незащищенность иностранных предпринимателей перед рэккетом и вымогательствами, коррупцию, тесную смычку бизнеса и власти, произвольное правоприменение, нестабильность экономической политики, плохое состояние инфраструктуры.

Ссылаясь на оценки зарубежных специалистов, А. Габуев называет два условия повышения инвестиционной привлекательности восточных регионов России: 1) совершенствование административных процедур и создание понятного для инвесторов «интерфейса» у органов власти; 2) выбор приоритетных секторов, основанный на анализе реальных потребностей азиатских рынков (здесь перспективным представляется сельское хозяйство, особенно такие его направления, как производство сои и животноводство).

Наибольшая активность китайского бизнеса в восточных регионах России приходится именно на добывающие отрасли и сельское хозяйство. Наблюдается интерес также к строительной сфере и межрегиональному туристическому обмену.

Интересной и позитивной для России оказалась реакция на введение антироссийских санкций делового сообщества Республики Корея. Видя, что санкции провоцируют активизацию сотрудничества России с Китаем, представители Южной Кореи высказывались за учет и собственных интересов, за то, чтобы отношения РК с Россией и с США разделялись. По-видимому, отражением такой позиции стало проведение в сентябре 2014 года месячника дружбы Дальнего Востока России с Кореей, посвященного 130-летию установления дипломатических отношений между Россией и Кореей и 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Участники мероприятий отмечали позитивное влияние введения в январе 2014 года безвизового режима, способствовавшего увеличению на 37 % потока туристов из Кореи в Россию. Другими сферами успешного сотрудничества восточных регионов с Республикой Корея стали производство сельхозпродукции, лесоразработка, гостиничный комплекс, автосборка. Отмечают также интерес южнокорейских инвесторов к идее создания на базе кампуса Дальневосточного федерального университета инновационного центра, а также к таким сферам, как энергетика, природные ресурсы, транспорт и новые технологии. Делаются попытки привлечь южнокорейские инвестиции в создание угольного кластера в Омсукчанском районе Колымы, где только разведанные запасы угля под открытую отработку составляют более 100 млн тонн. Южнокорейские эксперты выражали интерес к участию РК в российско-северокорейском проекте в Раджине, включая эксплуатацию железнодорожной ветки от Раджина до Хасана, в строительстве газопровода из России в Южную Корею, из Владивостока через КНДР на юг, либо через Китай и Желтое море в Россию.

При этом, однако, энтузиазм южнокорейских инвесторов сдерживает богатый негативный опыт ведения бизнеса в России, в частности провал проекта создания российско-корейского индустриального парка свободной экономической зоны Находка, одобренного

правительствами двух стран еще в 1999 году; проекта суперверфи «Звезда-DSME» в Большом Камне и уже фактически реализованного проекта завода электротехнического оборудования Hyundai Electrosystems, столкнувшегося с проблемами со сбытом продукции. Вину за провал этих проектов южнокорейская сторона возлагает на российских партнеров и теперь требует от российской стороны гарантий финансирования и обеспечения рынка сбыта продукции.

Аналогичные претензии предъявляют и японские инвесторы. Проявляя осторожность, они, в частности, выражают удивление тем обстоятельством, что для создания территорий опережающего развития (ТОР) российские власти выделили на Дальнем Востоке 14 площадок, что слишком много для фактически пилотного проекта, интерес к которому, по мнению японских бизнесменов, следовало бы постепенно наращивать, показав пример успешной реализации одного-двух проектов, как это было сделано в случае с заводом «Соллерс» во Владивостоке.

Еще одной темой, требующей внимания в контексте развития сотрудничества восточных регионов России с АТР, является модернизация региональной портовой инфраструктуры и формирование тихоокеанских портов России в единый транспортный узел. Региональные эксперты прогнозируют к 2020 году увеличение спроса на Дальнем Востоке на перевалку в морских портах наливных грузов почти до 70 млн тонн, навалочных и насыпных грузов – до 90 млн тонн, генеральных и контейнерных грузов – до 17 млн и 19 млн тонн, соответственно. Общая оценка Дальнего Востока через 5 лет – более чем 200 млн тонн, то есть примерно на 50 % нынешних показателей.

Для того чтобы транспортная система региона смогла «переварить» такие объемы перевозок, предлагается ряд мер. В частности, превращение порта «Восточный», имеющего прямой выход на Транссиб, в международный транспортный узел, БАМ и нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО-2). Кроме того, вдобавок к строительству порта «Зарубино» в бухте Троицы в Приморье предлагается проведение модернизации морского порта «Посыет» с целью создания на его базе современного угольного терминала, оснащенного передовым специализированным перегрузочным оборудованием. Этот список можно продолжать долго. Региональные эксперты отмечают, что в настоящее время в каждом порту Дальнего Востока реализуются или находятся в стадии подготовки проекты, способные более тесно интегрировать Россию в транспортную экономику АТР, однако для успешного их завершения требуется поддержка государства в вопросе обеспечения портам большей привлекательности в глазах инвесторов путем обновления портовой инфраструктуры.

Не следует, однако, забывать, что тормозом развития сотрудничества восточных регионов России со странами АТР могут стать не только неразвитость инфраструктуры и несовершенство российского законодательства, но и санкции, введенные Западом против России в связи с событиями на Украине и в Крыму. По мнению ряда экспертов, переориентация России на Восток не будет легкой и быстрой, поскольку ключевыми игроками в АТР являются США и Канада, инициаторы и активные участники антироссийских санкций. При этом многие дальневосточные проекты до сих пор опирались именно на европейские и североамериканские инвестиции, так что санкции могут ударить, как минимум, по некоторым из них. В частности, по проектам, которые курируются или к которым имеет отношение президент компании «Роснефть» И. Сечин, вошедший в санкционный список. Среди наиболее уязвимых проектов называют «Сахалин-1» (в связи с возможным отказом Exxon Mobil от инвестиций в «Дальневосточный СПГ»), а также золотодобывающие проекты Чукотки. Впрочем, в случае ухода американских и европейских инвесторов освободившуюся нишу могут занять азиатские партнеры России, в первую очередь китайские.

Без излишнего пессимизма оценивали возможное влияние антироссийских санкций на процесс развития сотрудничества восточных регионов России с АТР и участники состоявшейся осенью 2014 года XVIII международной конференции «Нефть и газ Сахалина», проводимой Институтом Адама Смита и собравшей максимальное число участников за всю историю проведения – около 600 человек из более чем 20 стран. Чуть ли не главной проблемой российских экспортеров были названы не западные санкции, а риск возникновения конкуренции российскому СПГ на рынке АТР при несогласованных действиях российских добывающих компаний [1].

Достаточно оптимистично оцениваются и перспективы развития туристического бизнеса, в частности медицинского туризма. Несмотря на ситуацию с санкциями, вслед за Сингапуром и Южной Кореей на рынок российской международной медицины выходит Япония, являющаяся мировым лидером по внедрению высокотехнологичного диагностического оборудования, такого как системы магнитно-резонансной визуализации (МРТ) и позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ). Так что наиболее активно развивающееся направление – диагностические медицинские программы. Это вызвано тем, что Япония стремится закрепиться на международном рынке медицинских услуг и поэтому задумывается не только о продвижении медицинского туризма, но и об экспорте своих медицинских учреждений и своего опыта медицинского обслуживания. Перспективной сферой сотрудничества России и Японии является фармакология в связи с введением российской стороной ряда ограничений при приобретении лекарств западных производителей и ухода с российского рынка западных партнеров, чье место и может занять Япония.

Активизация на российском рынке японских компаний, занимающихся медицинским туризмом и медицинскими услугами, может стать для частных компаний и госучреждений Сибири и Дальнего Востока неплохой подсказкой при поиске оптимальной линии поведения в условиях западных санкций. Она демонстрирует, что японский бизнес, как и во времена введения Западом санкций в отношении СССР из-за известных событий в Афганистане, готов проигнорировать «установки» западных партнеров, если того требуют японские экономические интересы. Однако потенциальным японским и другим азиатским инвесторам необходимо помочь увидеть и осознать эти интересы, связанные с Россией. На поверхности лежат лишь ставшие уже традиционными сферы сотрудничества – прежде всего, энергетика, сельское хозяйство и туризм. Конечно, их потенциал далеко не исчерпан, и сотрудничество на этих направлениях может принести значительную пользу восточным регионам России. Однако в этих сферах действуют в основном крупные компании, не оставляя места для средних и мелких предпринимателей. Шанс им дают как раз такие направления, как медицинский туризм.

Очевидно, что перспективы имеет сотрудничество и в других сферах, связанных с высококвалифицированными услугами, например научное сотрудничество между сибирскими, дальневосточными и восточноазиатскими – в первую очередь китайскими, корейскими и японскими – университетами. Пока эта область сотрудничества развита очень слабо, в оправдание чего приводят тезис о том, что российские университеты сориентированы в первую очередь на подготовку кадров, а, например, японские – на научный поиск и практические разработки. Представляется, что работа именно в этом направлении могла бы изменить восприятие Сибири, Дальнего Востока и России в целом как поставщиков сырья и энергоресурсов, поскольку попытки превратить восточные регионы России в «фабрику Азии» обречены на провал в условиях, когда этот титул уходит уже и от Китая с его растущим уровнем жизни и, как следствие, стоимостью трудовых ресурсов к более дешевым в этом отношении Индии, Вьетнаму, Филиппинам.

Таким образом, за пределами сырьевой, сельскохозяйственной и топливно-энергетической сфер Россия может предложить Восточной Азии, помимо туризма, услуги образования и сотрудничество в области инноваций. Однако для этого потребуются немалые усилия по изменению сознания руководителей сибирских и дальневосточных вузов, организации способных к конкретной и плодотворной практической работе инновационных центров и созданию новых условий взаимодействия бизнеса и науки для выявления источников финансирования последней.

Кроме того, необходимо формирование структуры продвижения научных и практических разработок сибирских и дальневосточных университетов к потенциальным потребителям в АТР с задействованием возможностей российских посольств и представительств в странах региона и в многосторонних региональных экономических организациях, в которых участвует Россия. Появление разработок, способных заинтересовать азиатских партнеров, может открыть возможности для организации их производства на территории России, что поможет решить проблему с созданием на территории российских восточных районов, в первую очередь приграничных (с учетом их близости к возможным потребителям), новых рабочих мест, способных привлечь в регион квалифицированные кадры.

SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE ASIA-PACIFIC INTEGRATION PROCESSES WITH REGARD TO ECONOMIC SANCTIONS AGAINST RUSSIA

*Andreu Ivanov, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO,
Institute for International Studies (University) MFA of Russia*

Summary:

The article discusses the role of Siberia and Far East regions in the integration process in the Asia-Pacific region, whose importance for Russia has increased after introduction of anti-Russian economic sanctions. The article describes the shortcomings of Russia's eastern regions impeding integration with Asia-Pacific, provides recommendations how to remove them. The factors that will determine the direction of the APR in the next 20 years are listed. The analysis of areas where cooperation could bring the development of eastern regions of Russia and the Asia-Pacific region is given.

Keywords: *Asia-Pacific, Siberia, the Far East, integration, economic sanctions, economic cooperation.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Воронцова Н.* Экономические санкции против России не помешают ей осваивать шельфовые ресурсы Дальнего Востока // Дальневосточный капитал. 2014. Октябрь. [Электронный ресурс]. URL: http://dvkapital.ru/timezone/dfo_20.10.2014_6491_ekonomicheskie-sanktsii-protiv-rossii-ne-pomeshajut-ej-osvaivat-shelfovye-resursy-dalnego-vostoka.html
2. *Габуев А.* Дальние восточные инвесторы. Что тормозит поворот российской экономики к азиатским рынкам // Коммерсантъ-Власть. 2015. № 8. 2 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2674988>
3. *Галушка А. С.* Близкий сосед лучше дальнего родственника. [Январь 2014. Статья для «Китайского экономического сайта», партнера Ассоциации «СИНО-РУС»]. [Электронный ресурс]. URL: http://intl.ce.cn/specials/zxxx/201405/24/t20140524_2867070.shtml

С. В. ЧУГРОВ

ЭХО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*Сергей Владиславович Чугров, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис» («Политические исследования»).
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: sergeychugrov@gmail.com*

Аннотация: В статье рассмотрены не разрешенные со времени окончания Второй мировой войны конфликты по поводу спорных территорий, в которые вовлечены государства Восточной Азии – Япония, Китай, Южная Корея, Россия. На конкретных примерах показано, как государства региона пытаются либо решить территориальные проблемы, либо использовать их в своих внутри- и внешнеполитических интересах.

Ключевые слова: Восточная Азия, территориальные споры, конфликты.

70 лет прошло после окончания Второй мировой войны, а народы Азиатско-Тихоокеанского региона продолжают довольно ощутимо испытывать последствия событий того времени¹. До сих пор остаются нерешенными вопросы, которые впервые встали в ходе послевоенного урегулирования, а некоторые из них обрели крайне драматические черты. Последние годы стали периодом обострения противоречий в Северо-Восточной Азии. Обострились сразу три территориальные проблемы, унаследованные с 1940-х и начала 1950-х годов. Это споры между Японией и Китаем, Японией и Южной Кореей, а также между Японией и Россией. К числу болезненных проблем надо отнести и ситуацию вокруг островов в Южно-Китайском море (Парасельские, Пескадорские и архипелаг Спратли). По числу потенциальных очагов конфликта Восточная Азия сейчас лидирует среди регионов мира. При этом обострение территориальных конфликтов происходит на фоне непростой ситуации вокруг ядерной программы Северной Кореи. А это сочетание факторов может привести к превращению региона в пороховую бочку.

Политические и экономические интересы в этом четырехугольнике тесно переплетены, и ни одна сторона не хочет эскалации конфликта до уровня военных действий. Однако этот сдерживающий фактор в определенный момент способен неожиданно оказаться неэффективным: когда обстановка крайне накалена и нервы у всех напряжены, любой

¹ Исследование по теме «Использование “мягкой силы” в Азиатско-Тихоокеанском регионе» было проведено автором при поддержке Российского гуманитарно-научного фонда» (грант 13-03-00282а).

случайный, несанкционированный ракетный пуск может дать старт цепочке нежелательных последствий, и таким образом территориальные споры могут привести к реальной военной эскалации. Это сейчас кажется маловероятным, но надо учитывать и этот «кошмарный сценарий». В случае более умеренного, но тоже опасного сценария Япония способна отказаться от 9-й статьи своей конституции и встать на рельсы перевооружения, а это катастрофически обострит напряженность в регионе.

Из позитивных факторов выделяю только два. Во-первых, тлеющий конфликт между Китаем и Южной Кореей удалось уладить: Пекин, проявив умеренность, отказался от притязаний на крошечный корейский островок Йодо, показав странам региона, что есть возможность договориться дипломатическим путем. Это очень важный прецедент. Во-вторых, ни один из дипломатических конфликтов так и не перешел в военную фазу.

До недавних пор наиболее угрожающе развивался конфликт вокруг островов Дяоюйдао/Сэнкаку. Однако создание обеими сторонами механизма, обеспечивающего постоянный и эффективный контроль над ситуацией вокруг Дяоюйдао, — это важнейший шаг, который позволяет избежать роковых ошибок и дестабилизации. Сейчас драматизм ситуации значительно спал, но спор вокруг Дяоюйдао, по всей видимости, еще долгое время будет находиться в подвешенном состоянии и беречь чувства обоих народов.

А еще совсем недавно, в 2012 году, ситуация была на грани стремительной эскалации конфликта. (Причиной этого было приобретение правительством Японии трех островов у японского частного владельца, после чего, как известно, группа жителей Гонконга в знак протеста высадилась на островах и была задержана.) С одной стороны, японцы продемонстрировали толерантность и даже слабость: вместо того чтобы посадить в тюрьму гонконгских активистов за «нарушение границы», они их только депортировали на родину. С другой стороны, Китай убедительно продемонстрировал силу, не допустив эскалации. Но это был опасный эксперимент: Токио был на грани того, чтобы кардинально пересмотреть свою военно-политическую стратегию. А новая оборонная стратегия Токио может оказаться весьма неприятной и болезненной для всех стран региона и драматически изменить баланс сил в северо-восточной части Тихого океана. Введение Пекином «зоны опознавания ПВО» Китаем — это очередной раунд противостояния. Надо подчеркнуть, что Китай никаких мобильных либо постоянных средств противовоздушной обороны в «зоне» — как ее нередко называют — не дислоцирует. У Пекина нет зенитно-ракетных вооружений, чтобы эффективно контролировать район таких масштабов, — в этой зоне могут быть использованы лишь истребители. Но напряженность в регионе резко возросла.

Угроза безопасности региона заключается в том, что за спиной Японии мы видим США. Пока существует японо-американский договор безопасности, ситуация в регионе, по всей видимости, останется напряженной. Во время своего последнего визита в Японию президент Обама заявил, что военные гарантии США распространяются на Дяоюйдао. Если бы Китай решился прибегнуть к военной силе, то столкнулся бы не столько с Японией, сколько с США. Россия высоко ценит взвешенную позицию китайского руководства, которое ясно понимает, что развития событий по такому опасному сценарию допустить никак нельзя.

Сильный дестабилизирующий фактор — это визиты президентов и других высших должностных лиц на спорные территории. Так, в августе 2012 года президент Южной Кореи Ли Мен Бак посетил один из островов Токто/Такэсима, которые в Токио считают спорной территорией. Визит был приурочен к юбилею освобождения Кореи от японской оккупации. Надо подчеркнуть, что руководители Южной Кореи никогда в истории не посещали эти территории (даже отличавшийся откровенно антияпонской риторикой президент Но Му Хён воздерживался от посещения островов, желая избежать ухудшения отношений с Японией). Реакция Токио на визит корейского лидера была крайне острой, и ситуация оказалась на грани резкой дестабилизации. Визит был обусловлен, как представляется, исключительно внутривнутриполитическими причинами. Оппозиция в Южной Корее искусно использовала тот факт, что население помнит преступления японской императорской армии во время оккупации с 1910 по 1945 годы. Например, когда на Олимпийских играх в Лондоне футбольная команда Южной Кореи победила японцев в матче за бронзовую медаль, футболист Пак Юн Ву поднял над головой корейский флаг с надписью «Острова Токто — наши!». Усиление антияпонских настроений в лагере оппозиции, возможно, заставило правящую партию

принять популистские меры, чтобы перехватить лозунги оппозиции, а также поддержать свой пошатнувшийся авторитет внутри страны.

Власти Японии после шокировавшего южнокорейцев визита отозвали посла и предложили решить территориальный вопрос на базе ООН. Однако корейские власти отвергли предложение, подчеркнув, что причин для обращения в международный суд нет. Чтобы наглядно подкрепить свою позицию, южнокорейские власти установили на одном из островов Токто монумент, демонстрирующий принадлежность островов к Южной Корее.

Возможно, это обострение ситуации постепенно сошло бы на нет — обе стороны обозначили позиции, президент Южной Кореи достиг своих внутривластных целей, и в раздувании конфликта уже не было бы смысла. Но именно тогда, в сентябре 2012 года, обострился территориальный спор Китая с Японией вокруг островов Дяоюйдао. Завязался сложный трехсторонний узел — Китай, Корея, Япония.

Не секрет, что будущее региона будет во многом складываться в зависимости от состояния отношений между ключевыми акторами в регионе — Пекином, Вашингтоном, Москвой и Токио — в условиях беспрецедентного экономического усиления Китая, роста военной активности США, стремления России справиться с попытками ее политической изоляции со стороны Запада и ослабления позиций Японии. Влияние Токио в Азиатско-Тихоокеанском регионе подвергается большим испытаниям: многие народы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии крайне критически относятся к Японии, поскольку не могут забыть преступления императорской армии во время Второй мировой войны. Столь же негативно они воспринимают любые попытки по усилению роли Токио в регионе. Эти опасения сблизили даже недругов. Например, в конфликте вокруг островов Токто Пхеньян, редко упускающий шанс покритиковать «марионеточный режим» Сеула, целиком его поддержал. А Тайвань однозначно поддерживает Китай по проблеме принадлежности Дяоюйдао/Сэнкаку.

Казалось бы, Япония в таких условиях должна вести себя очень осторожно. Какие же мотивации у Токио, чтобы идти на обострение территориальных споров в регионе? Японский премьер Синдзо Абэ известен своим стремлением «проявить твердость». 18 декабря 2014 года германская газета «Вельт» (Die Welt) отметила, что Абэ демонстрирует новый «авторитарный тренд». Вместе с Абэ в этом списке президент Владимир Путин и президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. По мнению немецкой газеты, их объединяет с Абэ то, что в своей политике «они делают ставку на национализм, традиционные культурные ценности и желание взять реванш за исторические унижения. Они также мстят за прошлые унижения, главным из которых для Абэ является поражение Японии во Второй мировой войне. Японский премьер мечтает вернуть своей стране былое величие и изменить навязанную Японии «американскими оккупантам» пацифистскую конституцию. В свою очередь российский президент использует «аннексию» Крыма для демонстрации силы после развала Советского Союза». Обращает на себя внимание и то, что недавно Абэ сказал, что новое поколение японцев надо воспитывать в духе гордости за историю Японии. А это означает, что скоро появятся новые школьные учебники, в которых варварские карательные акции японской императорской армии в Китае, например Нанкинская резня и бесчеловечные медицинские эксперименты над китайскими военнопленными в «отряде 731» близ станции Пиньфань в Манчжурии, будут называться просто обычными «военными операциями». Такая пропагандистская позиция не может быть безразлично воспринятой ни в Китае, ни в Корее, ни в странах Юго-Восточной Азии, и российские эксперты это сочувственно понимают.

Внешнеполитическая напряженность и националистические рецепты разрешения спорных проблем на руку тем силам в Японии, которые хотят отвлечь население страны от нарастающих внутренних проблем, призрака нависающих финансовых трудностей, связанных с неизбежными и непопулярными реформами.

Здесь скрыта каверзная ловушка для Японии. Нарастание националистических настроений, несомненно, вызовет обострение территориальных споров, раздражение соседних государств и — главное — подрыв стабильности в регионе. Самые спорные проблемы в китайско-корейско-японских отношениях — это вопрос «интерпретации истории» и оценка моральной ответственности Токио за ущерб, причиненный в ходе конфликтов, а главное —

ритуал извинения, к которому лидеры Японии до сих пор относились формально. Япония вновь окажется отброшенной в прошлое.

На фоне обострения отношений Японии с Китаем и Кореей стала очевидна несостоятельность позиций правящих кругов Токио и по вопросу «северных территорий», как японцы называют российские южные Курилы. Напомню, что японский парламент в июне 2010 года единогласно проголосовал за принятие поправок к закону «Об особых мерах для форсирования решения проблемы Северных территорий». В тексте поправок к закону зафиксировано положение о принадлежности Японии этих четырех островов. В России это вызвало сильное возмущение. В целях подтверждения суверенитета России тогдашний президент Медведев посетил с визитом Кунашир 1 ноября 2010 года, что стало сильной моральной травмой для японцев. В июле 2012 года визит был повторен лишь с той разницей, что Медведев его совершил уже в качестве премьер-министра.

России и Японии не удалось выйти на уровень истинно партнерского сотрудничества. В чем же причина? Очевидно в том, что ни Москва, ни Токио пока не решили, какова стратегическая значимость для них этих отношений.

Симптомы того, что может состояться прорыв в двусторонних отношениях, есть. Японские санкции в связи с событиями на Украине имели ограниченный и символический характер. Интенсивность контактов возросла. Однако ни в России, ни в Японии нет достаточно влиятельных социальных или лоббистских групп, которые могут заставить власти решить территориальный вопрос. Чтобы решить спор, надо не просто хотеть его решить, а целеустремленно искать для этого возможности. Когда обе стороны захотят – и очень сильно захотят! – решить вопрос, они его решат. То есть отношения не потому не урегулированы, что существует территориальная проблема, а, наоборот, стороны не в состоянии разрешить проблему островов, поскольку их отношения недостаточно хороши. А лечить надо не симптом, а основное заболевание.

Среди причин непонимания между нациями одного культурного ареала следует назвать – как ни парадоксально – общие культурные ценности, точнее – различия в их интерпретации сторонами, которым надо преодолеть причины недоверия. Очень важна роль «мягкой силы» в культурных и научных обменах в регионе. Накал антияпонских настроений в Китае показывает, что притягательная сила культуры, а в китайском случае – в первую очередь поп-культуры – имеет пределы воздействия на общественное мнение, политические симпатии и антипатии. Культура стран Тихоокеанского бассейна также оказывает влияние на развитие общественного сознания на российском Дальнем Востоке. Уже сама близость Китая, Японии, Кореи, магнетическая сила древней китайской культуры, конечно, влияют на мировоззрение населения российского Дальнего Востока.

После ужесточения кризиса вокруг Украины и продления санкций США и Западной Европы, ущемляющих экономические интересы России и ее достоинство, отношения со странами Северо-Восточной Азии приобрели для Москвы беспрецедентно важное значение. Россия не намерена прерывать попыток урегулировать отношения с Западом, но их надо разумно балансировать конструктивным развитием партнерских отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Тут приоритеты России в северо-западной части Тихоокеанского бассейна очевидны: Китай занимает ключевое место в стратегических расчетах России. С Китаем у России – 4300 км общей границы. Уже одно это означает, что без Китая Москва не в состоянии строить нормальную систему международных отношений в Азии. Но делать ставку исключительно на великого соседа было бы для России политической близорукостью. Вполне уверенно можно утверждать, что российскому народу едва ли подошла бы роль «младшего брата» в тандеме с Китаем наподобие того, как Китай в 1950-х годах считал СССР «старшим братом». Куда более желателен сценарий конструктивных и, главное, сбалансированных отношений со странами региона с приоритетной опорой на партнерские связи с Китаем.

Политические контакты нуждаются в диверсификации с учетом, безусловно, центрального положения Китая в этой системе. Наиболее предпочтительный сценарий для России – дипломатическое урегулирование всех территориальных споров в регионе на основе компромиссов. Надо отказаться от эскалации напряженности и, если не удастся договориться, оставить нерешенные вопросы будущим поколениям. Территориальные проблемы не должны мешать позитивному развитию отношений на всех уровнях.

ECHOES OF SECOND WORLD WAR AND THE ROLE OF SOFT POWER
IN THE NORTH-EAST ASIA

*Sergei Chugrov, Professor, Institute for foreign relations (MGIMO), MFA of Russia;
“Polis” (“Political Studies”) journal, Editor-in-chief.*

Summary:

The article deals with the unsolved territorial disputes inherited by East Asia countries (Japan, South Korea, China, Russia) after the World War II. It is shown how the countries of this region are trying to solve these problems or to use them in their own interests in domestic and foreign political actions.

Keywords: *East Asia, territorial disputes, conflicts.*

В. Я. ВОРОБЬЕВ

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В АТР

Виталий Яковлевич Воробьев, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол. 119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: asia@mgimo.ru

Аннотация: *Статья представляет собой подробный анализ внутри- и внешнеполитических реалий развития Китая при Си Цзиньпине применительно к тенденциям углубления российско-китайского партнерства, выходящего на уровень стратегической сопряженности. Рассматриваются различные теоретические аспекты концепции «экономического пояса шелкового пути», возможности и проблемы ее практического воплощения. Дается прогноз изменений позиций и роли Китая в международных отношениях в АТР и во всемирном масштабе.*

Ключевые слова: *Россия Китай, шелковый путь, стратегическая сопряженность, США, политика в АТР.*

Китайский фактор — это многокомпонентная совокупная постоянная величина в политике России. Азиатско-тихоокеанское направление выступает его специфическим преломлением, имеющим все возрастающую самостоятельную значимость. Не только потому, что вот уже почти 350 лет две крупнейшие мировые державы географически соседствуют друг с другом, гранича сегодня на протяжении почти 4 300 км. Там политические линии двух государств могут конфронтационно сталкиваться, что бывало и составляет печальную главу истории этого соседства. А могут, как это имеет место на современном этапе, поощрять добрососедство и взаимопонимание относительно динамики международного контекста, в котором действуют Россия и Китай.

Принадлежность к разным цивилизационным контурам всегда сказывалась на восприятии и толковании китайского фактора. Сейчас решающий отпечаток накладывают вовлеченность двух стран в процессы глобализации и информатизации, а также отношения всеобъемлющего сотрудничества и стратегического доверительного партнерства, утвердившиеся между Россией и Китаем в последнее двадцатилетие и договорно оформленные в 2001 году.

Чтобы оценить параметры и характер эффекта, которого можно ожидать от китайского фактора, представляется целесообразным укрупненно обозначить ряд китайских реалий. Многие из них несут в себе заряд серьезных тенденций. Полезным подспорьем служит их политологическое обрамление, особенно суждения, передающие отголоски дискуссий,

ведущихся вокруг позиционирования КНР в мире, в том числе касательно роли российского фактора для Китая.

* * *

Китайское руководство шестого поколения во главе с Си Цзиньпином неотступно ведет линию на усиление политической устойчивости и укрепление материальной ткани отношений России и Китая. Их нынешний формат полностью устраивает Пекин. Его подают в качестве эталонной модели в формировании «нового типа» двусторонних отношений между крупными государствами и приоритетно выделяют из более десяти разновидностей партнерства, установленных Китаем почти с 70 странами. К характеристикам этого типа отношений следует присоединить взаимодействие двух государств в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которое включает серьезные обязательства по Договору о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заключенному шестью странами – членами ШОС в 2007 году.

В Пекине поощряют стремление российского руководства действовать активно на азиатско-тихоокеанском направлении, развивать восточносибирские и дальневосточные регионы, наращивать экономическое и военно-политическое присутствие в АТР.

Там принимают в расчет то обстоятельство, что как Россия, так и Китай, будучи тихоокеанскими державами, имеют свое видение ситуации и по-своему формулируют собственные интересы [1], но все же считают при этом основные вызовы стратегического порядка общими для России и Китая. По мнению китайцев, они проистекают главным образом из сделанного президентом США Б. Обамой «разворота» американской политики в сторону доминирования в тихоокеанском пространстве. Потому не исключают возникновения своеобразной конфигурации, где американо-японский союз, который его участники не собираются ослаблять, будет политически балансироваться крепнущим российско-китайским партнерством. Нынешнюю международную конъюнктуру, связанную с обострением для России сложностей на западном фланге ее политики, в Китае склонны рассматривать как фактор, могущий способствовать подобному эволюционному движению.

Под таким углом зрения китайцев не беспокоит, а скорее наоборот – устраивают усиление российского военного потенциала на тихоокеанском направлении, уплотнение взаимодействия в разных формах по линии оборонных ведомств, налаживание оперативных связей на суше и на море. Если это не будет перерастать в попытки вовлечь Россию в какие-то конкретные ситуационные коллизии, то, думается, к военному сотрудничеству с Китаем, включая военно-технические аспекты, следует подходить не в конъюнктурно-временном ключе, а видеть в нем один из цементирующих смыслов сложившегося формата российско-китайских отношений.

Сейчас вдвойне понятно, что полное урегулирование пограничных вопросов имело далеко не прикладное «размежевательное» значение. Оно действительно было таким событием в истории двусторонних отношений, которое во многом обозначило вектор и переменяло атмосферу их развития. Соглашения 1996 и 1997 годов о военной разрядке в районе границы, выполняемые сторонами неукоснительно, вносят свой вклад в то, что граница и прилегающие к ней районы двух стран уже воспринимаются в качестве ландшафта взаимовыгодного соразвития.

Решение Россией огромных и долгосрочных социально-экономических задач по подъему сибирско-дальневосточных регионов, по их встраиванию в высококонкурентную среду стран Восточной Азии и Тихого океана, в последние годы являвшимися драйверами мировой экономики, невозможно без солидной опоры на соседний Китай [1, с. 74]. Это, конечно, не должно создавать впечатления, в том числе у Пекина, в ее единственности. Но сопряжение больших экономических программ, особенно касающихся российского Дальнего Востока и китайского Северо-Востока, транспортных инфраструктур двух стран, становится не просто реальной потребностью, а насущной необходимостью. На это весьма настроены в Пекине.

Не стоит рассчитывать на то, что Китай окажется способным заместить нам санкционные потери, количественно и особенно – качественно. Он не пойдет на это из-за естественного нежелания угодить самому под западные ограничения. Однако солидарность может прояв-

лять значительную, что и делает, пусть не без упорного торга по деталям.

Кроме того, китайская модель высоких темпов экономического роста начала давать сбои. Наблюдается наложение друг на друга двух факторов негативного порядка – заметное сокращение внутреннего спроса в Китае на готовые изделия, сырье и компоненты и слабость традиционных внешних рынков для китайского экспорта. Достаточно сказать, что внешнеторговый оборот за пять месяцев 2015 года последовательно сокращается (весьма заметно с ЕС, Японией и Россией) при сохранении некоторого роста с США.

С чем весь мир имеет дело – симптомами серьезного системного заболевания или с признаками временного недомогания – пока определить трудно. Соппротивление «усилению встречных ветров» уже стало предметом первоочередной озабоченности китайского руководства и, видимо, не на короткий период времени. Очень высокая степень включенности Китая в глобальные финансово-экономические процессы, а также разнообразные внутренние социальные напряженности, сопутствующие как росту, так и торможению экономики, подталкивают Пекин к интенсивному поиску развязок текущего порядка и на большую перспективу. Их видят в еще более широком и емком использовании инструментов рынка, в сужении сферы централизованного управления со стороны высшей исполнительной власти, настойчивом создании все новых возможностей для продвижения вовне традиционных китайских товаров и современной машиностроительной продукции (суперскоростной железнодорожный транспорт).

Поставлена совершенно новая цель – «вынос» за пределы страны оказавшихся излишними значительных производственных мощностей простого технологического цикла. В то же время внешние инвестиционные потоки переключают сугубо на инновационные сферы с тем, чтобы КНР через преодоление сложностей за счет углубления реформ и открытости в сжатые сроки превратилась из «всемирной фабрики» в «серьезного экономического игрока», способного влиять на выработку соответствующих международных правил. В этом просматривается одна из политико-экономических составляющих идеи возрождения «Шелкового пути».

* * *

Какими новыми свойствами может (будет) прирастать российско-китайское партнерство? Этот момент представляется фундаментальным для оценки китайского фактора. Если брать настроения китайской общественности, то в целом она с растущей дружественной расположенностью смотрит на северного соседа.

Такие решения, как совместное празднование в 2015 году 70-летия завершения Второй мировой войны, поддерживают подобные настроения, ориентируют на понимание важности и обоюдной пользы от взаимной солидарности. Знаменательной на этом фоне представляется набирающая силу взаимная заинтересованность в том, чтобы представить объективную картину войны, в том числе этапа разгрома японских сил на Северо-Востоке Китая, не допустить переиначивания значения ее победных итогов для последующего мирового устройства и развития.

В первой половине 2015 года с подачи Си Цзиньпина применительно к отношениям с Россией стало появляться понятие «чжаньлюэ дуйцзе» – стратегическая стыковка или стратегическая сопряженность. Оно прозвучало и в ходе визита председателя КНР в Москву в начале мае 2015 года. Независимо от точности передачи данного понятия по-русски, его общий посыл достаточно однозначен. Он транслирует, что в Пекине хотели бы видеть за фасадом российско-китайского партнерства тесные связи на длительную перспективу.

В сигналах Пекина о желании иметь с Москвой самые близкие и тесные связи, однако, опрометчиво усматривать вероятность того, что политическая элита Китая станет ограничивать позиционирование своей страны «креном в одну сторону» (ибяньдао), как это было в начале 1950-х годов в случае с Советским Союзом, и тем более пойдет на повторное заключение военно-политического союза, теперь уже с Россией.

В Китае господствует мнение, что юридически оформленные военно-политические альянсы являются рудиментом «старого мышления», наследием времен «холодной войны», ибо они имеют, явно или прикрито, конфронтационную подоплеку и ограничивают поле

для самостоятельного внешнеполитического маневрирования.

Пекин же предлагает себя в качестве поборника новых принципов мироустройства. Они ему видятся на следующих началах: равенство всех, уважение коренных интересов любых стран, приверженность международному праву, ненаправленность конкретной политики против кого бы то ни было, несилловые методы в решении конфликтных ситуаций, отказ от устоявшейся точки зрения, что в международных делах обязательно должны быть выигравшие и проигравшие («игра с нулевой суммой»). С таких позиций критикуется приверженность Вашингтона военно-политическим союзам, будь то в Атлантике или Тихоокеанском регионе.

Под маркой призывов к «гармонии интересов», к осуществлению идеала «общности судеб всего человечества» становятся все заметнее разговоры о том, наступило ли время для современного Китая выйти из кокона внешнеполитических заветов Дэн Сяопина тридцатилетней выдержки «неуклонно набирать мощь, но держаться в тени».

К переосмыслению этой парадигмы подталкивают реальные достижения страны за указанный период. Статистически, судя по некоторым подсчетам, Китай вышел на второе место в мире по валовым цифрам, причем в ряде важных показателей он реально опережает всех. Рационально мыслящие представители китайской политической элиты отдают отчет в том, что это «второе место» содержит в себе еще огромную дистанцию от «единственной сверхдержавы» — США, особенно по качественно-технологическим меркам, и что пробежать ее достаточно быстро не получится.

Все же в Китае накапливается политический соблазн принимать новизну ситуации за становление тенденции к выделению глобальной «двойки» — Китай и США — с особой повышенной ответственностью за состояние дел в мире. Применительно к зоне Тихого океана эта конструкция констатируется в качестве состоявшегося факта. Под таким «соусом» в Пекине готовились к визиту Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 года.

Примечательна нюансировка китайской риторики по адресу Вашингтона. Теперь акцентируется такой тезис. Пекин, мол, никак не сомневается, что США «еще долго» будут являться державой номер один в мире. Китай не помышляет «теснить» в данном смысле США. Он лишь хочет, чтобы Вашингтон взвешенно оценивал перемены в динамике расклада сил и не видел для себя прямой угрозы в росте китайской мощи. Иными словами, США предлагается роль партнера-оппонента, с которым Китай намерен сосуществовать максимально мирно, а США следует привыкать уживаться с «растущим Китаем». Чем-то это напоминает римейк хрущевской теории конца 1950-х годов о «мирном соревновании» СССР и США, которую на дух не принимали тогдашние идеологи КПК.

Появляются признаки смягчения в недавно резкой китайской оппозиции американскому проекту формирования Транстихоокеанского (экономического) партнерства. Пробрасывается мнение, что в нем можно усмотреть «один из подходов» к созданию зоны свободной торговли в АТР, за которую ратует Китай.

На фоне голосов, проповедующих эволюцию в сторону «двойки» Китая и США, выглядят показательными темы дискуссий в китайской политологической среде относительно популярной концепции «многполярности в мире». Не может ли такая тенденция привести к еще большей хаотизации и дисгармонизации международного пространства (то есть войти в расстыковку с китайским «новым внешнеполитическим мышлением»)? Коль скоро многополярность рассматривается в противопоставлении амбициям США, насколько она вообще может быть исторически длительной и устойчивой? Так как полюса «наверняка» окажутся неравновесными, то не станут ли они искать различные договорные сочетания по интересам? В силу особенностей развития не будут ли отдельные страны-полюса выдвигаться на ведущие политические позиции в мире, становиться своего рода «суперполюсами»?

Наладка продуктивных, состязательных, но хорошо регулируемых отношений с США, включая военную сферу, судя по всему, становится приоритетной целью позиционирования Китая в международных делах на обозримую перспективу. В такой проекции в Пекине, похоже, смотрят на японский сегмент. Во всяком случае, там «не видят» наличия самостоятельного политического треугольника Китай — США — Япония. От Вашингтона добиваются большей сдержанности в союзнической поддержке Токио. Прежде всего, относительно беспокоящих Пекин радикальных склонностей правительства Абэ освободиться от послевоенных

ограничений для Японии и вообще переинтерпретировать ход и итоги Второй мировой войны, в том числе в территориальной области.

Через призму китайско-американских отношений в Пекине все больше предпочитают анализировать ситуацию в Южно-Китайском море. У китайцев вроде бы зреет убеждение, что при всей важности АСЕАН именно Вашингтон должен становиться главным объектом их усилий. Проводится мысль, что от США в конечном счете зависит задиристость в поведении ряда стран ЮВА, которой недоволен Китай. Пекин ищет такой образ действий, который позволял бы упорно настаивать на территориальных правах и претензиях в рамках «прерывистой линии» на картах ЮКМ, имеющей сомнительную юридическую репутацию, и в то же время избегать перетекания сложившегося в ЮКМ сложного статус-кво в конфликтные силовые вспышки, тем более с участием «внерегionalных государств».

Надо признать, что проблематика ЮКМ – это такой запутанный клубок, что простыми одношаговыми решениями его не размотать. В своих перекрещивающихся территориальных спорах стоит разобраться в первую очередь самим странам ЮВА, если они реально хотят сформировать асеановское сообщество, напоминающее Евросоюз. Важно, чтобы в ЮКМ не происходило событий, которые рикошетировали бы по российским интересам в ЮВА и китайскому фактору в нашей политике в АТР.

Пожалуй, самым броским по форме и глобалистским по замыслу посланием всему миру от новой генерации китайских руководителей стали две идеи, озвученные Си Цзиньпином осенью 2013 года, относительно создания пространства экономического роста и процветания вдоль древних сухопутных караванных маршрутов «Шелкового пути» и давних морских китайских экспедиций в ЮВА, Южную Азию и Северо-Восточную Африку. (В стороне от пропагандистского шума незаслуженно остается идея, выдвинутая председателем КНР первой, еще весной 2013 года в Москве, о возрождении «Великого чайного пути», в течение веков связывавшего Россию и Китай через территорию нынешней Монголии).

В качестве философии эти инициативы смотрятся привлекательно. Они опираются на принципы «шанхайского духа», заложенные 15 лет тому назад в основополагающие документы Шанхайской организации сотрудничества. Теперь они идеологически развиты в русле постулатов предлагаемого Пекином «нового внешнеполитического мышления». В практическом плане все это пока что звучит противоречиво. Так, утверждается, что никаких специальных управленческо-координационных структур не предполагается. С другой стороны, в большом правительственном пояснительном документе, насчитывающем 20 тыс. иероглифов, не раз говорится о необходимости подобного рода механизмов, но нет намеков на то, каким образом, когда и кто станет их формировать.

Нельзя не заметить весьма прохладную реакцию на китайские инициативы со стороны Индии. Сдержанность проявляет АСЕАН. Япония, судя по всему, намерена «перебежать дорогу» создаваемому по инициативе Китая Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций, предложив свыше 100 млрд долл. США на инфраструктурные проекты в АТР. США, похоже, будут внимательно следить, чтобы китайский «Шелковый путь» не девальвировал американский проект для Центральной Азии под тем же названием.

В повестке дня – весьма непростое сопряжение идеи «Шелкового пути» с уже осуществляемым проектом Евразийского экономического союза. Предстоит разобраться, какое место может занять в китайской инициативе ШОС, которая вступает в чувствительную фазу расширения своего основного состава.

Так или иначе, ясно одно: КНР будет упорно лоббировать не только свои предложения как таковые, но и станет продвигать свое видение практики реализации этих проектов. Соответствующие заходы просматриваются в упомянутом выше китайском объемном документе.

Из пояснений Пекина явствует, что реализация идеи «Шелкового пути» распространяется на всю территорию Российской Федерации без исключения. Иными словами, китайский фактор в политике России в АТР получает еще одно, «шелкопутное» измерение, которое пока является в основном политическим продуктом и нуждается в серьезной дешифровке.

* * *

Китайский фактор на азиатско-тихоокеанском направлении политики России не может сводиться к тому, какие конкретные проекты или сделки способны осуществлять стороны, что и почему при этом хромает, по каким отдельным моментам положения в АТР следует ситуационно стыковаться.

В интересах России воспринимать китайский фактор широкоформатно и комплексно. Прежде всего, вычленять и просчитывать долговременные тенденции развития обстановки в АТР при том аксиоматическом понимании, что Китай будет там закрепляться на ведущих ролях, делая все, чтобы не только и не столько оказывать влияние, сколько формировать и оседлывать эти тенденции. Надо также исходить из того, что при всем сближении с Россией Китай будет проводить политику выстраивания по возможности равных, взаимоуважительных отношений со всеми крупными странами в АТР.

CHINESE FACTOR IN THE POLICY OF RUSSIA IN THE ASIA-PACIFIC REGION

*Vitaliy Vorobiev, Senior Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies
(University) MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary*

Summary:

The details of China's political (internal and foreign) development under the rule of Xi Jinping in respect to recent trends in Russia-China relations having reached the level of strategic conjugation (战略对接) are being discussed in the article. Different theoretical approaches to the concept of Silk Road Economic Belt, prospects and problems of its practical implementation are considered as well as the possible change in China's position and its role in international affairs in the Asia-Pacific region and in the global scale.

Keywords: *Russia, China, silk road economic belt, strategic conjugation, USA, Asia-Pacific region.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лукин А. В. Китай: Опасный сосед или выгодный партнер // Pro et Contra. 2007. № 6.

АКИХИРО ИВАСИТА
(ЯПОНИЯ)

«СКОНСТРУИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ»:
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
СПОРАХ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*Акихиро Ивасита, профессор Центра славяно-евразийских исследований Университета Хоккайдо (Япония).
E-mail: iwasi@slav.hokudai.ac.jp*

Аннотация: Автор подвергает конкретному рассмотрению и теоретическому анализу неурегулированные территориальные проблемы Японии с соседними государствами, а именно: спор России с Японией из-за Южнокурильских островов (северных территорий); конфликт с Китаем по поводу островов Дяоюйдао (Сенкаку) и спор с Южной Кореей относительно острова Токто (Такесима). При очевидных различиях в истории формирования и существовании всех трех конфликтных ситуаций, автор подчеркивает искусственный характер этих территориальных проблем, которые тормозят развитие дружественных отношений между Японией и ее соседями. В этой опасной игре вряд ли кому удастся выйти победителем.

Ключевые слова: территориальные споры, сконструированный образ, Россия, Япония, Корея, Китай.

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни территория понимается как «конструктивистская», своего рода искусственная сущность в контексте национализма. Трудно спорить с тем, что территориальные споры в Восточной Азии искусственно поддерживаются националистическим дискурсом, «раздуваются» СМИ и системой образования. Недавние конфликты за спорные острова близ Японии вполне можно охарактеризовать таким термином политической географии, как «территориальная ловушка».

События в Восточной Азии — тот объект сравнительного анализа, изучение которого крайне необходимо для теоретического развития так называемых приграничных исследований. Эти исследования возникли и развивались применительно к обширной территории от Северной Америки (между США и Мексикой, США и Канадой) до Европы (трансформация границ в Восточной Европе после окончания «холодной войны», территориальные измене-

ния в СССР и ЕС). Все эти случаи, которые описывают континентальные территориальные споры, хорошо известны. Вместе с тем аналогичные споры на море в регионе Восточной Азии остаются менее изученными. Для Японии значимость этих споров очевидна. В период «холодной войны», когда основные конфликты развивались вокруг континентальных границ в Евразии (между СССР и Китаем, Северной и Южной Кореей), Япония, «защищённая» морями, была относительно безопасным местом. Но за время «холодной войны» народы устали от нескончаемых конфликтов на материке, и крупные споры постепенно затихли (даже если и не были полностью разрешены, как, например, в случае российско-китайских противоречий).

В это же время, начиная с 1970 года, морское право подверглось серьёзным изменениям и давлению со стороны конкурирующих центров силы: ширина территориальных вод была увеличена с 3 до 12 миль, а исключительная экономическая зона (ИЭЗ) установлена в пределах 200 миль от берега. Как следствие — между заинтересованными сторонами появилась конкуренция за морское пространство, а статус перекрестных территориальных вод надлежало регулировать путём переговоров и соглашений. Именно с такими проблемами столкнулась Япония, так как с материковой стороны она делит морские зоны с Россией, Кореей, Китаем и Тайванем. Новые условия рыболовства совместно с Россией и временные зоны использования рыбных ресурсов с Кореей и Китаем были установлены в 1990-х годах.

В этом контексте территориальная проблема для Японии приобрела новый смысл. Страна имеет многочисленные острова, которые усеивают океан и требуют больших затрат на содержание. Однако именно эти острова превратились в своеобразный подарок, с помощью которого Япония может претендовать на обширные территориальные воды и исключить другие страны из использования их ресурсов. Более того, Япония в настоящее время обладает шестой по величине ИЭЗ в мире, являясь при этом 61-й по размеру территории.

Однако есть и другая сторона медали. Некогда забытые маленькие острова стали объектами территориальных претензий. Корея и Китай также признали значимость Такэсимы / Токто и Сенкаку / Дяоюйдао в изменяющихся «правилах игры» на море. Такая логика исторически сложившихся претензий на острова имеет множество отсылок в прошлое, но основания данных претензий стали куда более прагматичными. Владение спорными островами даёт стране большое приращение ИЭЗ. А это — один из важнейших аспектов территориальных проблем в Восточной Азии. На этом фоне заинтересованные стороны начинают использовать любой вид исторического дискурса, особенно былой японский империализм, с целью оправдать свои собственные действия на спорных территориях. В частности, «историческая фобия» нынешней администрации Синдзо Абэ (например, отрицание существования «женщин для утех», официальный визит Абэ в храм Ясукуни, пересмотр учебников и некоторая проимперская ориентация) даёт Китаю и Корее веские основания для критики «забывшей про Вторую мировую войну» Японии.

Центр по изучению приграничных конфликтов (IBRU) Даремского университета рассматривает подобные споры вокруг проблемы островов и демаркации морских границ. Независимо от утверждений заинтересованной стороны (таких, как утверждение Кореи, что не существует территориального спора с Японией по поводу Токто), международное сообщество признает конфликты касательно Северных территорий / Южных Курил, Такесимы / Токто и Сенкаку / Дяоюйдао. Предлагаю рассмотреть конструктивистские аспекты этих трёх островных споров.

РАССМОТРЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ ЯПОНИИ С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Южные Курилы / Северные территории

Для Японии статус Северных территорий определяется тем, что Советский Союз, проигнорировав Пакт о нейтралитете с Японией, внезапно оккупировал Курильские острова в конце Второй мировой войны. На самом деле этот спор берет свое начало в переговорах о заключении мирного договора между двумя странами в 1955–1956 годах. Советский Союз неожиданно предложил передачу Японии двух островов (Шикотан и Хабомаи) сразу после подписания мирного договора, и Япония почти приняла это предложение. При этом тер-

риториальный вопрос с Советским Союзом не был единственным. В те дни Япония имела и другие подобные проблемы, касающиеся Окинавы и Огасавары, которые находились под контролем США.

Действительно, территориальные претензии Японии на Южные Курилы связаны с такими же претензиями касательно островов группы Окинава. Советская сторона планировала выманить Японию из лагеря США с помощью розыгрыша «территориальной карты». В свою очередь Джон Даллес, тогдашний госсекретарь США, возразил, что Штаты не могут гарантировать суверенитет Японии над Окинавой, если Япония примет предложение о передаче ей двух островов. В результате Япония изменила свою прежнюю позицию и вновь предложила вариант возврата четырёх островов, который включал Итуруп и Кунашир как единственно приемлемое для неё решение. Получается, Северные территории стали своего рода результатом, пусть и косвенным, «холодной войны» в треугольнике США – Россия – Япония.

Проблема была в основном создана в контексте «холодной войны». Позиции сторон относительно проблемы были противоположными: Япония требовала вернуть сразу четыре острова, понимая, что Советский Союз никогда не пойдет на это, в то время как СССР, где уже поняли, что Япония никогда не выйдет из союза с США, настаивал, что дискуссия о принадлежности островов отсутствует как таковая. Япония провела общенациональную антисоветскую кампанию, и японцы привыкли воспринимать северные территории как *ko-unpoguyodo* (что может примерно переводиться как «неотъемлемые территории»), в то время как советская сторона просто игнорировала проблему и советский народ не имел представления о территориальных претензиях со стороны Японии. В конце 1960-х и начале 1970-х годов для Советского Союза был гораздо более важен пограничный конфликт с Китаем, и потому военное столкновение на острове Даманский / Чжэньбаодао переросло в антикитайскую риторику.

Такое положение сохранялось до прихода к власти Михаила Горбачёва. Его новое мышление в вопросах внешней политики изменило Советский Союз. Фактически он пошел на компромисс с Китаем по поводу пограничных споров. Остров Даманский был официально признан частью Китая, и сотни островов на приграничных реках, которые были заняты СССР, должны были быть переданы Китаю на основании договора «О границах» 1991 года. Более того, перестройка дала свободу самовыражения, позволяя людям действовать даже активнее, чем Горбачёв мог предполагать. Свободные СМИ стали легко создавать политические образы в сознании людей. Пограничные споры с Китаем являются одним из примеров такого образа (например, «предателя» Горбачёва, продавшего острова Китаю). По ходу дела был также поднят и долго замалчиваемый вопрос Южных Курил. Борис Ельцин, который сменил Горбачёва и нёс непосредственную ответственность за распад СССР, подошел к территориальному спору с Японией крайне осторожно. После разрешения вопроса о границе с Китаем и с новыми независимыми республиками, вопрос Южных Курил оставался нетронутым отчасти потому, что Япония не изменила свои претензии на все четыре острова. В результате этот территориальный спор стал последним, который Россия имеет со своими соседями.

Действительно, проблема, даже если и была создана изначально «холодной войной», имела большое значение для местных жителей и экономической жизни на данных территориях. Площадь этих островов составляет 5 000 км, на них проживает более 10 000 человек. Это значительные цифры по сравнению с т. н. «скалами» (как Такесима и Сенкаку). Поэтому Северные территории были значительны и сами по себе в качестве островов (пусть даже их определенный образ был создан политически). Кроме того, были сформированы группы и объединения бывших жителей данных территорий, что впоследствии переросло в целое движение времен «холодной войны». Это движение давило на официальный Токио, требуя сохранить претензии на все четыре острова. Поэтому, когда Россия стала пытаться идти на компромисс в 1990-х годах, Япония продолжала лелеять романтическую, но бескомпромиссную надежду вернуть все четыре острова.

Тем не менее, когда «холодная война» завершилась, изменились и отношения между двумя странами. Япония и Россия перестали быть врагами, но стали потенциальными партнерами, готовыми к сотрудничеству в различных международных областях за пределами двустороннего сближения. Хотя территориальный вопрос блокировал развитие отношений в

1990-е и 2000-е годы, новый импульс был дан в 2010 году. Огромные объёмы торговли, углубление энергетической взаимозависимости и сотрудничество в атомной сфере подтолкнули развитие российско-японских отношений, независимо от проблем Северных территорий / Южно-Курильских островов. Сегодня отношения продолжают развиваться, словно никаких территориальных споров нет. На фоне этого бурного развития Япония осуществляет политику «Китай – враг № 1». Действия Японии, направленные на «усмирение Китая», или использование «китайской угрозы» в международном контексте, хорошо работают на укрепление союза США – Япония, а также для привлечения к нему России.

Короче говоря, российско-японские отношения по-прежнему в процессе оформления, многое ещё только предстоит сделать. Вопрос Северных территорий – уже не главный приоритет во внешней политике Японии в отношении России, этот вопрос в настоящее время некоторым образом «переформатирован». С другой стороны, для России он является последним территориальным спором, поэтому Россия в меньшей степени обеспокоена негативными последствиями какого-либо компромисса. Россия может также относиться к вопросу как к «переформатированному»: последнее сообщение главы МИД Сергея Лаврова о «нетерриториальном споре» с Японией может быть истолковано более позитивно (имея в виду, что это заявление было сделано накануне российско-китайского договора по острову Большой Уссурийский: Россия, чтобы деполитизировать ситуацию, выступила с заявлением, что это был не «территориальный вопрос», а лишь «незначительное урегулирование границы»).

Ещё более проблематичным является текущая позиция Японии по Китаю. Япония педалирует «китайскую угрозу», пытаясь вовлечь в этот вопрос Россию, сама Россия, кажется, не склонна к такому «вовлечению». И наоборот, если Япония будет склонна приуменьшать важность территориального вопроса в оправдание Китая, суверенитет Японии над островами может быть поставлен под вопрос. Эта дилемма заставляет Японию приостановить движение к решению территориальной проблемы с Россией. Короче говоря, Северные территории, похоже, находятся «в замороженном состоянии» вместе с любыми формальными аспектами дискурса.

Токто / Такесима

Когда мы рассматриваем исторические события, вопрос Такесимы является наиболее запутанным. Независимо от того, какие истории рассказывают Корея и Япония об этих маленьких скалах, для нынешней ситуации они не являются существенными. Легче сразу развенчать мифы об этих скалах: первоначально предложенная корейская «Линия Ли Сын Мана» не включала Токто; давние локальные интересы Японии в Куми (Окиносима) – это охота на тюленей и добыча трепангов. В действительности же некоторые местные японские и корейские рыболовы (родом с островов Чоннам и Чеджу) совместно осваивали острова и окружающее море (или, говоря точнее, они осваивали морскую зону, включающую, в том числе и маленькие скалы). Известный антрополог Сеульского национального университета отметил, что Корея в течение длительного времени игнорировала землю Уллындо рядом с Токто, уделяя большее внимание острову Токто. И действительно, с точки зрения Кореи Токто является в высшей степени искусственным продуктом.

У Японии другая история этого вопроса. Как я упоминал ранее, правительство Японии провело общенациональную кампанию по возвращению Северных территорий, и всем префектурам было предложено организовать свой собственный филиал национального движения. Но одна префектура, Симанэ, сопротивлялась из-за существования Такесимского вопроса. В результате Симанэ присоединилась к этой программе последней, но с определённой оговоркой, связанной с движениями за возвращение Северных территорий и Такесимы. Тем не менее действия префектуры Симанэ в направлении Такесимы никогда не выходили за рамки бюрократических акций. До конца 1990-х годов не существовало административного отдела в управе города Мацуи в отношении Такесимы, хотя небольшой лозунг на вывеске у мэрии гласил: «Вернём Такесиму». До того, как «День Такесимы» был впервые отмечен в префектуре в 2005 году, политический образ острова не был сконструирован в Японии, хотя местные заинтересованные стороны жаловались на корейский контроль над островами и морской зоной.

Вполне естественно, что национальные политические устремления не работали в пользу оформления проблемы Такэсимы в Японии. Она должна была позиционироваться как

проблема, вызванная процессом деколонизации Японской империи. Вопрос является территориальным – пограничным для колонии и метрополии. Старшее поколение в Японии осознавало это, а потому было терпимо к корейским претензиям. Кроме того, состояние «холодной войны» поддерживало здесь статус-кво после оккупации Кореей этих скал в середине 1950-х годов. Хотя Корея и Япония столкнулись с некоторыми проблемами исторического характера, все они были заморожены и отложены в сторону из-за коммунистической угрозы в Восточной Азии. Хотя непосредственного альянса между Японией и Кореей не было, отношения между ними фактически находились в общем русле американо-корейского и японо-американского взаимодействия. Противостоя КНДР и КНР, обе страны, особенно Корея, имели мало возможностей поднимать территориальные вопросы. Корея до сих пор имеет гораздо больше проблем с демилитаризованной зоной и северной разграничительной линией.

В 1990-х годах региональная подсистема в Восточной Азии полностью изменилась: демократизация Кореи, установление советско-корейских и китайско-корейских дипломатических отношений, а также совместное вступление в ООН РК и КНДР. Поэтому международное положение Кореи значительно улучшилось, а страна стала менее зависимой от США и Японии. В этой ситуации Япония оказалась лёгкой мишенью для удара. Основой легитимации режима в Корее в период «холодной войны» был «антикоммунизм», который потерял со временем свою убедительность. Поэтому был нужен новый символ национального единения для преодоления региональных, социальных и экономических проблем. «Антияпонизм» стал для этого подходящим слоганом: Японию безопасно критиковать (в отличие от Китая), и нет никакой опасности, что Япония силой отвоюет Токто, который теперь стал изображаться как символ японского империализма.

Музей Токто, основанный Фондом Истории Северо-Восточной Азии в 2012 году, является прекрасным местом, иллюстрирующим, насколько эта проблема политически сконструирована. Множество мифов было выставлено напоказ: диорама Токто выглядит как горные пики (на самом деле это всего 0,25 кв. км, размером с небольшой парк), плакаты и 3D-фильм показывают моря вокруг Токто, богатые природными ресурсами (на самом деле на глубине до 2 000 метров рыбы мало), неправильные топонимические объяснения касательно Токто (сказано, что Корея владеет несколькими островами, которые названы старым Токто, что не имеет каких бы то ни было доказательств). В целом стенд, посвященный японским провокациям, обманчив: говорится о тысячах провокаций касательно Токто, но детали расходятся с реальностью (они просто показывают число статей и документов о Такесиме, замечания каких-нибудь политиков. Если японец использует имя Такесима, а не Токто, этого достаточно для включения этого случая в список провокаций). Объективно экспозиция музея отнюдь не демонстрирует убедительность корейских претензий. Серьёзный исследователь из Фонда, который руководит музеем, неохотно объясняет детали профессиональному исследователю. Ежегодно посещают музей почти 40 000 человек. Это лишь сто посетителей в день – весьма небольшая цифра, учитывая, что музей нацелен на молодую аудиторию. Трудно сказать, как много простых корейцев посещают этот музей.

История разоблачения мифов коренится в местных представлениях. Корейский Пхохан на восточном побережье является центром рыболовства вблизи Токто. Любопытно, что местные предпочитают сохранять статус-кво относительно признания Токто за Японией. Причина в том, что текущее временное совместное рыболовство в зоне вокруг Токто для них очень выгодно. Если Япония признает суверенитет Кореи над Токто и зона исчезнет, они потеряют возле берегов Японии огромную территорию, богатую рыбой. Таким образом, они не желают, чтобы Япония отказалась от претензий на Такесиму. С другой стороны, они никогда не признают этого публично. Так являются ли они на самом деле «предателями» Кореи?

В свою очередь Япония начала создавать образ Такесимы серьёзней, чем раньше, до того, как Ли Мён Бак посетил Такесиму в 2010 году. Тогда премьер Есихико Нода выступил против корейской провокации и заявил, что Япония готова к односторонней подаче иска в Международный суд ООН. Местные жители в Симанэ и Окиносиме были рады услышать быстрое решение Демократической Партии Японии и бросились завершать создание музейных экспозиций, которые состояли из описания традиционных местных мероприятий, фотографий прошлого и артефактов с Такесимы довоенного периода. Как бывшая метрополия, Япония имеет гораздо больше документации об островах, чем Корея. Японцы придерживаются соб-

ственной исторической позиции и стремятся восстановить хороший имидж Такесимы в глазах общественности. Успех администрации Абе, более жёсткое противостояние Корею в исторических вопросах, таких как «женщины для утех», приуменьшают проблему Такесимы. Для Абэ, территориальные споры с Кореей и Россией являются менее значимыми. Поэтому Япония будет пытаться «заморозить» этот территориальный спор в контексте политики «Китай – враг № 1».

Сенкаку / Дяоюйдао

Представление о Сенкаку в китайской риторике более обыденно. Существует много доказательств того, что Китай признавал Сенкаку частью территории Рюкю (Япония) до 1968 года, когда Китай впервые заявил о том, что остров является его собственностью: Династия Цин направила официальное письмо с благодарностью за то, что (жители) Рюкю спасли пострадавших (китайцев) рядом с Сенкаку; китайские коммунисты опубликовали сообщение о поддержке движения в Рюкю, в том числе в Сенкаку, против США в 1960-х годах и так далее. Логика проста: раз Тайвань заявил о своих суверенных правах на Сенкаку, коммунистический Китай продолжил стоять на своем: поскольку Тайвань является частью Китая, острова Сенкаку также должны быть его частью.

Для тайванцев этот вопрос очень непростой. Море вокруг островов Сенкаку на восточном побережье Тайваня было зоной рыболовства. В частности, с 1895 года, когда Тайвань стал колонией Японии, местные тайваньцы работали там наравне с японцами (жителями архипелага Яэяма). Когда Япония потерпела поражение, тайваньцы были изолированы от японцев (как и корейцы) и потеряли свои прошлые права с формулировкой «иностранцы». Им было официально запрещено использовать территорию, как то могли делать японцы Яэяма.

После вступления в силу Сан-Францисского договора в 1952 году, Сенкаку, как и другие области Окинавы (часть Сенкаку использовалась американскими военными для проведения учений), контролировались США. Тем не менее контроль США над отдалёнными островами был утрачен, и местные тайваньцы легко проникали в этот район. Часто они и местные жители Яэяма использовали острова и прилегающую акваторию для добычи пищи и воды. Ситуация осложнилась после передачи Окинавы обратно Японии и сопротивления Тайваня одностороннему решению США. Когда возросла эксплуатация морских ресурсов, отчёты ООН об их потенциале близ Сенкаку еще более усугубили ситуацию. Тайвань заявил о претензиях на территорию, и Китай, как упоминалось ранее, последовал его примеру. Тем не менее позиция Тайваня по данному вопросу была более гибкой, так как Ли Дэнхуй сразу признал Сенкаку частью Японии. Тайваньские местные жители, боясь потерять острова и акваторию, которые они считали своей традиционной средой обитания, обязаны были заявить о своих претензиях на них, чтобы сохранить свои права в этой области. В свою очередь Япония, признававшая территорию как свою собственную, не в полной мере учитывала значимость Сенкаку. В те дни острова были всего лишь удалёнными точками на карте, и их «обслуживание» влекло огромные затраты. Япония, естественно, уделяла пристальное внимание главным островам Окинавы и сосредоточилась именно на их ускоренном развитии. В этом смысле «переоткрытие» Японией Сенкаку – явление относительно недавнее.

С тех пор китайские действия в отношении островов Сенкаку добавили новое измерение этой проблеме. Интересы Китая выявлялись в процессе передачи Соединёнными Штатами Окинавы Японии, сближения между США и Китаем и переговоров между Японией и Китаем по поводу мирного договора. Поскольку процесс был сопряжён с преобразованием морского права в 1970-х годах, исторические дискуссии и переплетающиеся интересы осложнили переговоры. Пришло время для создания образа Сенкаку.

Тем не менее «холодная война», а точнее – политика «Советский Союз – враг № 1», укрепила сотрудничество Китая и Японии, и проблема Сенкаку была отложена. Независимо от наличия официального соглашения по данному вопросу, расклад был весьма эффективен. Такое положение дел поддерживалось до конца 1990-х годов, когда американо-японский альянс был пересмотрен. Даже премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми, регулярно ездивший и молившийся в храм Ясукуни, не арестовывал китайцев за «нелегальный» въезд в Сенкаку, а просто депортировал их в Китай. Поворотный момент наступил в октябре 2010 года, когда китайские рыбаки были задержаны японской морской береговой охраной и

их капитан был арестован. Хорошо известно, что Китай жёстко отреагировал на этот инцидент, и по стране прокатилась волна антияпонских демонстраций.

Китай должен был использовать эту возможность, чтобы пересмотреть вместе с Японией существующий режим относительно Сенкаку. Принимая во внимание геополитическую карту Восточной Азии, Япония выглядит как «непотопляемый флот», который мог бы сдерживать продвижение Китая в сторону Тихого океана. Теперь, когда Япония претендует на обширную ИЭЗ на своих островных пунктах, свобода открытого моря будет ограничена: некоторые интерпретации пунктов Конвенции ООН по морскому праву запрещают военноморские учения и исследования в ИЭЗ других стран. Если белые фишки становятся черными, как в игре реверси, Китай может расширить зону своих владений.

Проблема Дяоюйдао (Сенкаку) имеет решающее значение для интересов Китая. Как же должен быть сконструирован политический образ? Исторический подход здесь вполне уместен. В частности, проблема Сенкаку тесно связана с проблемой Тайваня и действиями Японии по налаживанию взаимодействия этих островов с Рюкю в годы китайско-японской войны. В период после окончания «холодной войны» китайские коммунисты постепенно становились на антияпонскую (антиколониальную) позицию. Сенкаку стал одним из ее символов, и Китай, используя проблему с островом, сыграл на «исторически ревизионистском» образе Японии. Китай относится к Японии как к «плохому парню», надеясь избежать критики за то, что сам он был одним из главных ревизионистов регионального порядка и геополитических отношений. Недавняя бурная деятельность Абэ способствует оправданию действий Китая. Теперь проблема Дяоюйдао стала исторически структурированной, имеющей также потенциал превращения в политического монстра.

Для Японии вопрос Сенкаку далеко не так труден, как может показаться. Это объясняется тем, что Япония рассматривает Китай как угрозу, которая в дальнейшем будет провоцировать кризис в Сенкаку. Все это помогает убедить США заключить союз с Японией, компенсируя недавнее предложение Китая о новом типе «отношений великих держав» с США. Сенкаку постепенно превращается в огромную искусственно сконструированную проблему.

Сравнение случаев на предмет степени искусственности «конструирования»

Приводимые ниже рисунки иллюстрируют три вышеуказанных тематических исследования:

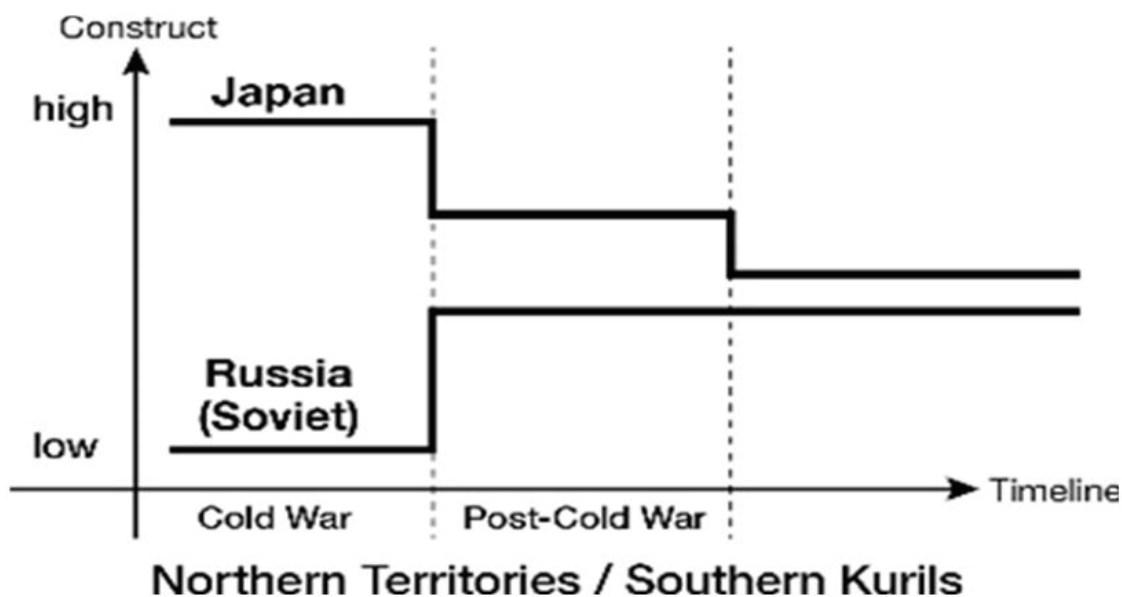

Рис. 1. Северные территории / Южные Курилы

Примечание: Вертикальная ось: концепция (сверху / вниз) — высокий уровень / низкий уровень. Горизонтальная ось: временная прямая (слева / направо) — «холодная война» / период после «холодной войны».

Созданный Японией образ Северных территорий явно находится на пути к демифологизации. Причины следующие: 1) долгие непродуктивные дискуссии; 2) отсутствие новых нераскрытых фактов; 3) безынтересность и неэмоциональность; 4) общее понимание наличия тупика на данном этапе. Снижение уровня конструирования образа может стать хорошим шансом для решения этой проблемы. Тем не менее существуют и препятствия. Даже при условии управления национальным образом в обеих странах заинтересованные стороны по-прежнему продолжают делать ставки. Фактически политики должны рисковать и идти на некоторые уступки в спорах. Заинтересованные группы, включая бюрократию и бизнес (некоторые из них зарабатывают на территориальных спорах), будут помехой на пути решения этой проблемы. Другим препятствием является низкий приоритет территориальных вопросов для политиков обеих сторон. Поскольку вопрос Северных территорий сейчас нейтрализован (пусть и не решён), мотивация для окончательного разрешения конфликта также невелика. Хотя вопрос Северных территорий является одним из наиболее важных для японско-российских отношений, в целом он не занимает значимого места в политическом процессе обеих стран. В Японии акцент сосредоточен в первую очередь на США, Китае и Корее, в то время как Россия сегодня сосредоточена на Украине, ЕС и США.

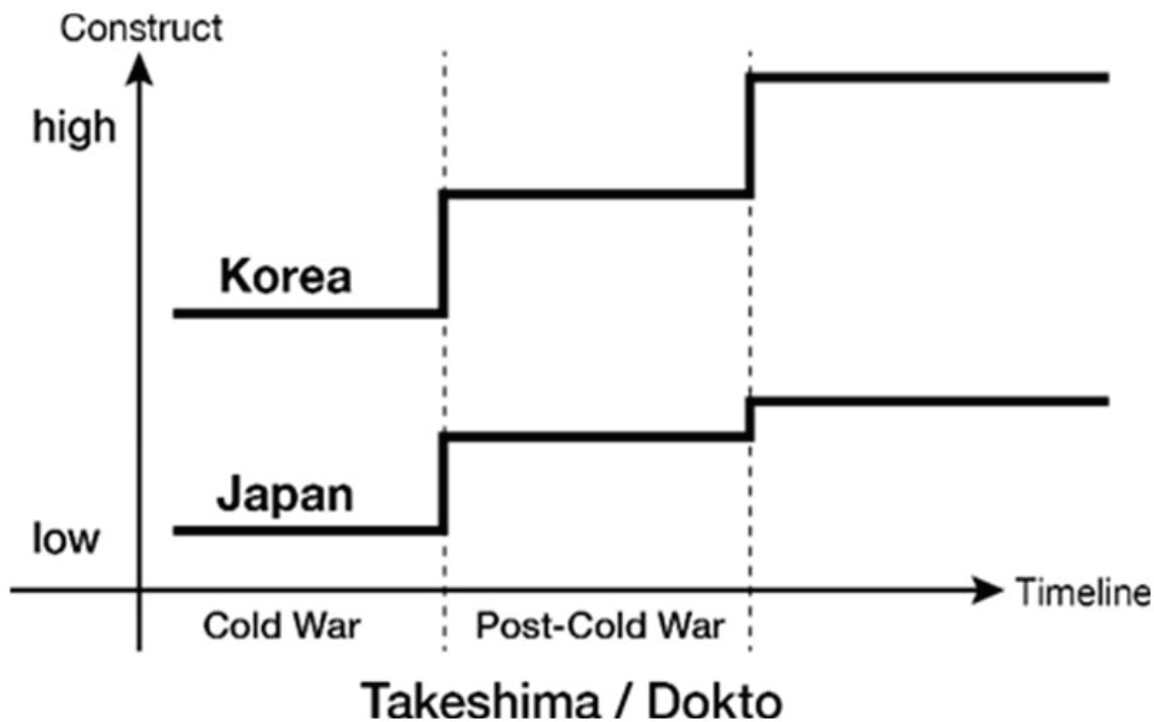

Рис. 2. Такесима / Токто.

Примечание: Вертикальная ось: концепция (сверху / вниз) – высокий уровень / низкий уровень. Горизонтальная ось: временная прямая (слева / направо) – «холодная война» / период после «холодной войны».

Корейская концепция образа Такесимы, а вслед за ней и японская возросли. Однако проблема Такесимы, хоть и важна, является лишь одной из множества аспектов японско-корейских отношений. Когда нынешнее правительство Японии действительно изменит политику оценки прошлого, ситуация может измениться. В частности, динамика событий в Восточной Азии может повлиять на эту проблему. Если северокорейский режим рухнет, при том что Корея и Китай будут иметь прямую границу по рекам, реалии конфронтации мгновенно исчезнут как призрак (хотя призрак может вернуться позже).

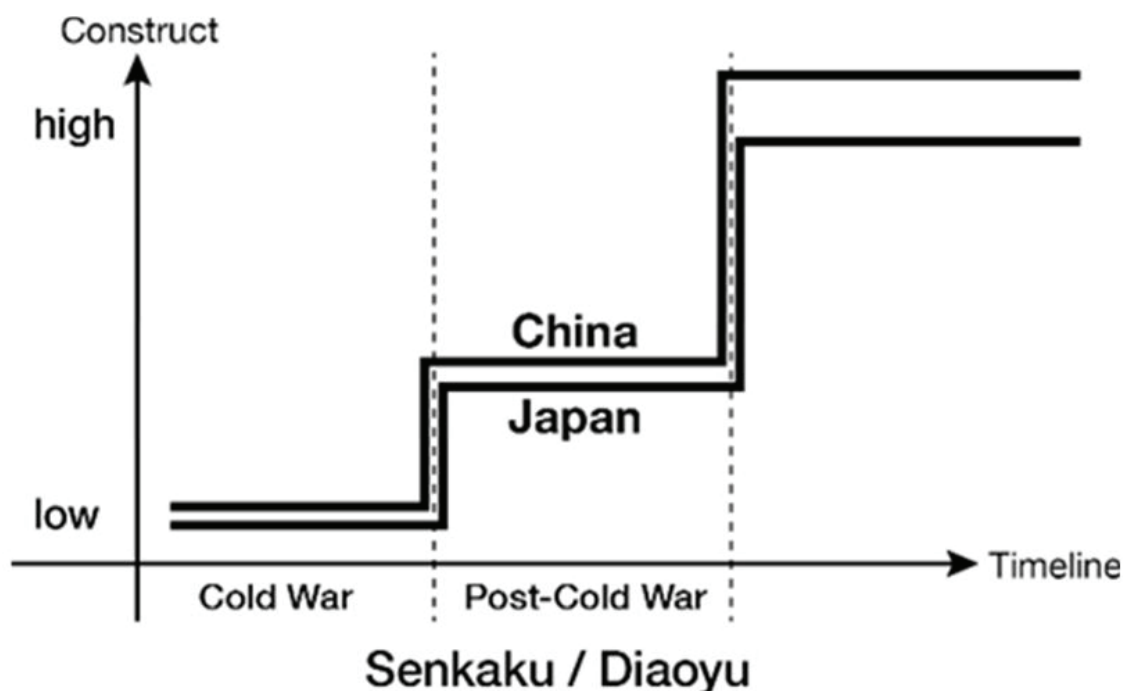

Рис. 3. Сенкаку/ Дяоюйдао.

Примечание: Вертикальная ось: концепция (сверху / вниз) – высокий уровень / низкий уровень. Горизонтальная ось: временная прямая (слева / направо) – «холодная война» / период после «холодной войны».

В отличие от двух предыдущих случаев сконструированный образ Сенкаку активно развивается, становясь опасным из-за своей «незаметности». Китай и Япония имеют мало опыта в диалоге о принадлежности островов. Новизна этой проблемы часто звучит сенсационно и питает растущий национализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Сконструированные» образы спорных территорий выступают как дипломатический инструмент, помогающий государству максимизировать его интересы на международной арене. Но иногда этот инструмент играет самостоятельную роль и угрожает интересам той или иной страны, даже вопреки ожидаемому результату. Есть хорошие примеры изучения истории «холодной войны», когда команда исследователей (в основном базирующаяся в США) была в восторге от приверженности Мао Цзэдуна советско-китайскому военному конфликту и китайско-американскому сближению в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Некоторые, основываясь на замечаниях в документах Мао, утверждают, что он спровоцировал Советский Союз на конфликт на острове Чжэньбаодао / Даманский искусственно, чтобы привлечь внимание США. С точки зрения приграничных исследований эта гипотеза звучит наивно, потому что официальные документы раскрывают долгую историю споров о 3 000 км речных границ. Вопрос Чжэньбаодао был верхушкой айсберга, и многие проблемы более серьёзного и глубокого противостояния между двумя странами остались скрыты. Если вы представите себе огромные затраты, которые Китаю пришлось бы понести на провокации (сплошной конфликт на протяжении всей границы, жертвы среди солдат, советские угрозы ядерного нападения и так далее), то поймете, что конфликт на границе мог поставить под угрозу существование самого Китая.

Текущее мышление лидеров Восточной Азии может быть схожим с мыслями историков «холодной войны», которые искусственно выстроили границу и считали это инструментом дипломатии. Люди должны понять, куда это мышление ведёт нас: принесение в жертву населения окраин, потеря территорий и катастрофические результаты для народов в целом. Ни китайцы, ни корейцы, ни японцы никогда не выйдут победителями из этой игры.

CONSTRUCTED TERRITORIES: FEATURING A FANTASY
OF EAST ASIAN BORDER DISPUTES

Akihiro Iwashita, Professor, Slavic-Eurasian Research Center,
Hokkaido University, Japan.

Summary:

The author considers practical and historical aspects of territorial conflicts between Japan and neighboring countries, i.e. with Russia on South Kuril islands (Northern territories), with China on Diaoyudao (Senkaku) islands and with Korea on Tokto (Takeshima) island. Theoretical issues of so called “constructed territories” in these three cases are analyzed. These constructed territories act as a diplomatic tool for a state to maximize its interests in the international field. But no win for no country in this dangerous game is expected.

Keywords: *Territorial disputes, constructed image, Russia, Japan, Korea, China.*

И. А. САФРАНЧУК

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Сафранчук Иван Алексеевич, к.пол.н., доцент кафедры
Мировых политических процессов МГИМО МИД России,
профессор Академии военных наук,
член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: And6958@yandex.ru*

Аннотация: Работа посвящена сотрудничеству России и КНР в Центральной Азии. Рассматриваются возможности для согласования проектов российского проекта ЕАЭС и китайского ЭПШП в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия и Китай, Центральная Азия, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Таможенный союз (ТС), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП).

В последние 20 лет были чрезвычайно популярны идеи глобализации. В Центральной Азии они были особенно распространены в широких слоях населения и среди элиты. Во многом идеи глобализации остаются популярны до сих пор. Были иллюзии, что страны Центральной Азии могут повторить путь «азиатских тигров», на которых в 1990-е годы смотрели как на пример для подражания. Однако страны Центральной Азии находятся внутри континента. Есть товары, такие как нефть, газ, золото, которые даже из глубины Евразийского континента выходят на мировой рынок и становятся частью глобальной торговли. Но для широкой номенклатуры несырьевых товаров рынок для местных производителей ограничен, к тому же это региональный рынок, а не глобальный (доступ на который слишком дорог и который слишком конкурентен) и не страновой, у всех стран Центральной Азии маленький по своим масштабам [3, с.121] .

С 2008 года начался тренд на сворачивание глобализации. Все больше протекционистских мер, все больше ограничений для движения людей, капиталов, товаров. ВТО в кризисе. Одновременно набирает темпы процесс регионализации, когда формируются крупные регионы активной экономической жизни с интенсивной торговлей внутри региона, со своими региональными правилами, которые на месте становятся важнее глобальных. Но это не изоляционистская тенденция, поскольку региональные экономические группировки и конкурируют, и сотрудничают между собой.

Формирование Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) укладывается в этот общий тренд регионализации. Но тем, кто возлагал основные надежды на глобализацию и на сотрудничество с внерегиональными игроками, оказывается сложно изменить свои базовые подходы. Трудно после стольких лет надежды на глобализацию пойти на укрепление экономических границ регионального интеграционного объединения.

В регионе Центральной Азии в настоящее время идет смена парадигмы развития – с транзитно-торговой на индустриальную с элементами модернизации. В регионе проживает почти 60 млн человек. Для поддержания базовой социальной стабильности необходимо обеспечить создание необходимого количества рабочих мест внутри региона. Сделать это только за счет транзита, торговли и посредничества – невозможно. Необходима активная промышленная политика, реиндустриализация [5]. А значит необходимо формирование достаточно емкого регионального рынка сбыта товаров промышленного и сельскохозяйственного производства. Сделать это возможно только за счет региональной интеграции и формирования единого экономического пространства. Единое экономическое пространство понимается как пространство, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Преобразование центральных пространств географической Евразии в единое экономическое пространство с четкими и обеспечивающими внутреннее развитие экономическими границами – это вполне рациональный вариант стратегии дальнейшего развития. Однако укоренившуюся в регионе Центральной Азии транзитно-торговую парадигму мышления преодолеть трудно.

И этим настроениям подыгрывают внешние игроки. США продвигают идею, которую можно назвать «открытой моделью» интеграции в Центральной Азии в рамках проекта «Нового шелкового пути» [4]. В США доминирует та точка зрения, что основная проблема Центральной Азии – недостаточная способность к взаимодействию (connectivity). Предполагается, что страны Центральной Азии мало торгуют и сотрудничают между собой. Соответственно, нужно снижать барьеры для торговли и передвижения людей, в идеале – совсем снять внутренние границы в регионе, но с сохранением полных национальных суверенитетов. Регион также должен иметь прозрачные экономические границы в сторону Афганистана и Ирана. Получается, что это должен быть открытый регион с активной внутрирегиональной торговлей, вовлеченный также в торговлю с Южной Азией и Ближним Востоком.

Впрочем, такое транзитно-транспортное видение будущего для региона Центральной Азии предполагает, что регион в основном экспортирует природные ресурсы и импортирует промышленные товары, что оставляет открытым вопрос о создании достаточного количества рабочих мест в самом регионе Центральной Азии, чтобы обеспечить приемлемый уровень занятости для растущего местного населения.

Сейчас проблема занятости во многом решается за счет массовой трудовой миграции в Россию, где общее число трудовых мигрантов по неофициальным оценкам составляет несколько миллионов человек. Значительная часть трудоспособного населения вынуждена искать работу в России. Особенно значим фактор трудовой миграции в Россию для Киргизии и Таджикистана. Однако Россия, очевидно, будет ужесточать доступ мигрантов на свой рынок труда, обставляя это дополнительными условиями. Совершенно невероятным выглядят предположения, что эти люди будут массово трудоустроены в западных странах или Китае. Куда девать эти миллионы людей, которые при транзитно-торговой парадигме развития просто не нужны для местных экономик?

В последние два года набирала силу дискуссия о якобы наметившейся жесткой конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Азии [1; 2]. Была тенденция противопоставлять проекты Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Нового Шелкового пути» (ЭПШП), рассматривать их как конкурирующие. Как представляется, степень таких противоречий явно и сильно преувеличивалась. Во-первых, ЕАЭС и ЭПШП – это разные проекты по своей природе. ЕАЭС – это четко выраженный интеграционный проект. «Эко-

номический пояс Шелкового пути» не является интеграционным, он направлен на обеспечение открытости и взаимосвязанности. Во-вторых, Таможенный союз и созданный на его основе Евразийский экономический союз — это уже реальность. Таможенный союз действует с 2011 года, Евразийский экономический союз — с 2015 года. Уже идет первая стадия расширения этих проектов. В 2015 году к России, Белоруссии и Казахстану присоединились Армения и Киргизия. Китайский проект из стадии общей идеи переведен в стадию детальных планов. Но он еще будет конкретизироваться и наполняться практическим содержанием. И уже на этой стадии два проекта вполне можно сделать партнерскими, а не конкурентными. Подписание в мае 2015 года в Москве декларации о начале переговоров о всеобъемлющем торгово-экономическом соглашении между ЕАЭС и КНР открывает возможности для развития двух проектов как партнерских.

Китай не может не задумываться о том, каким же образом будет обеспечена в среднесрочной и долгосрочной перспективах безопасность той масштабной инфраструктуры, которая по проекту ЭПШП должна связать Китай с Европой и Ближним Востоком. Важно отметить, что проект ЭПШП будет осуществляться в регионе, где есть разнообразные риски и потенциал нестабильности. Каким способом обеспечивать безопасность многомиллиардных инвестиций и созданной по их итогам инфраструктуры? Стоит ли опираться только на силовые методы? И уж тем более стоит ли доверять сотрудничеству в этой области с внерегиональными игроками? Нужно осознать, что поддерживать в перспективе социальную стабильность в регионе (а без этого построенная китайская инфраструктура всегда будет в зоне риска) без экономического развития в самом регионе Центральной Азии невозможно. Богатеть должны не только элиты на крупных инфраструктурных проектах, богатеть должны миллионы простых граждан, которые получают работу на новых промышленных предприятиях.

И Россия, и Китай заинтересованы в том, чтобы Центральная Азия была не только транзитной зоной, но и экономически успешным районом мира, где население обеспечено работой на местных предприятиях. При такой общности базовых интересов Россия и Китай могут согласовать свои масштабные экономические проекты, они не противоречат друг другу. К тому же не вызывает сомнения, что Китай будет реализовывать свой проект ЭПШП с учетом имеющейся реальности — функционирования Евразийского экономического союза.

Страны Евразийского экономического союза не отгораживаются от Китая. При дальнейшем укреплении Евразийского экономического союза ничто и никто не будет мешать Китаю сохранить широкий и долговременный доступ к важному для него центральноазиатскому сырью и транспортным коммуникациям, а также возможности инвестировать в экономики стран Центральной Азии. Пространство Таможенного союза открывает новые возможности для китайских инвесторов в Казахстане и Киргизии. При таком варианте все практические интересы Китайской Народной Республики в Центральной Азии смогут быть полностью учтены, а проекты ЕАЭС и ЭПШП окажутся совместимыми и партнерскими.

THE COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA

*Ivan Safranchuk, Candidate of political sciences, associate professor,
Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia.*

Summary:

This article is devoted to the cooperation of Russia and China in Central Asia. The article studies the options for agreed implementation of Russia-sponsored Eurasian Economic Union and China-sponsored Economic belt of Silk Road.

Keywords: *Russia and China, Central Asia, Eurasian Economic Union, Customs Union, Economic belt of Silk Road.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Лукин А. В.* Китай: Опасный сосед или выгодный партнер // Pro et Contra. 2007. № 6. С. 61–71.
2. *Лукин А. В.* Шанхайская организация сотрудничества: в поисках новой роли // Валдайские записки. Специальный выпуск. 2015.
3. *Сафранчук И. А.* Глобализация в головах. Центральная Азия и евразийская интеграция // Россия в глобальной политике. № 1, 2015. С. 120–126. (121)
4. *Сафранчук И. А.* Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // Международная жизнь. № 7. 2013. С. 43–53.
5. *Сафранчук И. А.* Российская политика в Центральной Азии: стратегический контекст. Записки аналитического центра Обсерво. № 8. Ноябрь 2014.

Раздел 2.

Лидеры АТР и международная ситуация в регионе

А. В. ЛУКИН

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Александр Владимирович Лукин, д.и.н., директор
Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России,
руководитель департамента международных отношений
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
E-mail: a.lukin@inno.mgimo.ru*

Аннотация: В статье рассматривается процесс российско-китайского сближения, существенно активизировавшийся в результате начавшегося в 2014 году ухудшения отношений России с Западом. Этот процесс рассматривается как часть становления системы Большой Евразии вместо декларированной в конце 80-х годов XX века Большой Европы. Государства Большой Евразии не будут связаны союзническими отношениями, как США и их европейские сателлиты. Некоторые из них могут относиться к различным центрам силы. Однако в целом они будут составлять некое единство, объединенное коренными интересами. Именно такое демократическое единство Большой Европы не смогли создать США и их союзники. Пытаясь подчинить всех своему жесткому диктату, они присоединили к системе своих союзов большую часть Восточной Европы, но потеряли Россию, Центральную Азию, все более настраивают против себя Китай и Индию, заставляя их двигаться все ближе друг к другу, даже несмотря на значительные противоречия.

Ключевые слова: Россия, Китай, сближение, санкции, Евразия, Европа, Запад.

Российско-китайское сближение – яркое явление современных международных отношений. В чем его причина? Вызвано ли оно нынешним ухудшением американо-российских и американо-китайских отношений, или имеет более фундаментальные истоки? Как оно меняет сложившуюся структуру международных отношений?

По всем этим вопросам как в России, так и за рубежом высказываются различные, порой противоположные мнения. В России сторонники западной ориентации высказывают опасения по поводу того, что это сближение угрожает превращением более слабой России в «сателлит» и «сырьевой придаток» мощного и агрессивного Китая [см., например, 7]. Тот факт, что противоположная ориентация превращает ее в сателлит и сырьевой придаток гораздо более агрессивного Запада трактуется как «вхождение в мировую экономику» и присоеди-

ние к «цивилизованному миру». Сторонники противостояния с Западом, напротив, пишут о необходимости и неизбежности создания союза с Китаем, который укрепит позиции России в ее борьбе за независимый курс [2]. При этом на подход самого Китая должно внимания не обращается, так как это помешало бы построению упрощенной биполярной схемы.

На Западе можно наблюдать во многом сходную картину. Фактически сложилось две позиции. Часть авторов акцентирует внимание на российско-китайских противоречиях, порой преувеличивая их. Обычно к ним относятся те, кто поддерживает нынешний антироссийский курс Вашингтона и Брюсселя и стремится доказать, что он не приведет к созданию опасного антизападного российско-китайского блока [9]. Есть среди них и две другие группы: видя опасность создания такого блока, одни рекомендуют Западу использовать российско-китайские противоречия для сближения с Китаем против России [10], другие – замирились с Россией для совместного противостояния Китаю, который, по их мнению, в перспективе представляет большую опасность [11]. Другая часть авторов критикует нынешнюю политику Вашингтона за то, что она уже привела к ставшему реальностью российско-китайскому блоку, основанному на близости видения геополитической реальности и идеологий правящих режимов и сформировавшемуся всерьез и надолго [13].

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

Проблема всех этих предложений заключается в том, что они, как правило, базируются на политических предпочтениях авторов, а не на анализе реальной позиции и мотивов сторон. Прежде всего, это касается мотивов сближения Москвы и Пекина. Говоря об этих мотивах, прежде всего необходимо подчеркнуть, что само сближение началось задолго до украинского конфликта и продолжается уже более 30 лет. Его причины гораздо более фундаментальны и заключаются в постепенном понимании близости и даже совпадения коренных взглядов на международную систему и геополитическую ситуацию.

Нормализация российско-китайских отношений началась задолго до появления сегодняшних проблем во взаимодействии России и Запада. Однако это не означает, что эти проблемы, вызванные украинским кризисом, не влияют на двусторонние отношения. Чтобы понять характер этого влияния, необходимо сначала рассмотреть фундаментальные основы российско-китайского сближения.

Нормализация отношений между Москвой и Пекином, дошедших в конце 1960-х годов до серьезного кризиса, сопровождавшегося вооруженными столкновениями на границе, началась еще в советский период, в последние годы правления Л. И. Брежнева. Тогда лидерам обоих государств стало ясно, что постоянная острая конфронтация вредна как для внутривнутриполитического положения в обеих странах, так и для их международного престижа. С началом горбачевской перестройки и углублением китайских реформ Москва и Пекин в двусторонних отношениях все более отходили от идеологических споров и все более активно обсуждали конкретные вопросы двустороннего партнерства. С принятием курса на независимую и самостоятельную внешнюю политику Пекин отошел от идеи создания единого фронта против СССР и перестал рассматривать Москву в качестве главного врага. Для М. С. Горбачева нормализация отношений с Китаем стала одним из основных внешнеполитических успехов, который внутри страны поддерживали как реформаторы, видевшие в китайских реформах пример для подражания, так и консерваторы, радовавшиеся успехам коммунистического соседа.

После распада СССР Москва, некоторое время пребывавшая в прозападной эйфории, стала постепенно возвращаться к прагматичной политике, позволявшей решать внутренние проблемы. Торгово-экономическое сотрудничество с Китаем, особенно в военно-технической сфере, сыграло важную роль в сохранении целых отраслей российской экономики в сложные 1990-е годы.

Государственная идеология в России в эти годы потерпела крах. За тот же период существенные изменения в государственной идеологии произошли и в Китае. Обе страны перестали ставить перед собой глобальные цели: построение коммунизма во всем мире или

хотя бы в Азии. Политика стала более прагматичной и основанной на собственном понимании национальных интересов, и именно близость этого понимания и стала основой сближения. Поэтому, соглашаясь с мнением Ф. А. Лукьянова и Г. Розмана о том, что нынешнее сближение носит идеологический характер, нужно хорошо понимать, что под идеологией здесь нужно иметь в виду не прежнюю тоталитарную идеологию, целью которой было изменение всего мира по определённому образцу, причем ради достижения этой цели можно было пожертвовать некоторыми традиционно понимаемыми национальными интересами (например, оказывать массивную помощь близким режимам в ущерб собственному населению), но, напротив, именно восприятие правящими элитами этих национальных интересов [1]. За тот же период тоталитарная (в смысле провозглашаемой внешнеполитической, а не внутривластной модели) идеология «демократизма», исповедуемая США и государствами ЕС, развилась и укрепилась до такой степени, что стала практически полностью определять внешнюю политику.

По мере дистанцирования России от Запада, связанного с полным непониманием последних пожеланий Москвы и отказом идти на любые компромиссы, отдалявшие, по мнению западных политиков, Россию от цели превращения в «современную» (то есть подчиненную Западу и проводящую его политику) страну, Москва начала выстраивать прагматичные и взаимовыгодные отношения с Пекином. Этот курс совпал и с намерениями самого Пекина, укреплявшегося в результате успешных экономических реформ и проводившего все более активную внешнюю политику.

В результате возник новый тип российско-китайских отношений, основанных не на идеологии, а на прагматических интересах, и направленных на синергетическое наращивание собственного влияния в мире, но не против третьих стран. Они получили название «стратегического партнерства и взаимодействия».

К общим интересам, которые лежат в основе российско-китайского сближения, можно отнести следующие:

1. Стремление к уходу от однополярного мира и перехода к миру многополярному или многополюсному. Это стремление объясняется тем, что в мире, в котором доминируют США и их западные союзники, Россия и Китай не видят возможности обеспечения своих интересов как в области безопасности, так и в сфере экономики. Как крупные страны, имеющие собственные подходы к различным международным проблемам, они могут более свободно реализовывать эти подходы в мире, где есть не один, а несколько лидеров и где единственный центр силы не мог бы диктовать им свои монопольные условия.

Сотрудничество с Китаем крайне важно для России в международном плане. Китай разделяет российский взгляд на будущее устройство мира, определяемый понятием «многополярность». Реально это означает, что обе страны хотели бы видеть мир, в котором не доминирует лишь одна сила, а взаимодействуют между собой несколько центров влияния, при этом руководствуясь международным правом и уставом ООН. За идеалом «многополярности» скрывается очевидная реальность: Россия и Китай так же, как и некоторые другие государства мира, достаточно велики, чтобы иметь собственные интересы и подходы к проблемам регионального и мирового развития. Их не устраивает мир, в котором полностью доминирует одна сила, не учитывающая их интересы. Зато их вполне устраивает послевоенная структура мира и сложившаяся система международного права, в рамках которой высшим авторитетом является Совет Безопасности ООН.

Эти принципы Китай и Россия разделяют с другими важнейшими государствами незападного мира, прежде всего, объединившимися в группу БРИКС. Они рассматривают себя как лидеры незападного мира, стремящиеся реформировать существующую систему глобального управления, не подрывая или разрушая ее, но постепенно обеспечивая в ней достойную роль представителей растущих экономик и «Юга» в целом. Ожесточенное сопротивление этому курсу Запада – основа все большей консолидации и нарастания активности БРИКС.

2. Стремление сохранить систему международного права, основанную на принципе суверенитета государств, ядром которой является ООН и ее Совет Безопасности. Будучи единственными представителями незападного мира в СБ ООН, и Москва, и Пекин заинтересованы в сохранении ведущей роли этого органа, так как право вето уравнивает их влияние с

влиянием Запада, в то время как по всем прочим параметрам они во многом уступают объединенному Западу.

Статус постоянных членов Совета Безопасности ставит их в равное положение с США – государством, во всех других отношениях более мощным и, естественно, стремящимся видоизменить эту систему, сковывающую их возможности. Принцип абсолютности суверенитета государств не позволяет ведущему центру силы навязывать свою волю другим государствам в сфере внутренней политики. Именно поэтому и Россия, и Китай, отличающиеся от западных государств по внутривнутриполитическому устройству и подвергающиеся из-за этого серьезному давлению, с крайней настороженностью относятся к концепциям, подрывающим суверенитет и оправдывающим «гуманитарные интервенции» (например, к концепции «ответственности по защите»).

3. Позиции России и Китая по региональным конфликтам близки или совпадают. Это проявляется в одинаковом голосовании в ООН по Корейской ядерной проблеме, ядерной программе Ирана, ситуации в Ливии и Сирии, а также в тесной координации линии по этим и другим региональным конфликтам.

4. Россия и Китай заинтересованы в реформировании международной финансовой системы, увеличении роли незападных государств во Всемирном банке и МВФ, расширении использования региональных валют в международной торговле и т. д.

5. Россия и Китай необходимы друг другу как торгово-экономические партнеры. С 2010 года Китай является первым торговым партнером России. Он наполняет российский рынок не только потребительскими товарами, но и во все большей степени машинами и оборудованием. Доля Китая во внешней торговле России составляет более 10 %. Китай также входит в десятку ведущих инвесторов в российскую экономику.

Российская доля в общем внешнеторговом обороте Китая сравнительно мала – всего около 2 %. Однако Китай получает из России ряд товаров, которые он не может приобрести у других поставщиков (например, вооружения из-за санкций Запада). Россия также поставляет некоторые товары (прежде всего, энергоносители), которые Китай не может получить у других стран в достаточных количествах, по приемлемой цене и источники которых он хотел бы максимально диверсифицировать.

6. Бурно растущее сотрудничество между приграничными регионами двух стран играет значительную роль в развитии российских Сибири и Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая.

7. Россия и Китай активно сотрудничают в Центральной Азии, прежде всего в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), добиваясь здесь общих целей: экономического развития этого региона, поддержания политической стабильности и сохранения у власти светских режимов.

8. И Россия, и Китай отрицательно относятся к советам извне относительно их внутривнутриполитического устройства, называя это «вмешательством во внутренние дела», а также поддерживают друг друга в борьбе с сепаратизмом. И в России, и в Китае все больше не приемлют ценностей, которые Запад навязывает всему миру в качестве «универсальных» и «всеобщих». В России наблюдается подъем всех традиционных религиозных конфессий, лидеры которых резко критикуют отход господствующей на Западе секулярно-релятивистской идеологии от своих христианских корней как ведущий к упадку и возвращению к язычеству. В Китае, видящим себя лидером развивающегося «Юга», особенно резко критикуют концепцию «универсальных» ценностей как идеологическое прикрытие, с помощью которого Запад пытается сохранить свое господство над бывшими колониальными и полуколониальными государствами. Здесь все большей популярностью пользуется собственная традиционная мораль, основанная на конфуцианских ценностях. И хотя конфуцианство сильно отличается от традиционного христианства, общее отрицание западной идеологии сближает Россию и Китай [8, p. 7].

Китай и Россия не предлагают другим странам мира свою модель, тем более не стараются навязать ее. Этим занимается Запад, который прикрывает идеологией «демократизма» старую идею превосходства над остальными расами, народами и цивилизациями. Но Москва и Пекин решительно отвергают западный диктат. Какая система в конце концов сложится в этих двух странах: похожая на западную или какая-то иная – сейчас сказать трудно. Но в

любом случае она должна сложиться на основе внутреннего развития российского и китайского обществ. Навязывать таким крупным странам ценности и политические системы, которые большинство их населения не готовы принять, — политика бессмысленная и опасная, она способна вызвать хаос, по сравнению с которым ситуация в Ливии или Ираке, где такая попытка была сделана, покажется верхом стабильности. Пока можно сказать, что общества, складывающиеся в России и Китае, несмотря на всю свою вестернизированность, отличаются от западного, но отличаются по-разному. Россия, не отрицая в основном западные принципы политического устройства, все более расходится с Западом в смысле моральных ценностей. В России все большее влияние получают религиозные конфессии, отрицающие гомосексуальные браки, эвтаназию, суррогатное материнство, радикальный феминизм и прочие явления, распространение которых на Западе считают торжеством свободы и либерализма. В Китае с его прагматической культурой, где монотеистические религии с их верой в непознаваемого Бога и сообщаемые им абсолютные моральные заповеди, никогда не имели широкого распространения, западные моральные инновации могут быть приняты гораздо легче. Однако китайскому обществу гораздо труднее согласиться с западной идеей превалирования индивидуальных прав над общественными и государственными целями. Таким образом, Китай будет расходиться с Западом именно во взглядах на общественный идеал и на политическое устройство общества, которое должно обеспечить осуществление этого идеала. Не случайно основным правом человека в Китае считают право на жизнь: если человек умирает от голода, то зачем ему свобода собраний или совести. Сначала ему надо обеспечить материальный достаток, а это возможно только усилиями всего общества.

Эти общие интересы создают базу для последовательного сближения Пекина и Москвы. Влияние ситуации на Украине и санкций Запада на этот процесс необходимо рассматривать в общем контексте, имеющем многолетнюю историю.

Таким образом, хорошие отношения с Китаем нужны России как по политическим, так и по экономическим причинам. Китай — важный стратегический партнер России, и именно благодаря связям с ним (как и с другими странами Азии) российская политика способна стать менее односторонней, приобрести собственное лицо, а Россия — превратиться в один из центров мирового влияния. Курс руководства В. В. Путина на превращение России в более самостоятельную и мощную державу естественным образом подразумевает выстраивание ее партнерских отношений со всеми незападными центрами силы, из которых Китай наиболее близок России и необходим Москве как близкий сосед и важнейший экономический и геополитический партнер. Сотрудничество с Китаем объективно усиливает позиции России на международной арене в качестве независимого центра силы.

Китай также заинтересован в России как в геополитическом и экономическом партнере. Пекин предпочитает стабильную и сильную (хотя, возможно, и не слишком мощную) Россию. Стабильная Россия, способная стать независимым центром силы, интересует Пекин как определенный противовес в его сложных партнерско-конкурентных отношениях с США и Западной Европой, как один из гарантов, способных обеспечить его «независимую и самостоятельную» внешнюю политику. Стабильная ситуация на границе с Россией, так же, как и с другими соседями, имеет большое значение для экономического развития Китая, то есть для осуществления основной цели, поставленной нынешним руководством страны. Именно поэтому Пекин все последние годы настойчиво и конструктивно подходит к решению пограничных проблем, проблем миграции и двусторонней торговли. Китай хотел бы видеть Россию стабильной и экономически развитой, он готов содействовать развитию приграничных российских регионов, и страхи относительно его намерений, раздуваемые некоторыми российскими оппозиционными политиками и СМИ, ему не понятны.

В то же время и в Москве, и в Пекине прекрасно понимают значение партнерских отношений с Западом, которые крайне необходимы обеим странам для укрепления своего положения на международной арене, решения важных международных задач (например, в области нераспространения ОМУ), а также задач экономического развития. Именно поэтому и Китай, и Россия выступают против создания антизападного военного союза.

Таким образом, конструктивные отношения сотрудничества, тесные, но не доходящие до крайностей как враждебности, так и союзничества, полностью соответствуют интересам и

России, и Китая, если, конечно, под интересами России понимать ее становление в качестве сильного, стабильного и экономически процветающего государства, проводящего независимую, но ответственную внешнюю политику, а не превращение ее в младшего брата «цивилизованного мира» и передового бойца с «китайской угрозой» или, наоборот, младшего брата нового центра коммунистического движения и передового бойца с «мировым империализмом».

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Переворот в Киеве, поддержанный США и ЕС, спровоцировал гражданскую войну и действия России, которые привели к резкой конфронтации Москвы с Западом. Эта ситуация была неоднозначно воспринята в Пекине. С одной стороны, там всегда с опасениями относятся к любым попыткам подорвать территориальную целостность существующих государств, так как помнят о собственных сепаратистах. Именно этим объясняется их поддержка территориальной целостности Украины. С другой стороны, китайские лидеры, считающие хаос «культурной революции» и волнений 1989 года мрачными и разрушительными периодами собственной истории, всегда предпочитают стабильность любым беспорядкам. Вину за подрыв стабильности, по крайней мере первоначальную, они возлагают на США и ЕС, считая, что так они стремились расширить сферы своего влияния за счет России. Россия же, по их мнению, приняла ответные меры. Характерен здесь комментарий агентства «Синьхуа»: «Жители остальных частей света в очередной раз наблюдают, как еще одну великую страну разрывают на части из-за неуклюжего и эгоистичного Запада, который кичится слишком многими возвышенными идеалами, но никогда не предлагает практических решений [12]». Под хаосом в Пекине обычно понимают ситуацию, созданную в результате спонсируемых Западом действий, направленных на подрыв стабильных (часто авторитарных) режимов по всему миру, которые, с точки зрения Пекина, только и могут обеспечить экономическое развитие страны и расширение ее сотрудничества с Китаем. Этот термин был использован для описания кризиса, вызванного событиями на площади Тяньаньмэнь 1989 года, «цветных революций» в арабских странах и т. п. Руководство КНР рассматривает противодействие этой тенденции даже в отдалении от своих границ как средство самозащиты, так как понимает, что такая же тактика может быть использована Западом и против Китая. В связи с этим Китай может лишь приветствовать растущую твердость России в противостоянии экспансии Запада.

И хотя российские контрмеры в Пекине многие считают чрезмерными и также не вполне способствующими стабильности, все же в целом российская позиция встречает понимание и даже одобрение. Характерен здесь комментарий агентства «Синьхуа» 7 марта 2014 года: «Возможно, Россия больше и не заинтересована в соревновании с Западом за глобальное превосходство, но, когда дело дошло до устранения последствий хаоса, созданного Западом на ее границах, российские лидеры в очередной раз продемонстрировали убедительность и проницательность в планировании и осуществлении эффективных ответных мер» [12].

С геополитической точки зрения китайские руководители, рассматривающие мировую политику как арену борьбы за сферы влияния, лишь иногда прикрываемую различными идеологическими лозунгами, в целом не могут не одобрять жесткий отпор, данный Россией западной экспансии, во-первых, потому, что он задерживает эту экспансию на китайском направлении, а, во-вторых, потому что в конфронтацию на этот раз вступил не Китай и его экономическое сотрудничество с Западом не пострадало. Что касается обычных китайских граждан, то, судя по комментариям, наполнившим китайский Интернет, многие из них не только одобряют действия В. В. Путина, но и ставят его решительность в пример своему руководству, которое, по их мнению, проявляет ненужную мягкость по отношению к Японии, США, Вьетнаму и другим государствам, желающим Китаю зла.

Таким образом, если, как считают некоторые эксперты, Б. Обама действительно рассчитывал на осуждение Китаем присоединения Россией Крыма и российской политики на Украине в целом [14], то он серьезно просчитался. Этот просчет показывает полное непонимание мотивов действий Пекина, как и точно такое же непонимание реакции Москвы на

экспансию Запада. В результате администрация Б. Обамы проводит политику, от которой предостерегали Вашингтон все американские стратеги, начиная со времен Р. Никсона: одновременная конфронтация с Москвой и Пекином стимулирует сближение.

Таким образом, хотя Россия и Китай продолжали бы сближение и без украинского кризиса, нынешнее охлаждение в отношениях между Россией и Западом способствует ускорению и углублению этого процесса. Например, заключение двух крупнейших соглашений по экспорту российского газа в Китай в 2014 году, переговоры о которых велись долгие годы, могло состояться и в другой международной обстановке, но, возможно, они тянулись бы дольше и не были бы столь конструктивными. То же можно сказать и обо всех прочих контрактах и соглашениях, подписанных во время визитов президента В. В. Путина в Пекин в мае 2014 года, премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Москву в октябре 2014 года, посещения В. В. Путиным саммита АТЭС в ноябре 2014 года и визита Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 года.

Впрочем, значение газовых контрактов с Китаем не стоит переоценивать. Это лишь небольшая часть общего объема двусторонней торговли и всего комплекса сотрудничества, которое имеет многосторонний и самоценный характер и прямо не обусловлено отношениями Москвы и Пекина с другими государствами.

Похолодание между Россией и Западом пока сказывается не только на конкретных решениях, но и на появлении серьезного отношения к сотрудничеству с Китаем в самых различных кругах российского общества. Необходимость наращивания этого сотрудничества все в большей степени понимается не как декларация, а как насущная практическая необходимость. Это новое понимание касается как государственных чиновников, так и представителей крупного бизнеса.

Показательно, что в марте 2014 года крупный и — по словам самого российского президента [3] — близкий к В. В. Путину бизнесмен Г. Н. Тимченко, попавший под американские санкции, возглавил Российско-китайский деловой совет — ассоциацию российских предпринимателей, работающих с Китаем. Другим свидетельством поворота бизнеса к Китаю являются просочившиеся в прессу сведения о планах «РусГидро» продать блокирующий пакет акций дальневосточного энергетического холдинга «РАО ЭС Востока» китайской кампании «Санься», с которой «РусГидро» создает СП по строительству ГЭС на Дальнем Востоке [5]. Ранее китайские инвесторы, в отличие от западных, не допускались до владения российскими топливно-энергетическими кампаниями под предлогом возможного подрыва национальной безопасности.

Но наиболее яркое свидетельство принципиального сдвига в российско-китайском сотрудничестве — подписание 8 мая 2015 года лидерами двух стран в Москве совместного заявления о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и проекта «Экономического пояса Шелковый путь». В этом документе Пекин фактически поддержал деятельность ЕАЭС, несмотря на враждебное отношение к этому объединению Запада, да и собственные сомнения. При этом он почти полностью согласился на российские предложения, первоначально выработанные группой экспертов «Валдайского клуба» — экспертного механизма, работающего в тесном сотрудничестве с администрацией российского президента, и поддержанные руководством страны [4]. Эта история показывает заинтересованность Китая в сотрудничестве с Москвой, ради которой он готов идти на определенные компромиссы. Она также демонстрирует возросший интерес российского правительства к экспертизе по китайскому вопросу.

Вероятно, подобную поддержку России, по указанным выше причинам, Пекин будет оказывать и впредь. В то же время естественно, что такая крупная и независимая страна, как Китай, не будет помогать России в ущерб собственным интересам или торговать себе в убыток. У Китая — слишком много собственных проблем, чтобы углублять их за счет помощи другим. Поэтому основными принципами российско-китайского сотрудничества и впредь будут взаимная заинтересованность и взаимная выгода. Только на этой основе две страны смогут сотрудничать конструктивно и эффективно.

Таким образом, противостояние России и Запада создает почву для глубинного поворота России к Китаю, созданию как его физической инфраструктуры, так и культурно-образовательной основы. Но главный поворот осуществляется в сознании российских чиновников и бизнесменов. Они все больше понимают, что перспектив восстановления и тем более

расширения сотрудничества с Западом нет. Духовный и ценностный разрыв увеличивается, перспективы разрешения украинского конфликта не просматриваются, доверие к Западу как надежному партнеру подорвано. Всех этих проблем нет при сотрудничестве с Китаем. И хотя существуют другие: необычность китайской культуры и психологии, необходимость рвать налаженные связи с Европой, языковые сложности и т. п., — все эти проблемы представляются гораздо меньшими и гораздо легче преодолимыми.

ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Все вышесказанное не означает, что в России не видят сложностей в сотрудничестве с Китаем. Ни у правительства, ни в экспертном сообществе нет в отношении партнера никаких иллюзий. Мало кто в России считает, что Пекин, вдруг преисполнившись альтруизмом, начнет за свой счет спасать Россию, если она окажется в сложном финансовом положении, или развивать сотрудничество в ущерб себе. Напротив, считается совершенно естественным, что Пекин отстаивает собственные интересы, порой жестко. Как при переговорах о поставке нефти, так и газа шел долгий торг относительно условий и цены. В России понимают, что слишком сильная зависимость от Китая как от монопольного покупателя может создать для нее проблемы. Такие проблемы уже возникали, например, в 2003 году с Турцией, которая потребовала снизить цену на поставляемый газ уже после пуска трубопровода «Голубой поток». В случае переключения импортных поставок значительных объемов сельскохозяйственной продукции из-за российских «контрсанкций» из Европы на Китай может увеличиться товарооборот, но возрастет и зависимость России от китайского рынка. Отдают себе отчет в Москве и в том, что у Китая — собственные отношения с Западом, сотрудничество с которым ему необходимо для развития экономики. Пекин не будет подрывать их ради российских интересов. Бурно развивающийся и политически отличный Китай представляет определенный вызов для экономически стагнирующей России. В России видят и то, что новая китайская внешнеполитическая активность порой вызвана ростом национализма внутри страны, в том числе в армии.

Все это понимают в Москве и, в принципе, при иных обстоятельствах, возможно, она выступала бы за более сдержанную политику. В российском руководстве и элите всегда существовало различие подходов к Китаю и Западу. Все еще сильна группировка, выступающая за сохранение более тесных отношений с США и ЕС. Она состоит из трех подгрупп: постгайдаровский блок в правительстве и близких к нему кругах; коррумпированные чиновники и близкие к ним бизнесмены, имеющие крупные активы и недвижимость в Европе и США; представители бизнес-элиты, имеющие серьезные деловые интересы на Западе (на практике часто представители этих подгрупп пересекаются). Другая группа выступает за более жесткий курс в отношении Запада и более активное развитие евразийской интеграции и связей с государствами Азии. Президент В. В. Путин маневрирует между двумя крайностями, стараясь не порвать полностью связи с Западом (необходимые для российской экономики), но одновременно развивая интеграцию на постсоветском пространстве и сотрудничество с Азией (особенно с Китаем, но также с Южной Кореей, Индией, Ираном, Турцией, государствами АСЕАН). В. В. Путин, вероятно, действительно, считает Россию неотъемлемой частью большой Европы (о чем он неоднократно заявлял), однако частью независимой, не подчиненной евроатлантическому политическому центру, с интересами которой нужно считаться. Для обеспечения этой независимости он стремится к диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей страны, в том числе в евразийском и китайском направлениях.

Антироссийский курс Запада серьезно ослабил позиции прозападной группы и укрепил позиции их оппонентов. Смягчение этой политики, например, путем отмены санкций (что в обозримом будущем крайне маловероятно) в какой-то мере смягчит и политику России, приведет к укреплению «прозападной» группировки и восстановлению части разрушенных связей. Но полного возврата к доукраинскому состоянию все равно не произойдет. Во-первых, наращенные связи с Китаем и другими государствами Азии имеют необратимый характер, и от выгодных контрактов с китайскими партнерами никто отказываться не будет. Во-вторых, доверие к западным партнерам серьезно подорвано, вряд ли кто-то захочет за-

ключать многомиллионные контракты с компаниями государств, которые в любой момент могут политическими решениями принести серьезные убытки. В-третьих, принципиально изменилось общественное мнение: большая часть россиян стала считать США и государства ЕС враждебными и желающими нанести ущерб России.

Общая стратегия России в ближайшие 5–10 лет будет определяться сочетанием вышеперечисленных факторов и соотношением сил различных группировок в руководстве, но в целом значительное укрепление и углубление отношений с Китаем неизбежно. Враждебная политика Запада не оставляет альтернативы. Расширение НАТО на Восток, подход военных структур этой организации к границе в сочетании с поддержкой антироссийских радикалов на Украине, приход к власти которых путем антиконституционного переворота был активно поддержан Западом только потому, что они обещали вывести Украину из сферы российского влияния, — все это представляется Москве реальной и непосредственной угрозой самому существованию России. В условиях политики экономического шантажа и нескрываемого желания заставить Россию изменить свои позиции по международным вопросам, которые она считает правильными, Москве не остается ничего, кроме как поворачиваться к Азии, прежде всего к Китаю. Больше того, можно сказать, что санкции в этом смысле сыграли весьма позитивную роль, так как стимулировали этот давно назревший процесс, который до сих пор тормозился инертными элитами, привыкшими к западной ориентации.

Вызовы со стороны Китая в сегодняшней ситуации представляются российским элитам гораздо менее серьезными, чем со стороны Запада. Они могут быть компенсированы за счет активного развития как экономического, так и политического сотрудничества с другими государствами Азии, в том числе и соседями Китая, а также путем искреннего обмена мнениями с самой китайской стороной, которая, исходя из духа сотрудничества, часто учитывает российские пожелания и опасения.

В целом в настоящее время восстановление полномасштабного сотрудничества России с Западом не просматривается, так как взаимное непонимание слушком велико. Видение мира Западом и Россией все больше расходится. В этой ситуации России нужно стремиться к какому-то варианту «мирного сосуществования». Этот советский термин подразумевает следующее: 1) Концептуальные вопросы не обсуждаются, так как это только приводит к углублению разногласий, и каждый все равно остается при своем мнении. 2) Обсуждаются только вопросы ухода от вооруженной конфронтации (например, условия прекращения огня на Украине, вопросы мер доверия в военной области, сокращения вооружений и т. п.). Возможно сотрудничество по международным проблемам, которые представляют угрозу как России, так и Западу (например, международный терроризм). 3) Ведутся прагматические переговоры по взаимовыгодному торгово-экономическому сотрудничеству, причем избегаются долгосрочные проекты, которые могут быть использованы для политического давления.

Такая система отношений уже давно (по крайней мере, с конца 1970-х годов) существует между Западом и Китаем. В отношении Китая до сих пор действуют некоторые из санкций, принятых Западом в 1989 году. Идеологические дискуссии между сторонами по концептуальным вопросам (типа, что такое демократия и как ее использовать) — бесполезны, делаются только односторонние заявления. Это не мешает широкомасштабному торгово-экономическому сотрудничеству, хотя и в нем немало проблем. Это также не мешает взаимодействию по ряду международных проблем, хотя по некоторым другим существуют серьезные разногласия и часты взаимные обвинения. Альтернативой «мирному сосуществованию» будет новая «холодная война», периодически перерастающая в вооруженные конфликты по границе зоны российских стратегических интересов (типа украинского), а также в некоторых других регионах мира, где сохраняется российское влияние.

В отношении Китая у России нет альтернативы наращиванию сотрудничества по всем направлениям. Угроза от Запада на сегодняшний момент реальна, а от Китая никакой угрозы не исходит. Возможные вызовы будущего должны учитываться и по возможности смягчаться.

Что касается возможных вызовов и угроз, которые могут быть порождены ростом китайской мощи и роли национализма в его внешней политике, то здесь можно было бы предложить следующее:

- 1) Диверсификация азиатской политики. Развитие отношений России с Азией не должно замыкаться на Китае, торгово-экономическое сотрудничество необходимо ускоренно

развивать с другими крупными державами региона, в том числе и с теми государствами, в отношениях с которыми у Китая имеются проблемы, — с Индией, Японией, Республикой Корея, Вьетнамом, Индонезией, Таиландом, Ираном, Турцией.

- 2) Восстановление традиционных связей. Так как развитие сотрудничества с союзниками США в Азии в настоящее время затруднительно, особый упор необходимо делать на восстановление традиционных связей с бывшими союзниками и геополитическими «друзьями» — Вьетнамом и Индией, Ираном. Возможно и более тесное политическое взаимодействие с КНДР, которая находится под слишком большим влиянием Пекина, хотя в экономическом плане это мало что даст.
- 3) Откровенное обсуждение российских опасений с китайским руководством.
- 4) В экономическом плане необходим курс на продолжение интеграции экономик двух стран. Такая интеграция создаст взаимную, а не одностороннюю, зависимость, при которой обострение отношений будет невыгодно как Китаю, так и России.

Российско-китайское сближение коренным образом изменит геополитическую карту мира и сильно видоизменит парадигму его развития, в рамках которой Запад действовал весь период после краха СССР. Как точно заметил Д. В. Тренин, на наших глазах вместо провозглашенной тогдашними лидерами Запада и М. С. Горбачевым «Большой Европы» — от Лиссабона до Владивостока — начинает складываться «Большая Азия», а точнее, «Большая Евразия» — от Донецка до Шанхая [14]. Основой этого объединения, кроме российско-китайского стратегического партнерства, будет целый ряд международных организаций и групп, каждая из которых проявляет все большую активность, и которые расширяются на фоне украинского кризиса, — это ШОС, ЕАЭС, ОДКБ.

В подписанном 8 мая 2015 года во время визита Председателя КНР в Россию «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелковый путь» сказано, что стороны «будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества» [6]. В то же время этот документ ставит перед ШОС серьезные вопросы. Необходимо выработать конкретные механизмы взаимодействия ЕАЭС и инициативы ЭПШП с ШОС. Над этим сейчас работают российские и китайские эксперты. В России, в частности, над проектом такого взаимодействия работают эксперты влиятельного Валдайского клуба, выдвинувшие идею сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, которая затем была принята руководством двух стран. Согласно их предложениям, ШОС должна стать рамочной организацией для организации взаимодействия ЭПШП и ЕАЭС. В этом случае роль ШОС значительно повысится, и особенно укрепится ее экономическая составляющая.

Решение об одновременном принятии в ШОС Индии и Пакистана, обладавших до этого статусом «наблюдателя», принятое на саммите Организации в Уфе в июле 2015 года, принципиально изменит ШОС. Россия эту идею поддерживала и активно продвигала. Индия и Пакистан — крупные государства с множеством проблем и сложными отношениями между собой, поэтому такой шаг может поставить сразу множество вопросов: от мелких, типа перевода всех имеющихся документов на английский язык, который, наверняка, станет третьим официальным (пока это только русский и китайский), до гораздо более принципиальных. Не потеряет ли Организация своего лица? Не станет ли менее эффективной за счет усложнения механизма принятия решений, для чего необходим консенсус? Все это — не праздные вопросы. Например, многие считают, что ЕС стал гораздо менее эффективным именно из-за чрезмерного расширения. Однако плюсы присоединения этих стран все же перевесят минусы. Подключение Индии сделает ШОС гораздо более мощной и влиятельной международной организацией, с которой многим придется считаться. Ведь она будет представлять, по сути, большую часть незападного мира. Кроме того, присоединение динамично развивающейся Индии может во многом стимулировать экономические проекты ШОС, особенно в Центральной Азии, с которой у Индии — глубокие традиционные связи.

Что касается другого наблюдателя — Ирана, то и его принятие полноправным членом в ШОС в нынешней международной обстановке также было бы весьма желательным. Во-первых, Иран проводит собственную независимую внешнюю политику и может стать важным

партнером России и Китая в их стремлении сохранить собственную независимость, противостоять давлению Запада. Во-вторых, Иран – важнейший экспортер энергоресурсов и может быть важным экономическим партнером, особенно в области энергетики. В-третьих, это одна из основных сил, противостоящих террористической угрозе, исходящей от ИГИЛ. Однако для принятия Ирана существует препятствие – это санкции, наложенные на него ООН. Согласно принятым в ШОС критериям членства, государство, находящееся под такими санкциями, не может быть принято в ШОС. Снятие санкций – решение, которое достигнуто на переговорах «шестерки», может привести к принятию Ирана в ШОС в ближайшем будущем.

Расширение ШОС идет и по другим направлениям. В Уфе статус партнера по диалогу получили Азербайджан, Камбоджа, Армения и Непал (такой статус уже имели также Турция, Шри Ланка и Белоруссия), а Белоруссия была переведена из партнеров по диалогу в наблюдатели, к которым до этого относились Индия, Пакистан, Иран, Афганистан и Монголия.

В целом за счет принятия Индии, Пакистана и Ирана повестка ШОС может выйти за рамки российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии. ШОС станет гораздо более широкой региональной организацией.

Немаловажную роль будет играть и все более активизирующаяся БРИКС. Задача БРИКС изначально заключалась в реформировании международной финансовой системы. Столкнувшись с решительным сопротивлением со стороны Запада стремлению государств БРИКС получить большее влияние в МВФ и Всемирном банке, БРИКС пришлось создавать собственные финансовые институты: пул валютных резервов и Новый банк развития. Сегодня БРИКС все более расширяет свою деятельность и может рассматриваться как основной двигатель реформы системы глобального управления в целом, которая членами группы рассматривается как отвечающая лишь интересам Запада.

Все эти и другие группы и институты со временем и составят систему Большой Евразии. Государства Большой Евразии не будут связаны союзническими отношениями, как США и их европейские сателлиты. Некоторые из них могут относиться к различным центрам силы. Однако в целом они будут составлять некое единство, объединенное коренными интересами. Именно такое демократическое единство Большой Европы не смогли создать США и их союзники. Пытаясь подчинить всех своему жесткому диктату, они присоединили к системе своих союзов большую часть Восточной Европы, но потеряли Россию, Центральную Азию, все более напрягают Китай и Индию, заставляя их двигаться все ближе друг к другу, даже несмотря на значительные противоречия. Для кого это удача, а для кого – поражение, покажет будущее.

SINO-RUSSIAN RAPPROCHEMENT AND THE STRUCTURE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Alexander Lukin, Prof., Director, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia; Head, Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics.

Summary:

The article analyses the process of Sino-Russian rapprochement which has significantly intensified since the worsening of Russia's relations with the West in 2014. This process is studied as a part of the emerging of Greater Eurasia in place of Greater Europe which was envisioned in late 1980s. The states of Greater Eurasia, will not be tied by alliance relations, as are the United States and its European satellites. Some of them may turn to different centers of power; however, on the whole, they will form a unity, brought together by core interests. Precisely, this kind of democratic unity of Greater Europe could not be established by the United States and its allies. Attempting to subordinate every state to their dictates, they have united allies from most of Eastern Europe but lost Russia and Central Asia, and are increasingly antagonizing China and India, forcing them to draw closer to each other even in spite of significant contradictions. Only the future will tell who will succeed and who will not.

Keywords: *Russia, China, rapprochement, sanctions, Eurasia, Europe, West.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лукьянов Ф. Консерватизм сближает // Газета.ru. 09.11.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6244657.shtml>
2. Мартынюк В. Политический союз России и Китая неизбежен, потому что выгоден обеим странам. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/world/2014/05/19/vladimir-putin/740321-politicheskii-soyuz-rossii-i-kitaya-neizbezhen-potomu-cto-vy>
3. Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moskva-putinu.ru/#page/main>
4. РФ и Китай договорились о «стыковке» проектов ЕАЭС и «Шелковый путь». 08.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1956881>
5. Скорлыгина Н., Дзагуто В. Китай вольется в российскую энергосистему. «Sanxia» может купить блокпакет «РАОЭС Востока» // Коммерсантъ-Власть. 21.11.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2615293>
6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». 08.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>
7. Храмчихин А. А. Пекин Москве – партнер, но не друг. Китайский вектор не должен преобладать во внешней политике Кремля // Независимое военное обозрение. 07.11.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2014-05-16/1_china.html
8. (Roger T. Ames). (From Western Individualism to Confucian Ethics) // Renmin Ribao, 07.11.2014.
9. Baev P. Upgrading Russia's Quasi-Strategic Pseudo-Partnership with China// PONARS Eurasia, 08.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/upgrading-russia's-quasi-strategic-pseudo-partnership-china>
10. Brattberg E. and Pires de Lima B., “Confronting Moscow With the Help of Beijing. The West should exploit China-Russia asymmetries to avert an East-West confrontation” // The Diplomat, 25.05.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/05/confronting-moscow-with-the-help-of-beijing/>
11. Charap S., Ratner E. “China: Neither Ally nor Enemy on Russia,” The National Interest, April 2, 2014. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/china-neither-ally-nor-enemy-russia-10168>
12. Ming Jinwei, Commentary: The West's fiasco in Ukraine. English.news.cn. 2014-03-07. URL: http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2014-03/07/c_133168143.htm.
13. Rozman G., “Asia for the Asians. Why Chinese-Russian Friendship Is Here To Stay”, Foreign Affairs, Gilbert Rozman. “Asia for the Asians. Why Chinese-Russian Friendship Is Here To Stay” // Foreign Affairs, October 29, 2014. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/142305/gilbert-rozman/asia-for-the-asians>
14. Trenin D., From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. Carnegie Moscow Center. April 2015. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Trenin_To_Asia_WEB_2015Eng.pdf

ФЭН ШАОЛЭЙ
(КНР)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ, КИТАЕМ И США НА ФОНЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

*Фэн Шаолэй, декан Школы международных отношений и регионального развития,
директор Центра российских исследований
Восточно-китайского педагогического университета.
E-mail: shaoleifeng@yahoo.com*

Аннотация: *С началом кризиса на Украине особое внимание уделяется отношениям между Россией, Китаем и США, которые стали одним из наиболее заметных явлений современной международной политической жизни. В этой связи нельзя не задаться вопросом о причинах такого явления. Каков характер отношений между этими тремя странами? Как с началом кризиса в Украине осуществляется взаимодействие между ними? Какие особенности трехсторонних отношений проявились в новой ситуации и как это повлияет на будущее мировой политики?*

Ключевые слова: *Россия, КНР, США, трехсторонние отношения, украинский кризис, взаимодействие, война в Сирии, АТР, Центральная Азия.*

ПОЧЕМУ ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ РОССИЕЙ, КИТАЕМ И США УДЕЛЯЕТСЯ ТАКОЕ СЕРЬЕЗНОЕ ВНИМАНИЕ?

Во-первых, отношения между Россией, Китаем и США рассматриваются с точки зрения авторитета и влияния трех стран. В постоянно изменяющемся мире, который движется в сторону многополярности, влияние США на международные процессы снижается. Однако США по-прежнему являются самой могущественной страной в Западном мире. Китай в свою очередь — крупнейшая развивающаяся страна, демонстрирующая стремительный рост. Значительные изменения, которые произошли в Китае, рассматриваются как одни из наиболее важных причин перемен в мире. Что касается России, то, хотя страна и справилась с разнообразными трудностями и вызовами, оценки произошедших с ней изменений в международном сообществе сильно различаются. Вне зависимости от того, по каким критериям оценивать возможности России: политическое влияние, экономический потенциал, военная сила, дипломатические традиции, геополитическое положение, — она далека от того,

чтобы считаться «региональной державой» (характеристика президента США Б. Обамы)¹. Россия — это по-прежнему мировая держава, находящаяся в процессе трансформации.

Основная проблема заключается в том, что изменяющийся мировой баланс сил и значительные комплексные трансформации приводят к ранее невиданным и сложно прогнозируемым последствиям. В такой ситуации основное внимание приковано не только к возможностям и влиянию одной страны в рамках международных структур, но и к тому, какое влияние эта страна может оказать на будущие тенденции развития мирового сообщества. На фоне происходящих в мире процессов глобализации и модернизации особое историческое значение России, Китая и США, а также их устремления и идеалы вызывают повышенное внимание к изменениям в отношениях между этими тремя странами и к тому, какое влияние они оказывают на будущее мирового сообщества. И этим все не ограничивается, ведь взаимоотношения этих трех стран рассматриваются не только с точки зрения изменения геополитической расстановки сил, например останется ли мировое сообщество под господством США? Или в один прекрасный день это место займет новый Китай? А может быть уже наступает время многополярности, за которое выступает Россия? Более важный вопрос заключается в следующем: какие качественные изменения в отношениях между рассматриваемыми государствами могут произойти и как они повлияют на дальнейшее развитие мирового сообщества?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать изменения, которые произошли в российско-китайско-американских отношениях с началом украинского кризиса. По сути, они уже стали важной причиной выхода международных отношений, сложившихся после окончания «холодной войны», на новый уровень.

По мнению автора, более чем двадцатилетний период, который начался в 1989—1991 годах, можно разделить на два этапа. В целом — это этапы до и после мирового финансового кризиса 2008 года. Так, например, можно рассмотреть, каким образом строились международные отношения в это время. После 1989—1991 годов и до кризиса 2008 года, в первый период после окончания «холодной войны», новые государства и страны бывшего социалистического блока в своей внутривнутриполитической жизни встали на европейско-американский путь развития и начали крупномасштабную трансформацию в политической, экономической и социальной сферах. Россию и Китай можно рассматривать как типичные страны, которые пошли по такому пути. Однако в XXI веке процесс внутреннего социально-экономического развития этих стран и их регионов неуклонно стал приобретать особые, индивидуальные и локальные черты, а сочетание иностранного опыта и местных практик привело к появлению новых тенденций развития. Мировой финансовый кризис 2008 года повлиял на трансформацию такого рода моделей, повлек уточнение концепций и установок. Анонсированный председателем КНР Ху Цзиньтао в 2008 году «научный подход к развитию» на XVII съезде КПК был официально включен в устав партии. Основным пунктом этой программы является необходимость продолжать идти по пути реформ и открытости и вместе с этим постепенно вносить коррективы во внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с новыми тенденциями развития страны. В это же время президент Российской Федерации В. В. Путин предложил новый идейно-политический курс — «политический консерватизм» (понимаемый не как закрытость и не как движение вспять, а как синтез лучших местных традиций и процесса модернизации). Предложения В. В. Путина и Ху Цзиньтао можно рассматривать как проявление новых тенденций развития. Примерно в это же время Б. Обама стал президентом США, которые, с одной стороны, продолжали «управлять миром», но, с другой стороны, испытывали различные проблемы внутривнутриполитического свойства. По словам бывшего президента США Дж. Картера, американская демократическая система умерла². Внутренние изменения в Китае, России и США демонстрируют, что мир движется не только в сторону многополярности, но и, если посмотреть глубже, к плюрализму государственных систем, идеологических концепций и в конечном счете — образа жизни.

¹ “Obama dismisses Russia as ‘regional power’ acting out of weakness”, The Washington post, March 25, 2014, URL: http://www.washingtonpost.com/world/national-security/obama-dismisses-russia-as-regional-power-acting-out-of-weakness/2014/03/25/1e5a678e-b439-11e3-b899-20667de76985_story.html

² “Jimmy Carter Declares U.S. ‘Democracy’ Dead. America’s ‘worst damage’ is it’s now ‘an oligarchy’”. 09.23.2015. URL: <http://www.wnd.com/2015/09/jimmy-carter-declares-u-s-democracy-dead/#oX7fLb6ibxDptF0S.99>

Во внешнеполитическом плане ситуация такова: миропорядок под руководством Запада, возглавляемого США, продолжает существовать. Однако новые государства выдвигают коллективные требования актуальных преобразований и постепенно, сотрудничая по линии развивающихся стран, способствуют эволюции современного миропорядка. Разумеется, расстановка сил, сложившаяся после 1989–1991 годов, трансформируется, причем это не просто некие одномоментные стремительные изменения, а довольно долгий постепенный процесс. В целом после мирового финансового кризиса возникла G20; затем в качестве реакции на ряд вызовов и угроз появились новые многосторонние механизмы, представляющие интересы России, Китая и других стран с переходной экономикой: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути. В условиях нестабильности на Ближнем Востоке и кризиса на Украине, взаимоотношения между Китаем, США и Россией стали той силой, которая прямо или косвенно формирует новое мироустройство. Второй этап международных отношений после «холодной войны» стартовал и продолжается именно в такой обстановке.

Кроме того, стоит упомянуть, что есть еще два фактора, из-за которых к отношениям между Китаем, Россией и США приковано большое внимание. Во-первых, в период стремительной трансформации международных отношений важную роль играют восприятие и умонастроения, сформированные ходом истории. Еще свежа в памяти эволюция взаимоотношений СССР, КНР и США во второй половине XX века, которая, по-видимому, привела к окончанию «холодной войны» и стала классическим примером серьезных и порой драматических перемен в истории международных отношений. Такие отношения между великими державами встречаются в истории достаточно редко, их будет сложно воспроизвести вновь. Однако отношения в том треугольнике имели глобальное значение и вошли в историю, поэтому их сложно будет стереть из памяти. Если международная обстановка претерпит стремительные перемены, история взаимоотношений трех стран будет, возможно, трактоваться по-иному и вне зависимости от истинности изложения будет влиять на восприятие международных отношений потомками.

Другой важный фактор – это кризис на Украине. На протяжении более чем ста лет, даже после окончания «холодной войны», трехсторонние отношения России, европейских стран и США рассматривались в качестве имеющих наибольшее влияние на мировые дела. Однако с развитием кризиса на Украине эти отношения столкнулись с серьезными трудностями: базовые механизмы трехстороннего сотрудничества оказались разрушены, а сложившаяся ситуация продемонстрировала, что стороны весьма по-разному трактуют изначально общепризнанные понятия – такие, например, как «демократия» и «свобода». Затянувшийся украинский кризис показал всему миру, что обстановка в целом начала развиваться в сторону антагонизма и в результате большее внимание стало уделяться другому «треугольнику»: Россия – Китай – США. Фактически, еще до кризиса на Украине, независимо от «поворота России на Восток» или от стратегии США по возвращению в АТР, отношения России, Китая и США уже вышли на авансцену мировой политики. Тем не менее именно украинский кризис придал им особую значимость.

В ЧЕМ СУТЬ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ, КИТАЯ И США?

К взаимоотношениям России, Китая и США приковано большое внимание, и мир не перестает задаваться вопросом, какова суть этой особой подструктуры международных отношений.

Фактически, в современной мировой политике идут споры о том, существуют ли так называемые «трехсторонние отношения» Китая, США и России? Одни полагают, что раз в истории не было трехстороннего саммита глав этих государств, а также отсутствуют международные договоры или механизмы, включающие только эти три страны или отражающие их интересы, то и нет смысла говорить о «трехсторонних отношениях России, Китая и США». Другие же считают, что, несмотря на отсутствие трехстороннего формата сотрудничества, взаимодействие этих важнейших мировых держав влияет на международные отношения в целом, изменяет баланс сил, оказывает влияние на развитие всех стран. Следовательно, независимо от наличия или отсутствия «трехстороннего саммита» или других формальных

механизмов эти три державы иногда посредством взаимодействия, иногда через механизм двухсторонних контактов (китайско-американских, российско-американских, российско-китайских) оказывают на мировое развитие значительное влияние, как материальное, так и нематериальное, что позволяет говорить о формировании новой современной системы международных отношений. Она, тем самым, обуславливает и направляет комплексные изменения, происходящие с другими акторами международных отношений и структурами многостороннего сотрудничества.

В «Синем зале» Министерства иностранных дел КНР на открытом форуме, посвященном празднованию 70-летней годовщины победы во Второй мировой войне, один из журналистов задал вопрос: в чем разница между китайско-американскими и китайско-российскими отношениями и являются ли последние примером нового типа отношений между державами?

Я бы в целом ответил следующим образом: двусторонние отношения между США и Китаем — это отношения между самой сильной, самой развитой и самой влиятельной страной и самой быстро растущей, имеющей глобальное влияние, самой крупной развивающейся страной. Состояние отношений Китая и США затрагивает не только эти две страны, но и сказывается на мире во всем мире и развитии всех стран. Очевидно, что в процессе построения нового формата международных отношений между крупными державами именно китайско-американским отношениям, которые имеют всеобъемлющее влияние, уделяется наибольшее внимание.

По сравнению с китайско-американскими отношениями, китайско-российские двусторонние отношения имеют другой размах и иное внутреннее содержание. Во-первых, Китай и Россия имеют долгие историко-культурные традиции; во-вторых, в обеих странах в настоящий момент происходят глубокие общественные трансформации; в-третьих, обе страны стремятся к постоянной модернизации; в-четвертых, Китай и Россия в целом так или иначе принадлежат к «незападному миру»; в-пятых, российско-китайские отношения отличаются от китайско-американских: Китай и Россия не создают союз, но поддерживают тесные отношения стратегического партнерства; в-шестых, Россия и Китай — соседи, обладающие огромными территориями, непохожими цивилизационными основами и протяженной общей границей; в-седьмых, Россия и Китай имеют глобальное влияние в различных сферах. Российско-китайские отношения, хотя и не имеют такого всеобъемлющего влияния, как китайско-американские, но не менее важны, имеют более глубокое и богатое внутреннее содержание.

Я так говорю для того, чтобы показать еще одну особенность отношений России и Китая: исторически внутривосточные и внешнеполитические отношения между двумя странами тесно переплетены. В последние сто лет Советская Россия выступала в качестве пионера модернизации и всегда оказывала глубокое и всестороннее влияние на общественный строй и политико-экономические процессы в Китае. Независимо от того, как осмыслять этот период истории, никакая другая держава не имела с Китаем таких прямых и глубоких взаимоотношений. И в этом случае нельзя недооценивать влияние формы общественного устройства и идеологических концепций, традиций и современной ситуации. Кроме этого, совместное сопротивление фашистской агрессии в годы войны, помощь в модернизации экономической базы в период после образования нового Китая, а также взаимовыгодное стратегическое партнерство в годы проведения реформ и открытости внесли неоценимый вклад в развитие китайско-российских отношений.

Следует пояснить, что история российско-китайских отношений тоже переживала сложные периоды. И именно поэтому в конце прошлого века Россия и Китай практически друг за другом вступили в особый период глубокого переосмысления и реформ. Этот процесс очень трудный, но неизбежный. Он требует времени, внутривосточного консенсуса, а также понимания и поддержки внешнего мира. В последние 20–30 лет Китай и Россия глубоко изучили сложности процесса реформ. И это понимание гораздо глубже, чем у их коллег из западных стран, что является важной предпосылкой последовательного развития отношений между Россией и Китаем.

Несмотря на редко встречающиеся в сегодняшнем мире добрососедские отношения двух стран, а также на невероятный объем межгосударственных контактов, многовековая ис-

тория взаимоотношений России и Китая не всегда была идеальной. После окончания «холодной войны» был пройден многолетний сложный период консультаций и переговоров о государственной границе. Когда я впервые встретился с В. В. Путиным, то спросил, какова его точка зрения на тот этап российско-китайских отношений. Он откровенно ответил: «В тех исторических реалиях, какая страна могла бы решить такой сложный вопрос исторических границ? А мы решили и, не беспокоясь за свой тыл, сосредоточились на внутригосударственном строительстве. Раз уж мы разрешили такого рода проблемы, то какие у нас еще могут быть неразрешимые проблемы и противоречия?»³. Что касается этого периода в истории китайско-российских отношений, автор на многих международных мероприятиях слышал, как многие западные дипломаты со стажем и специалисты-международники искренне соглашались с такой точкой зрения.

Я полагаю, что, исходя именно из таких предпосылок, председатель КНР Си Цзиньпин в марте 2013 года во время своего первого официального государственного визита в Россию в качестве главы государства четко заявил: «Китайско-российские отношения уже в 90-е годы прошлого века перешли к новой модели отношений между державами, отличной от той, что была в период «холодной войны». А за первые десять лет XX века построили всеобъемлющие отношения стратегического партнерства и сотрудничества»⁴. Можно заметить, что Китай и Россия создали новый тип взаимоотношений между державами еще в первый период после «холодной войны», то есть гораздо раньше, чем такого уровня взаимоотношений достигли Китай и США. Из заявления Си Цзиньпина следует, что, по-видимому, «всеобъемлющее стратегическое партнерство и сотрудничество» — это более высокая степень взаимодействия, чем «новый тип отношений между державами».

Можно подвести следующие итоги: во-первых, трехсторонние отношения Китая, России и США — это не просто часто употребляемая геометрическая аналогия, в рамках которой можно говорить о равнобедренном, равностороннем и разностороннем треугольниках. Отношения внутри этой группы стран комплексные, многообразные, они могут в любой момент измениться, имеют глобальное влияние. Можно сказать, что они намного сложнее любых абстрактных моделей международных отношений. Эту модель отличают разные историко-культурные установки и глубокое влияние межличностных контактов на межгосударственные. Во-вторых, трехсторонние отношения России, Китая и США нельзя описать только лишь в формулировках, трактующих мощь стран и властные отношения в количественном выражении. Такие принципы, как «правила определяет сильнейший» и «победитель получает всё», далеко не полностью характеризуют отношения между этими странами. В отличие от простой модели властных взаимоотношений эта модель — психологический механизм взаимного признания и взаимодействия в процессе сотрудничества и конкуренции. Она нуждается не только в реальной силе, но еще и в знаниях, контактах, чувствах и рассудительности, включает в себя как стандартные конструкции, так и стратегические установки.

3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ, КИТАЯ И США ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

С целью углубленного анализа взаимоотношений между Россией, Китаем и США, в статье будут рассматриваться несколько важных событий-«кейсов». В разных регионах мира им предшествовали различные обстоятельства и предпосылки, а международные конфликты отличались по составу участников и своей структуре. Также они имели различное влияние на региональное и мировое развитие в целом. В данной статье автор намерен обратиться к событиям прошлого, чтобы дать более глубокую картину трехсторонних отношений России, Китая и США.

3.1. Взаимодействие в рамках сирийского кризиса: трудности сотрудничества в противостоянии

Начавшийся в марте 2011 года сирийский кризис стал одним из важных событий, в связи с которым три страны осуществляли взаимодействие и высказывали свои мнения. Несмотря

³ Стенографический отчет о встрече с участниками третьего заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 9 сентября 2006 года, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23789>

⁴ «习近平同俄罗斯总统普京举行会谈», 2013年3月22日, 新华网, URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-03/22/c_124493917.htm

на то, что комбинации в Сирии стали разыгрываться гораздо раньше, чем начался кризис на Украине, эти два «кейса» с самого начала сопряжены и следуют друг за другом, а взаимодействие по ним является неотъемлемой частью международных отношений. Полагаю, что позиция канцлера А. Меркель, которая заявила в Минске о том, что сирийский и украинский кризисы не взаимосвязаны, не соответствует действительности⁵.

Сирия исторически занимает значимое место в отношениях между Востоком и Западом. Тот факт, что еще в Средние века крестоносцы достигли стен Дамаска, демонстрирует, что Сирия с давних пор была местом противостояния Востока и Запада, а также столкновения мусульманского и христианского миров. Во время «холодной войны» Сирия в очередной раз попала в фокус как американских, так и советских интересов. Здесь расположена первая зарубежная советская морская база; отсюда с начала 70-х годов XX века берет свое начало знаменитая «челночная дипломатия» Г. Киссинджера, которая послужила укреплению влияния США в регионе. Данный экскурс в историю демонстрирует, что сирийская проблема – это не просто какие-либо проекты по «смене режима» ради «мира и демократии», она имеет более комплексный политический и стратегический подтекст.

Нестабильность в Сирии, которая началась в марте 2011 года, ясно продемонстрировала взаимосвязь между событиями в стране и серией «ближневосточных революций» в Тунисе, Египте и Ливии. Американская элита, включая Б. Обаму, не в полной мере осознавая сложность местной религиозной обстановки, не разработав своевременной эффективной и полноценной политики на данном направлении, безрассудно привела в движение «революционные» силы и тем самым инициировала серьезные потрясения в странах Ближнего Востока.

Несмотря на то, что в настоящее время конфликт в Сирии преимущественно означает политическое противостояние Асада и оппозиции, межконфессиональные споры шиитов и суннитов, геополитическую игру США и России, вслед за внезапным подъемом ИГИЛ он стал местом смертельного противостояния радикального терроризма и международных контртеррористических сил. Это привело к тому, что сирийский кризис стал не только ареной геополитического противостояния, но и обрел ясное моральное содержание, а также выявил общего врага всего мирового сообщества. Кроме того, в сложной ситуации текущего момента настоящую проверку на право называться действительно ответственной великой державой проходят те, кто принимают решение: работать ради общего блага, сосредотачивать силы для удара по терроризму, обеспечивать региональную стабильность, способствовать разрешению конфликтов путем политического диалога, или же преследовать исключительно свои интересы, отстаивать свою идеологию, бороться за сферы влияния, решать противоречия с помощью военной силы.

На протяжении нескольких лет Россия и Китай тесно сотрудничают в Совете Безопасности ООН и на других площадках, придерживаются позиции о необходимости разрешения сирийского кризиса политическим путем, подчеркивают, что будущее Сирии должен самостоятельно решить сирийский народ, последовательно содействуют инклюзивному политическому процессу, упорно работают ради примирения всех политических сил страны. Вместе с тем Россия и Китай выступают против позиции США, поддерживающих насильственное свержение законного режима Б. Асада, против опоры на военные методы в разрешении конфликтов и вооружения сирийской оппозиции (часть которой перешла под знамена ИГИЛ). Взаимодействие между Китаем и Россией, основывающееся на общих принципах, нашло свое отражение в российской инициативе «химическое оружие в обмен на мир», с помощью которого удалось избежать непоправимых последствий «смены сирийского режима». Кроме этого, подъем ИГИЛ означает, что сирийское правительство в определенной степени является важной опорой в борьбе с терроризмом, по крайней мере оно предоставляет возможность проведения в стране инклюзивных демократических реформ. Оглядываясь на четыре года кризиса, можно сказать, что Россия и Китай последовательно стояли на позиции сотрудничества в вопросах Сирии, а с осени 2015 года Россия и США пошли на сближение позиций по данному вопросу. Это позитивный пример трехстороннего взаимодействия в сложной мировой обстановке.

⁵ Merkel says there is no link between Syria and Ukraine crises, Reuters, 02 Oct 2015, URL: <http://www.reuters.com/article/2015/10/02/us-mideast-crisis-germany-syria-idUSKCN0RW23W20151002>

30 сентября 2015 года Россия официально начала военно-воздушную операцию в Сирии, направленную против боевиков ИГИЛ. Сирийский кризис вступил в новую, еще более сложную фазу. С одной стороны, США молчаливо признали, что «смена режима» не является первоочередной задачей в Сирии и начали изучать возможность сотрудничества в целях военного противостояния ИГИЛ, что может привести к сдерживанию террористической организации. С другой стороны, сирийский конфликт еще очень далек от разрешения, особенно после того, как один за другим начали происходить различные происшествия: крушение российского самолета над Синайским полуостровом, теракты в Париже, уничтожение Турцией российского Су-24. В данной ситуации Китай однозначно придерживается линии на международное сотрудничество в рамках контртеррористической операции в Сирии и вместе с этим настаивает на важности политического разрешения кризиса при участии всех сторон конфликта, что поспособствует успеху международного антитеррористического сотрудничества.

В таких исключительно сложных обстоятельствах, когда Россия и США относятся друг к другу с подозрением, что может даже грозить эскалацией конфликта, в Вене 14 ноября 2015 года во время второй встречи по сирийскому вопросу министры иностранных дел после сложных переговоров договорились, что в шестимесячный срок в Сирии будет образовано переходное правительство, а всеобщие выборы пройдут в ближайшие полтора года. Заместитель министра иностранных дел КНР Ли Баодун заявил, что возобновление политического урегулирования в Сирии имеет важное значение. На настоящий момент приоритет имеют постоянные усилия по расширению консенсуса между всеми заинтересованными сторонами, который постепенно преобразуется в реальные действия. Для этого необходимо вести работу по пяти направлениям: во-первых, стороны в Сирии должны сложить оружие; во-вторых, необходимо сформировать конкретный план политического транзита; в-третьих, следует общими усилиями бороться с терроризмом; в-четвертых, интенсифицировать гуманитарную помощь; в-пятых, в кратчайшие сроки составить план экономического восстановления.

Автор часто вспоминает Международную конференцию в Марракеше (Марокко, апрель 2013 года), на которой ему удалось пообщаться с научным руководителем Института востоковедения РАН В. В. Наумкиным, который сказал следующее: «Почему Россия и США будут стремиться к разрешению сирийского кризиса с помощью механизма консультаций в Женеве? Ответ довольно короткий: потому что у них есть общий враг – терроризм». Прошло три года, и эта истина подтвердилась вновь: при наличии общего врага необходимо сотрудничать, ведь только сотрудничество между великими державами может обеспечить выход из сирийского кризиса.

3.2. Взаимодействие России, Китая и США в рамках украинского кризиса: стремление переломить тенденции

В отличие от сирийского «кейса», события в Украине происходят в западной части евразийского цивилизационного «узла».

При рассмотрении ситуации через призму исторических условий и современных обстоятельств видно, что великодержавный шовинизм сначала царской России, а потом и Советского Союза вкупе с устаревшей идеологией противоречили стремлениям украинского народа, оказав серьезное влияние на российско-украинские отношения. С распадом Советского Союза в сложной международной и внутригосударственной обстановке историческая неприязнь между народами постепенно разрасталась. Если сравнивать кризис на Украине с кризисом в Сирии, то оба они произошли во время столкновения западной и восточной цивилизаций: сирийский кризис стал местом столкновения внутри мусульманского мира, а украинский – местом жестокого противостояния внутри восточнославянского мира. Когда брат идет на брата – это еще более ужасно, чем противостояние с внешним врагом.

Известный российский ученый, профессор А. М. Мигранян отметил, что в украинском кризисе меряются силами Россия и США⁶. Хотя это выражение довольно категорично, в этом кризисе отчетливо проявляется взаимодействие между указанными двумя основными акто-

⁶ Выступление профессора Миграняна на семинаре, посвященном украинским проблемам, 24 октября 2014 года в ходе XI заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» в городе Сочи.

рами. Фактически, украинский кризис — совершенно неслучайное событие, это естественный результат изменений миропорядка после «холодной войны». Другими словами, с одной стороны, очевиден «триумф победителей» — расширение НАТО и ЕС на Восток, включая поддерживаемый США план «Восточное партнерство», то есть беззастенчивое продвижение западной сферы влияния в сторону бывшего СССР. С другой стороны, побочным продуктом такого «расширения на Восток» стали «революции», в которых США играли важную роль: «Тюльпановая революция», «Оранжевая революция» и «Революция на Майдане незащитности», которые напрямую угрожали политической стабильности Евразии. Кроме этого, США, руководствуясь исключительно собственными желаниями, упорно устанавливали системы ПРО неподалеку от российских границ, напрямую угрожая коренным российским интересам. Даже после того, как Иран — ссылая на исходящую от которого угрозу использовалась в качестве предлога для размещения ПРО — согласился подписать соглашение по ядерной программе, США по-прежнему неуклонно придерживаются ранее установленной линии. Это демонстрирует, что конфликт на Украине — тот международный кризис, который должен был рано или поздно разразиться.

В отличие от кризиса в Сирии на Украине до сих пор не проявилось того, что могло бы стать общей стратегической целью — как, например, борьба с ИГИЛ, которая позволила объединить силы и интересы всех сторон. Напротив, получается, что в Евразии НАТО, ЕС и Россия соперничают в продвижении расходящихся между собой концепций регионализации.

Фактически и ЕС, и ЕАЭС изначально имеют рациональные мотивы и базу для продвижения региональной интеграции. Однако данный этап привнес качественные изменения в процесс регионального сотрудничества. К тому же в период прямого столкновения на Украине ни ранее существовавшие СНГ, ОДКБ и «ГУАМ», ни появившиеся после начала украинского кризиса Женевские переговоры, Нормандская четверка, а также Минские соглашения не смогли эффективно воспрепятствовать этому кризису.

В случае, когда указанные многосторонние механизмы неэффективны, позиция Китая по данному вопросу интересует многих и имеет большое значение. Хотя Китай не является государством — участником конфликта, однако в то время, как Россия и Запад стоят каждый на своем, Китай, исполняя партнерские обязательства и долг великой державы, должен заявить о своей позиции.

Китай руководствуется собственными интересами, однако при формулировании позиции исходит из принципов обеспечения стабильности мирового сообщества после «холодной войны» и недвусмысленно и открыто заявляет: КНР последовательно выступает за территориальную целостность и суверенитет независимых государств; вместе с тем, принимая во внимание необычайно сложные «исторические переплетения», выступает за активный диалог по вопросу территориальной принадлежности и исключительно политические меры урегулирования конфликта. Китай выступает против подмены политического диалога санкциями, перекалывания ответственности друг на друга в обстоятельствах, подлинная картина которых не известна, а также не приемлет убийства мирных граждан. В условиях экономических трудностей, которые претерпевает Россия, Китай четко обозначил готовность протянуть руку помощи. КНР решительно выступает против любого курса на изоляцию России. Более того, когда отношения России и Запада осложнились и особенно когда видные западные политические деятели отказывались приезжать на мероприятия, которые могли бы стать площадкой для многосторонних контактов, как, например, открытие Олимпиады в Сочи в 2014 году или празднование 70-летней годовщины победы во Второй мировой войне в 2015 году, председатель Си Цзиньпин неизменно принимал в них участие. Что касается такого важного события, как годовщина победы во Второй мировой войне, то в глазах обычных китайцев визит председателя Си Цзиньпина является вполне естественным. Как написали в интернет-версии Financial Times: «Если вспомнить, сколько бед принесла Вторая мировая война, то можно лишь сожалеть о том, что в субботу никто не поедет в Москву»; «западные лидеры должны были ухватиться за возможность заявить, что какие бы у них ни были разногласия с Путиным, они не чувствуют никакой отчужденности по отношению к российскому народу»⁷.

И официальная позиция КНР в СБ ООН, и интенсификация российско-китайских тор-

⁷ Anniversary message from West to Russia // The Financial Times, May 3, 2015.

говых отношений и сотрудничества в сфере безопасности в период украинского кризиса свидетельствуют, что Китай не желает разрушения нынешнего миропорядка и не будет хранить молчание, сталкиваясь с пристрастным общественным мнением и давлением. Китай стремится найти выход из кризиса на Украине, основываясь на собственной независимой, сбалансированной и беспристрастной позиции.

Важно отметить, что, даже не имея общего врага в качестве предпосылки сотрудничества, российские и американские политики не оставляют усилий по улучшению двусторонних отношений в такой тяжелой ситуации. На меня произвело глубокое впечатление, когда во время кризиса на Украине президент Путин многократно, объясняя позицию России по международным вопросам, выступал с критикой в адрес США, и вместе с этим постоянно подчеркивал, что у двух стран остаются добрые воспоминания о том, как они были союзниками во Второй мировой войне. Когда В. В. Путин говорит о событиях того времени, в его интонациях появляются теплые нотки⁸. Этот жест демонстрирует, что возможность для сближения между двумя странами сохраняется. Тот факт, что весной 2015 года Госсекретарь США Дж. Керри и помощник Госсекретаря В. Нуланд дважды по инициативе американской стороны встречались с президентом Путиным, наводит на размышления. В данном контексте важным представляется сделанное в ноябре 2015 года заявление Дж. Керри о том, что в случае успешной реализации минских соглашений Запад может частично отменить санкции в отношении России. Такого рода поступки и заявления демонстрируют, что даже в период открытого противостояния есть надежда на будущее улучшение отношений.

Одним словом, трехстороннее взаимодействие России, Китая и США на фоне продолжающегося конфликта по-прежнему имеет потенциал для сотрудничества.

3.3. Россия, Китай и США в Центральной Азии: как «сопряжение» может ограничить противостояние

Регион Центральной Азии (ЦА) — это тот самый *heartland* Евразии, который описан в классической геополитической теории. После окончания «холодной войны» З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» назвал ЦА «черной дырой» [1, гл. 4]. Однако этот регион является не только местом соперничества великих держав, но и площадкой для международного сотрудничества — ведь после обретения независимости центральноазиатские государства ставили развитие и безопасность превыше всего остального, соответственно, всеми силами стремясь к развитию международных контактов.

Необходимо отметить, что в процессе многовекового развития человеческой цивилизации многообразное взаимопроникновение и переплетение культур оказывало влияние на эту часть Евразии, расположенную между западной Европой и восточной Азией. В последние 300 с лишним лет Россия была основной политической силой в регионе. Распад Советского Союза в конце XX века привел к новым драматическим изменениям в геополитической структуре региона, однако, несмотря на ослабление России, ее позиции здесь традиционно сильны.

В. В. Путин дал ясно понять, что основной внешнеполитической задачей во время его третьего срока на посту Президента РФ станет создание ЕАЭС. Отвечая на вопрос эксперта из Китая на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», он еще раз отметил, что необходимо использовать имеющийся потенциал постсоветских государств: общую базовую инфраструктуру, экономическое пространство, совместные гуманитарные связи для укрепления межгосударственного экономического сотрудничества в регионе, повышения уровня рыночной экономики, экономического развития, улучшения жизни населения. Это и есть основные цели экономической интеграции в Евразии⁹. Спустя несколько лет Россия, Белоруссия и Казахстан на основе Таможенного Союза создали ЕАЭС, а совсем недавно к ним присоединилась Киргизия.

Что касается США, то до теракта 11 сентября регион ЦА не входил в сферу интересов Вашингтона. Однако это событие изменило всю структуру внешней политики США. После начала войны в Афганистане США оказались глубоко вовлеченными в дела Афганистана

⁸ Путин В. В. Выступление на XI заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24.10.2014., URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>

⁹ VIII заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 13.11.2011, URL: http://ria.ru/trend/Valdai_club_session_03112011/

и приграничных государств. Вступая на пост президента, Б. Обама заявил о выводе войск из Афганистана, и, хотя стратегические силы США ушли из данного региона, было невозможно совсем покинуть арену кровопролитных сражений. В 2011 году США анонсировали проект «Новый шелковый путь» [4]. Данный проект представляет собой новый стратегический план, основанный на принятом в 1999 году Конгрессом США «Акте о стратегии Шелкового пути» [5]. В те годы США надеялись, что сотрудничество между центральноазиатскими странами и Северным Кавказом «перережет» связи между странами ЦА и Ираном. В отличие от той стратегической концепции, анонсированной в 2011 году Б. Обамой «Новый шелковый путь» представляет собой стратегический план постконфликтного урегулирования после вывода войск из Афганистана. Цель – строительство и развитие стратегической инфраструктуры, как например, восстановление железнодорожного сообщения Афганистана с приграничными районами; прокладка газопровода между Туркменией и Афганистаном (ТАРЕ); строительство ГЭС на территории Афганистана; развитие внешнеторговых связей ЦА, а также отношений стран региона с Индией. Реализация данных проектов позволила бы США после выхода из Афганистана продолжать оказывать стратегическое влияние на ЦА. Если смотреть на реальные успехи, то кроме нескольких проектов, например строительство автомобильной и железной дороги в Афганистане, результат в целом незначителен. В этой ситуации трудно и стратегически, и финансово поддерживать данные проекты.

В сентябре 2013 года председатель Си Цзиньпин в Астане официально объявил о концепции «Один пояс, один путь». В это же время в период особенной международной и внутриполитической обстановки США и другие западные страны объявляют о создании многосоставной долгосрочной программы с более высоким уровнем межгосударственной кооперации (Транстихоокеанское партнерство), в которой они бы не хотели активного участия КНР. В такой ситуации Китай сталкивается с неотложной проблемой многостороннего регионального сотрудничества в АТР в рамках различных организаций. Кроме того, внутри страны Китай испытывает замедление экономического роста. Это означает необходимость поиска новых возможностей для дальнейшего продвижения реформ и открытости, что включает также усиление международного производственного и финансового сотрудничества. С помощью данных мер Китай сможет повысить уровень своего участия в международных производственных связях нового типа, повысить уровень рыночной экономики в странах, через которые проходит «Один пояс, один путь», чтобы расширить пространство для развития. И с тем чтобы приграничные с Китаем районы пошли по пути реализации указанной концепции, способствуя тем самым таким объективно необходимым мерам, как развитие экономического сотрудничества и совершенствование базовой инфраструктуры.

Характер взаимоотношений между Россией, Китаем и США в сирийском и украинском конфликтах и на пространстве ЦА не одинаков. Взаимодействие в регионе ЦА направлено на разрешение проблем базовой инфраструктуры и развитие региональной торговли. В то же время Россия, Китай и США имеют в регионе в разной степени конкурирующие и взаимодополняющие планы развития. Если они будут реализованы, то у региона есть шанс на стабильность и развитие, если нет – то это еще больше приблизит его к конфликтам.

Шестого февраля 2014 года, за день до начала Олимпийских игр в Сочи, председатель Си Цзиньпин начал свой визит в Россию, во время которого изложил президенту Путину концепцию «Один пояс, один путь». Российская сторона отреагировала крайне положительно. В марте 2015 года Китай обнародовал программу действий и свое видение перспектив по созданию «Одного пояса, одного пути», и уже 8 мая 2014 года на совместной встрече Путина и Си Цзиньпина перед парадом на Красной площади лидеры пришли к общему мнению о необходимости «сопряжения» ЕАЭС и Экономического пояса шелкового пути (ЭПШП). В таких важных стратегических вопросах развития именно в результате контактов и диалога между лидерами государств происходит принципиальный сдвиг. Соответствующее заявление от 8 мая 2014 года является еще одним доказательством этого.

ЭПШП возник не на пустом месте. Необходимо, чтобы этот проект стал общим для государств и регионов, к которым он имеет отношение, связывал их стратегически и политически. Во-первых, если рассматривать весь евразийский континент, то оба его края – Западная Европа и Восточная Азия – лидируют в плане социоэкономического развития. Однако регион, располагающийся между Западной Европой и Восточной Азией, испытывает сложно-

сти в развитии как рыночной экономики, так и внешнеполитических контактов. Именно поэтому контакты между Восточной Азией и Западной Европой нужно интенсифицировать. К тому же, пересекающие Евразию связи сами по себе будут способствовать развитию и внешнеполитическим контактам, не граничащим с морем регионов, расположенных внутри континента. Если Россия, страны ЦА и Северного Кавказа смогут поднять уровень рыночной экономики, транспорта, коммуникаций и базовой инфраструктуры, это окажет позитивное влияние не только на данный регион, но и на развитие и стабильность всего континента, а также принесет спокойствие и благополучие всему миру.

Исходя из вышесказанного, при продвижении ЭПШП в сложившейся ситуации ключевым вопросом является установление сфер сопряжения между регионом, в котором Россия традиционно играет важную роль, и ЭПШП, поиск исходных точек для сотрудничества в сферах обеспечения региональной стабильности и экономической взаимодополняемости, которые позволят региону устойчиво развиваться. Это важнейшая задача для российско-китайских отношений партнерства и сотрудничества на будущие несколько лет.

По сравнению с вниманием, которое уделяют данному региону Россия и Китай, в США нет единой позиции по вопросу сохранения в ЦА своего массированного присутствия. А инициированный Обамой вывод войск из Афганистана только усугубил ситуацию. Однако вне зависимости от целей – стабилизация региона после вывода американских войск из Афганистана либо поддержание стратегического присутствия ради сдерживания КНР и России – присутствие США в регионе будет сохранено хотя бы из соображений конкуренции. Особенно необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что во внутренние дела некоторых стран Центральной Азии, включая Афганистан, с разной степенью интенсивности вмешиваются США (и Европа). Если рассматривать вопрос с этой стороны, то сама архитектура международных сил в регионе еще долгое время будет способствовать многостороннему сдерживанию и способствовать уравниванию игроков. А потому установление стабильного миропорядка в регионе – дело еще очень долгое.

В этой связи, кроме уже обсуждаемого и изучаемого «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП, встает вопрос: какое место здесь занимает американский план «Нового шелкового пути»? Это не первоочередная задача, но игнорировать данный вопрос нельзя. По самым оптимистичным прогнозам, постепенное установление политического доверия, особенно на фоне неуклонного изменения обстановки в других конфликтных зонах, а также отказ от причинения ущерба коренным интересам каждого государства будут способствовать политической стабильности данного региона и дипломатическому сотрудничеству, что в свою очередь позволит создать рабочий механизм, учитывающий интересы трех сторон и стратегически нацеленный на регион ЦА. Для этого необходимо поддерживать контакты. Однако, исходя из текущих реалий, возлагать большие надежды на такой проект представляется несвоевременным.

4. КИТАЙ, США И РОССИЯ В АТР:

ТРЕХСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЕСЬ РЕГИОН

По сравнению с трехсторонним взаимодействием в Сирии, Украине и ЦА, отношения трех стран в АТР имеют еще большее влияние на общую обстановку. Во-первых, АТР является самым экономически быстро развивающимся регионом, местом самого активного сотрудничества и конкуренции. Во-вторых, в отличие от Европы с ее «пограничным поясом», АТР еще далек от создания полноценной структуры безопасности, однако создание такой структуры, несомненно, повлияет на общее положение дел. В-третьих, еще до кризиса на Украине США объявили о стратегии возвращения в Азию, Россия – о «повороте на Восток», уже тогда воспринимая регион в качестве дальнейшего ключевого пункта развития. Это, бесспорно, превратило АТР в площадку для взаимодействия великих держав.

Многие стратеги полагают, что с точки зрения сотрудничества в сферах безопасности и экономики АТР присущи разнонаправленные тенденции: с одной стороны, страны АТР, особенно расположенные в западной части Тихого океана, в области безопасности нацелены на сотрудничество с Соединенными Штатами. Однако, когда дело касается экономики, они скорее настроены развивать сотрудничество с Китаем (см. [2; 3]). По существу, нельзя

игнорировать тот факт, что Россия будет иметь громадный потенциал в обеих сферах в будущем. И хотя пока нельзя сравнивать с периодом «холодной войны», однако в оборонной сфере впервые за долгое время Россия обрела немалое влияние: Россия – не только поставщик природных и энергетических ресурсов для многих стран АТР, более того, перспективы развития Дальнего Востока и Восточной Сибири во многом имеют потенциальный взаимодополняющий характер для этого региона. Такие тенденции свидетельствуют о возможном возникновении здесь трехсторонней структуры сотрудничества.

Кризис на Украине также не мог не оказать определенное влияние на безопасность в АТР. Помощник Госсекретаря США Рассел в контексте кризиса на Украине намекнул на то, что действия Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях несут «угрозу» всему региону, и заявил, что в АТР также может случиться кризис, аналогичный возникшему в результате «аннексии Крыма». Он заявил, что США планируют продолжать возвращаться в АТР и параллельно укреплять союзнические отношения¹⁰. Очевидно, есть определенное сходство между конфликтами в Украине и в западной части Тихого океана. Общим является, например, то, что эти споры ведутся новыми или находящимися в процессе трансформации крупными странами относительно территорий или границ с соседями. Кроме этого, и Китай, и Россия становились объектами демонизации со стороны второсортных западных медиа; как в территориальном конфликте КНР с сопредельными странами, так и в конфликте России с Украиной и Грузией США стояли во главе западной коалиции, объединяли и поддерживали союзников. Говоря по существу, сопоставления такого рода могут ввести в заблуждение. Ведь при таком подходе упускается один очень важный факт: кризис на Украине напрямую связан с чередой геополитических изменений, произошедших после окончания «холодной войны», таких как расширение НАТО на восток, «цветные революции». Другими словами, если бы не было таких крупных геополитических сдвигов, то и кризис на Украине тоже не случился бы. А в западной части Тихого океана, несмотря на непрекращающиеся территориальные споры, в результате не случилось таких масштабных геополитических изменений и смены власти в ряде стран, которые стали следствием распада Советского Союза. Проще говоря, слова о том, что ситуация в АТР сравнима с кризисом в Украине, довольно неубедительны.

Динамика развития ситуации говорит о том, что, хотя в АТР ведутся некоторые территориальные споры, которые вызывают беспокойство, КНР и США строят свои отношения отнюдь не по кажущейся правдоподобной схеме, которая может привести в «ловушку Фукидида»¹¹. Напротив, во время визита председателя Си Цзиньпина в США в конце сентября 2015 года были достигнуты значительные результаты, которые демонстрируют уверенность двух стран в налаживании в будущем конструктивных отношений. Несмотря на то, что Пекин и Вашингтон придерживаются противоположных позиций в проблемах Южно-Китайского моря, стороны достигли значительных и конкретных результатов по таким вопросам, как укрепление взаимного доверия в военной сфере и сфере безопасности, углубление двусторонних контактов между специалистами, укрепление двусторонних торговых отношений, разработка стандартов в сфере кибербезопасности. Кроме этого, обе стороны демонстрируют политическую волю для активного сотрудничества по таким глобальным мировым проблемам, как, например, изменение климата. И если до визита председателя Си Цзиньпина в США на обоих берегах Тихого океана чувствовался определенный пессимизм, то можно сказать, что результаты визита превзошли все ожидания.

Эффективные контакты и сотрудничество между КНР и США не только способствуют стабильности в АТР, но и могут влиять на третьи страны, особенно если речь идет о контактах между Россией и Западом. Необходимо отметить, что украинский кризис привел к

¹⁰ U.S. Warns China Not to Attempt Crimea-Style Action in Asia. Reuters. Apr 4, 2014. URL: <http://www.reuters.com/article/2014/04/04/us-usa-china-crimea-asia-idUSBREA322DA20140404>.

¹¹ Древнегреческий историк Фукидид (V век до н. э.) объяснял причину Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.) страхом, который вызывало у жителей Спарты и других греческих полисов возвышение Афин. Им не оставалось ничего другого, как напасть на Афины, пока не поздно, и они выиграли войну, хотя ее последствия оказались разрушительными для всех. По мнению некоторых экспертов, аналогичная ситуация складывается сейчас в Восточной Азии. Китай с его растущей экономикой и наступательной политикой пугает практически всех соседей. Опасаясь Пекина, они бегут в объятия Вашингтона и просят защиты. США, боясь утратить свою позицию в мире, готовы ее предложить. — *Прим ред.*

прекращению российско-американских встреч на высшем уровне, что совпало по времени с углублением китайско-американских контактов. Но независимо от того, как дальше будут развиваться российско-американские отношения, встреча Путина и Обамы 28 сентября в Нью-Йорке имеет важное и позитивное значение.

Отношения России, КНР и США в АТР со всей очевидностью подвергнутся в будущем испытаниям. Одним из камней преткновения в экономической сфере станет заключение соглашения по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). О том, что возглавляемое и продвигаемое Вашингтоном ТТП никоим образом не направлено против Китая, открыто заявил пресс-секретарь Белого Дома¹². Китай уверен в своих силах и спокойно реагирует на сложившуюся ситуацию, полагая, что она предвещает не только острую китайско-американскую конкуренцию, но и возможность сотрудничества между КНР и ТТ¹³. Такая реакция со стороны КНР основывается на решимости дальнейшего углубления структурных реформ и годами формирующихся механизмах регионального и глобального сотрудничества с сопредельными государствами, среди которых Россия выступает одним из основных стратегических партнеров. Таким образом, можно ожидать, что Китай будет постепенно развивать отношения с Россией и США в соответствии с принципами взаимной выгоды и справедливости.

Создание структуры безопасности в АТР является проверкой на прочность для трехсторонних отношений России, Китая и США. Огромный тихоокеанский регион не только вмещает в себя две сосуществующие державы – Китай и США, но и нуждается в приходе туда России. Также необходимо построение инклюзивного и устойчивого механизма безопасности, который мог бы гарантировать мир и спокойствие всему Азиатско-Тихоокеанскому региону. Во-первых, долгие годы разные «стратеги» распространяли идеи о том, что «две державы объединяются против третьей». Однако данное утверждение не соответствует действительности, потому что тенденции уже изменились, особенно в настоящее время, когда действия великих держав могут быть ограничены международными организациями. Во-вторых, большинство государств совершенно не заинтересовано в том, чтобы противостояние между державами нанесло ущерб их собственным интересам, они не хотят выбирать одну из сторон в конфликте, кроме этого, они надеются, что действия великих держав могут быть ограничены правовыми форматами. В-третьих, для построения структуры безопасности в АТР необходимо изучить историю и опыт других организаций, нельзя просто скопировать чужую модель. Некоторые специалисты полагали, что «Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе», которое когда-то привело к окончанию «холодной войны», могло бы стать прообразом аналогичной организации в АТР, однако после начала конфликта в Украине такие оптимистические предложения постепенно звучать перестали. В-четвертых, АТР в отличие от Европы не имеет единой, покрывающей весь регион структуры безопасности, не имеет опыт функционирования нескольких локальных, субрегиональных структур. Сможет ли такого рода «фрагментарное» региональное сотрудничество стать основой для создания в будущем единой организации по безопасности, покажет время. Однако в любом случае бесспорно, что в этом процессе США, Китай и Россия будут играть незаменимую роль.

5. СРАВНЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ, КИТАЯ И США В РАЗЛИЧНЫХ РЕГИОНАХ И ОБЩИЕ ИТОГИ

Во-первых, если анализировать взаимодействие России, Китая и США в различных регионах мира, то в Сирии в начале конфликта Россия и Китай стояли в СБ ООН на одних позициях, а США – на прямо противоположных. Однако общая цель борьбы с терроризмом позволила выйти из тупика и перейти к поиску оптимальной модели трехстороннего сотрудничества. Несмотря на то, что обстановка в Сирии по-прежнему чрезвычайно напряженная, возникновение ИГИЛ привело к тому, что единственным возможным выбором трех стран

¹² Daily Press Briefing by Press Secretary Josh Earnest, 10/6/2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/06/daily-press-briefing-press-secretary-josh-earnest-1062015>

¹³ См. интервью министра Гао Хучэна центральным СМИ: «高虎城部长就《跨太平洋伙伴关系协定》热点问题接受中央主流媒体采访», 商务部新闻办公室, 2015年10月8日, URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201510/20151001128335.shtml>

в этом конфликте является взаимодействие. Авиаудары России, некоторая корректировка позиции США и поддержка международного антитеррористического сотрудничества со стороны КНР – все это приводит к тому, что ситуация на Ближнем Востоке постепенно эволюционирует в сторону сотрудничества в целях сдерживания международного терроризма. Важным знаком в пользу этой тенденции можно считать решение о будущем политическом процессе в Сирии, принятое 14 ноября 2015 года в Вене.

Хотя в «украинском вопросе» еще не определился общий враг (по типу ИГИЛ), тем не менее бедствия, которые принес данный кризис, а также будущие риски равным образом привели к тому, что все вовлеченные стороны начали рассматривать снижение интенсивности конфликта в качестве первоочередной задачи. Это постепенно приводит к несомненным результатам. Стороны надеются на дальнейшее сотрудничество России, КНР и США, а также на взаимодействие с другими заинтересованными сторонами, в особенности с ЕС и Украиной, что позволит переломить негативную ситуацию и будет способствовать стабильности на постсоветском пространстве.

В ЦА Россия, КНР и США предложили свои стратегии развития региона. Россия и Китай избрали долгосрочную и сложную стратегию «сопряжения» ЕАЭС и ЭПШП. Хотя все три страны присутствуют в этом регионе, они еще не вступали в плотное взаимодействие. Однако по-прежнему существует перспектива сбалансированного сотрудничества России, КНР и США и коллективного реагирования на общие угрозы.

В АТР не было крупных геополитических изменений и последовавших за ними череды смены режимов, как в Европе, и именно это стало предпосылкой долгого периода мира и стабильности в регионе. США и Россия примерно в одно время анонсировали обновленные стратегии в отношении АТР, однако цели и внутреннее наполнение этих планов разнятся. И это новая проблема, с которой сталкивается Китай неподалеку от своих границ. Китай и США имеют возможность избежать конфликта и обширное пространство для сотрудничества. Китай и Россия также имеют ряд новых сфер для дальнейшего углубления отношений партнерства и сотрудничества.

В итоге, исходя из тенденций взаимодействия России, КНР и США в разных регионах мира, можно сделать вывод, что ранее у этих стран не возникало трехсторонних отношений по такому широкому кругу проблем глобального характера. И хотя одновременно с этим для каждой из сторон возникают угрозы национальным интересам и очевидные опасные вызовы, в то же время у них имеется политическая воля для наращивания взаимопонимания, поиска сотрудничества и избегания конфликтных ситуаций. Это несет надежду на будущую стабильность структуры международных отношений.

Как сейчас, так и в будущем Россия, КНР и США вряд ли перейдут к противостоянию, аналогичному «холодной войне». Скорее всего ситуация будет иной: сотрудничество в одних областях и соперничество в других. Нынешняя мировая архитектура сильно отличается от ситуации времен «холодной войны», не так много осталось тех, кто интересуется застойными устаревшими идеологическими дискуссиями. Хотя не стоит ожидать, что США в обозримом будущем изменят свою традиционную идеологию, не исключено снижение влияния идеологии на международные дела. Россия и Китай будут в мирное время придерживаться политики неприсоединения к блокам, старые способы сколачивания союзов фактически уже не работают. Хотя уровень военной конкуренции заметно растет, но нынешнее положение дел вовсе не похоже на опасную ситуацию «балансирования на грани ядерной катастрофы», как это было в прежние времена. Вслед за развитием мирового сообщества в сторону плюрализма и многополярности у Китая, России и США появилась возможность разного рода взаимодействия по конкретным проблемным областям. По аналогии с трехсторонними отношениями в трех вышеозначенных регионах: сколь бы ни были различны стратегии, интересы, суть конфликта, комбинация союзников – трехстороннее взаимодействие, то явное, то скрытое, всегда будет иметь место.

Вместе с этим можно отметить еще одно явление в трехсторонних отношениях: в различных ситуациях одна страна всегда выступает в роли посредника, чтобы уравновесить другие две в возможном конфликте. Россия многократно демонстрировала свою способность выступать в качестве примиряющей стороны в конфликтах между КНР и США, Китай готов стать посредником в конфликте России и США, и у США также имеется богатый опыт по-

средничества в урегулировании конфликтов. Проявление политической воли в подходящий момент не обязательно объясняется только лишь неким дипломатическим расчетом. Такая ситуация, как минимум, лучше, чем борьба в треугольнике или обстановка, когда два актора объединяются ради победы над третьим. С определенной степенью уверенности можно заявить, что подобная тенденция стала характерной чертой нынешнего исторического периода и может стать предпосылкой будущего международного сотрудничества.

Однако события могут развиваться и по негативному сценарию. Во-первых, препятствиями для будущего международного сотрудничества могут стать идеологическая зашоренность и исключительность. Так, например, по-прежнему не имеющий общепринятого толкования принцип «демократии» вряд ли сможет в будущем сохраниться в качестве основы державной дипломатии и тем более может стать труднопреодолимым препятствием в трехсторонних отношениях Китай – США – Россия.

Во-вторых, часто упускается из виду главная предпосылка – идея «государства-нации» стала общепризнанным понятием, однако европейский вариант этой концепции не может лежать в основе толкования всех международных процессов современности. Даже в отношениях Китая, США и России Китай и Россия, например, сталкиваются со сложными вопросами территориальной целостности или пограничных споров, в отличие от США, которые давно находятся на «острове безопасности» и пока что не встречались с такого рода геополитическими приграничными вызовами. «Постмодернистский» этап национального развития в Европе также довольно далек от политических проблем Китая и России. В этой парадигме восприятие мира разными странами и различия во внутривнутриполитическом строительстве могут стать препятствием для сотрудничества.

И последнее: возможно, что во многих случаях конфликты возникают не из-за крупных проблем типа идеологических противоречий или столкновения стратегических интересов государств, а зависят от способности многосторонней коммуникации, от уровня понимания партнера и умения принимать рациональные решения. Кризис на Украине частично осветил эту проблему, которая может быть разрешена только посредством воспитания и образования. Учитывая реальное положение дел, процесс этот будет нелегким и длительным.

THE TRILATERAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA, CHINA AND USA ON THE BACKGROUND OF UKRAINIAN CRISIS

Feng Shaolei, Dean of the School of Advanced International and Area Studies, Director of the Center for Russian Studies at East China Normal University.

Summary:

After eruption of Ukrainian crisis special attention is paid to the relations between Russia, China and USA becoming one of the most notable phenomenons of modern international policy. What are the reasons? What is the essence of relations in the triangle? How interaction is evolving after Ukrainian crisis? What are the peculiarities of relations in the triangle under current conditions and what will be their impact to the international policy in future?

Keywords: *Russia, China, USA, trilateral relations, Ukrainian crisis, Syrian war, interaction, Asia-Pacific region, Central Asia.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. [В оригинале статья цитируется по китайскому переводу, изданному в 1998 г. шанхайским народным издательством: 大棋局—美国的首要地位及其地缘战略].
2. Ван Чуаньцзянь. Рациональный взгляд на стратегический центр тяжести: американской Восток (王传剑,《理性看待美国战略重心东移》—《外交评, 2012, № 5).

3. Чжоу Фан-инь. Подъем Китая и изменения в Восточной Азии: шаблон и направление развития Восточной Азии (周方银, 《中国崛起、东亚格局变迁与东亚秩序的发展方向》 - 当代亚太 - 2012, № 5).
4. Central Asia, Afghanistan and the New Silk Road; Political, Economic and Security Challenges. Conference Report. – Washington, D.C.: Jamestown Foundation, November 14, 2011. URL: http://www.jamestown.org/uploads/media/Afghan_Silk_Road_conf_report_-_FULL.pdf.
5. Silk Road Strategy Act of 1999, 106th CONGRESS, First Session, S. 579, March 10, 1999. URL: <http://www.eso.org/gen-fac/pubs/astclim/espas/maidanak/silkroad.html>.

И. Е. ДЕНИСОВ

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АТР

*Игорь Евгеньевич Денисов, старший научный сотрудник
Центра исследований Восточной Азии
и ШОС ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: iedenisov@mail.ru*

Аннотация: *В статье рассматривается современное состояние китайско-американских отношений с точки зрения сочетания элементов соперничества и сотрудничества двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор полагает, что отношения КНР и США все сильнее оказываются связанными с трудно предсказуемой и меняющейся ситуацией в регионе. Столкнувшись с ограниченными возможностями прямого военного сдерживания Китая, США проявляют определенную гибкость в отношениях с Пекином. Китай, создавая элементы альтернативной системы глобального управления, не готов немедленно менять сложившийся кодекс поведения. Для прогнозирования перспектив китайско-американских отношений решающее значение приобретает анализ обстановки в Южно-Китайском море. Вектор развития отношений двух держав в решающей степени определяется сферами, в которых Китай расстается со своим прошлым статусом, постепенно обретая качества будущего регионального и глобального лидера.*

Ключевые слова: *АТР, КНР, США, Южно-Китайское море, глобальное лидерство, соперничество.*

Современные китайско-американские отношения уже довольно длительное время анализируются с точки зрения сочетания элементов «соперничества» и «сотрудничества», при этом исследователи обычно констатируют двойственный характер развития отношений США и КНР: с одной стороны, отмечается положительная динамика торгово-экономических связей, с другой стороны, нарастание трений в военно-политической области, вызванное стремлением США к сдерживанию Китая и недопущению его доминирования в АТР.

Между тем в связи корректировкой внешней политики КНР после прихода к власти «пятого поколения» руководителей (подробнее см. [1, с. 40–54]) взаимодействие двух факторов – «соперничества» и «сотрудничества» – в отношениях Пекина и Вашингтона становится все более сложным и многовариантным. Прежде всего потому, что с ростом активности Китая равнодействующая все в большей степени определяется отношениями каждой из двух дер-

жав с третьими странами, иными словами, китайско-американские отношения все сильнее оказываются связанными с трудно предсказуемой и меняющейся динамикой отношений в регионе в целом. При этом традиционные раздражители – вроде тайваньского вопроса (наследие «холодной войны») – все меньше влияют на общую атмосферу китайско-американских отношений. После прихода к власти Си Цзиньпина вектор развития отношений КНР и США в первую очередь определяется возросшей внешнеполитической и внешнеэкономической активностью Пекина.

Последние инициативы Китая, например концепцию «одного пояса – одного пути»¹, можно рассматривать как попытку выйти из американского «стратегического окружения» в Северо-Восточной Азии, создать китаецентричную систему дружественных государств к западу от Китая и обеспечить безопасные пути доставки китайских грузов в Европу, минуя Малаккский пролив, который США в случае конфликта могут блокировать. В определенном смысле «Экономический пояс Шелкового пути» это не только возможность для экспорта китайских избыточных производственных возможностей, но и «испытательная площадка», на которой Китай будет совершенствовать свои лидерские качества и на которой в ближайшее время мы сможем увидеть как успехи, так, вероятно, и ошибки и работу над ошибками (подробнее о концепциях см. [2]).

Эскалация территориальных споров в районе Южно-Китайского моря (ЮКМ) и китайская активность по строительству искусственных островов и созданию там объектов военной инфраструктуры также призваны в первую очередь обеспечить китайский контроль над стратегическими транспортными коридорами. Это тоже заявка на лидерство, важнейший шаг к определению правил игры в Восточной Азии, быстро развивающемся регионе, для которого проблема обеспечения бесперебойного функционирования торговых путей уже давно возведена в разряд стратегических. Естественно, что, работая над этим комплексом задач в своих интересах, Китай создает запутанный клубок взаимоотношений с участием региональных и внерегиональных держав, среди последних ключевым игроком, естественно, являются США.

Еще один проект Пекина – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – уже в своем названии и первоначальной концепции отражает желание Китая снизить остроту проблемы дефицита объектов инфраструктуры в Азии, при этом стратегические решения принимать самостоятельно, не прибегая к помощи традиционных международных финансовых организаций, которые видятся в Пекине частью американского мира.

Парадоксальным образом во всех трех случаях (стратегия «одного пояса – одного пути», ситуация в ЮКМ и шаги по созданию новых финансовых институтов под эгидой Пекина) формально мы видим не только элементы соперничества с США, но и зеркальное отражение известных американских концепций и подходов. «...одной из наиболее важных задач американской государственной деятельности на протяжении следующего десятилетия будет направление значительно увеличившихся инвестиций – дипломатических, экономических, стратегических и иных – в Азиатско-Тихоокеанский регион» – писала в своей статье, посвященной «развороту в Азию», Хиллари Клинтон [7]. Стратегия «одного пояса – одного пути» стала великой внешнеполитической стратегией правительства Китая, в ближайшие 8–10 лет китайское правительство будет продвигать эту стратегию в экономической, политической, военной и культурной и иных сферах» – пишет о китайском варианте стратегического разворота, который, как мы видим, совсем не замыкается на инфраструктуре и логистических схемах, начальник отдела международных стратегических исследований Института мировой экономики и политики Академии общественных наук КНР Сюэ Ли [3].

С другой стороны, столкнувшись с ограниченными возможностями прямого военного сдерживания Китая, – и в связи с бюджетными ограничениями, и в связи с тем, что США серьезно вовлечены в кризисы в других регионах мира – американская сторона проявляет определенную гибкость в отношениях с Пекином. Сохранение существующих и создание новых альянсов на антикитайской основе сочетается с договоренностями по мерам доверия

¹ «Один пояс – один путь» (кит. 一帶一路). Так кратко именуется концепция Экономического пояса Шелкового пути (провозглашена в сентябре 2013 г. в речи председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-Университете во время визита в Республику Казахстан) и Морского Шелкового пути XXI века (об этой концепции Си Цзиньпин заявил, выступая в парламенте Индонезии в октябре 2013 г.)

с Пекином, которые включают, в том числе, и приглашение Китая к участию в организуемых США военных маневрах в АТР. В 2014 году Китай впервые принял участие в международных военно-морских учениях RIMPAC-2014². в районе Гавайских островах.

Учения RIMPAC (Rim of the Pacific), которые проводятся раз в два года, впервые состоялись в 1971 году по инициативе США. Сначала в них принимали участие военные флоты Соединенных Штатов, Канады, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Однако со временем состав участников расширился. Сейчас это самые крупные международные военно-морские маневры в мире. При этом Соединенные Штаты в определении направленности, состава участников и содержания учений по-прежнему играют решающую роль. С этой точки зрения направление приглашения Пекину следует рассматривать в общем контексте эволюции китайско-американских отношений.

Участие Китая в RIMPAC-2014 носило полноценный, а не символический характер: китайские ВМС в маневрах были представлены ракетным эсминцем «Хайкоу», ракетным сторожевым кораблем «Юэян», судно-снабженцем «Цяньдаоху», госпитальным судном «Хэпин Фанчжоу» и двумя вертолетами. Кроме того, как сообщало агентство Синьхуа, к маневрам были привлечены войска специального назначения ВМС, а также подводные силы [4].

Следует подчеркнуть, что Китай вошел в состав участников учений, несмотря на продолжающееся в 2014 году обострение территориальных споров между Китаем и Японией, основным союзником США в АТР. Тем не менее в решениях американской и китайской сторон есть логика и определенный тактический расчет.

Стремлением вовлечь Пекин в сотрудничество в АТР определяются мотивы американской стороны, которая в условиях кризиса вокруг Украины и обострения ситуации на Ближнем и Среднем Востоке меньше всего хотела получить Китай в качестве недружественной страны.

Учения отвечают и интересам китайской стороны, поскольку позволяют Китаю продемонстрировать открытый характер своей военной дипломатии и, возможно, отвести от себя часть критики, связанной с обострением ситуации в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Для Китая учения RIMPAC -2014 были важны и потому, что позволили наладить более тесное взаимодействие с такими региональными державами, как Сингапур и Бруней, которые традиционно весьма активны на маневрах.

Как заявил в связи с дебютом Пекина на учениях RIMPAC-2014 китайский военный эксперт Ни Лэсюн (倪乐雄), участие Китая демонстрирует, что отдельные разногласия не должны влиять на общий характер отношений США. «Сегодняшние правила игры таковы, что мы можем ссориться и в то же время сотрудничать» – заметил эксперт [5].

Визит в США китайской военной делегации во главе с заместителем председателя Центрального военного совета, генерал-полковником Фань Чанлуном (范长龙), в июне 2015 года был отмечен рядом важных договоренностей по сотрудничеству двух стран в оборонной сфере. Стороны, в частности, подписали Рамочный документ по механизму диалога в сфере обмена и сотрудничества между сухопутными силами Китая. Документ открывает новые возможности для сотрудничества в ликвидации последствий стихийных бедствий, совместных тренировок инженерных войск и участия в программах оказания гуманитарной помощи, контактов военных медиков и т. д. Впервые в истории китайско-американских военных связей предусмотрена возможность проведения двусторонних учений сухопутных войск. Установление еще одного канала коммуникации с американскими военными показывает, что Китай намерен избегать прямого военного столкновения с США, обе стороны также заинтересованы в снижении риска случайного конфликта военных двух стран. Не случайно в Пекине в качестве одной из главных задач развития военных связей с США называют наращивание возможностей сторон контролировать риски.

Достаточно широко поле для компромисса в торгово-экономической области: главная причина заключается в том, что США мало что могут противопоставить китайским финансово-инвестиционным возможностям, поэтому вынуждены считаться с китайским «экономическим наступлением». Если в военной сфере многие государства АТР рассматривают Соединенные Штаты в качестве важного гаранта безопасности, то в регионе практически нет стран, не желающих воспользоваться услугами китайского локомотива экономическо-

² Российская Федерация принимала участие в данных маневрах только один раз, в 23-х учениях RIMPAC, в 2012 году.

го роста. Кроме того, сам Китай, создавая элементы альтернативной системы глобального управления, не готов немедленно менять сложившийся кодекс поведения и пока скорее выступает самым быстро прогрессирующим (и поэтому требовательным) игроком на старом поле, чем возмутителем спокойствия и нарушителем действующих правил.

Суть этой позиции озвучил в декабре 2014 году выступлении на Китайско-американском форуме по развитию торговых отношений в Чикаго вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян (汪洋): «Китай и США – глобальные экономические партнеры, однако ведущую роль в мире играют США. США руководят системой и правилами, Китай готов присоединиться к этой системе и уважать эти правила, играя конструктивную роль» [6].

Упоминания о «конструктивной роли» – весьма важно в этом контексте, поскольку, несмотря на общий примирительный тон, высказывания Ван Яна все-таки знаменуют отход от дэнсяопиновской формулировки «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» в сторону более активной внешней политики. Конфликтность в китайско-американских отношениях, таким образом, в первую очередь будет определяться разным пониманием того, что является конструктивным поведением Китая.

Для прогнозирования перспектив китайско-американских отношений решающее значение приобретает анализ обстановки в Южно-Китайском море. Здесь сходятся сразу несколько новых факторов, имеющих стратегическое значение для двух стран: активность Китая в строительстве искусственных островов как новый способ заявить о своем суверенитете над спорной акваторией; стремление США подтвердить региональное лидерство в АТР; мобилизация мирового общественного мнения и использование юридических процедур для эскалации спора; использование военного компонента с обеих сторон и т. д. Кроме того, для США конфликт в ЮКМ представляет большие возможности для организации прокси-противостояния Китаю с использованием возможностей участников территориальных споров (Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Филиппины).

Тем не менее строительство искусственных островов стало достаточно сильным шагом Пекина, последствия которого американская сторона поначалу недооценила. По всей видимости, определенный расчет делался на то, что активность Пекина вызовет резкий подъем антикитайских настроений в регионе. Однако, несмотря на рост обеспокоенности среди стран АСЕАН, в организации отсутствует необходимое единство для противодействия КНР. В ближайшие годы Китай будет последовательно реализовывать программу строительства военной инфраструктуры на островах.

Главная цель этих мероприятий состоит в создании возможностей для обеспечения снабжения и кратковременного размещения боевых кораблей и самолетов в этом районе, расположенном на большом удалении от острова Хайнань (ближайшей военно-морской базы КНР). Пекин, приближая свою авиацию и флот к Малаккскому проливу, пытается обеспечить свои интересы, в случае если США вдруг захотят заблокировать пролив во время кризисного обострения отношений с Китаем. Все это будет означать резкий рост возможностей китайского флота по осуществлению эффективного контроля над всей акваторией Южно-Китайского моря, что повлечет за собой значительные последствия для стратегической ситуации в Восточной Азии.

После завершения строительства инфраструктуры и ее освоения китайскими войсками странам региона придется строить свою политику, исходя из нового баланса сил. При этом возможности США по недопущению усиления китайских позиций весьма ограничены: разведывательные полеты американской авиации и совместное патрулирование акватории ЮКМ с союзниками вряд ли смогут заставить Китай отказаться от использования новых возможностей, которые дают искусственные острова.

Американское вмешательство скорее будет носить ритуальный характер и не сможет кардинально изменить складывающуюся новую стратегическую ситуацию. Соответственно, у Китая нет необходимости резко реагировать на американское присутствие, тем более идти на прямой конфликт. Несмотря на наличие серьезного военного компонента, Китай и в этой области будет прибегать к тактике мягкого вытеснения США, последовательно наращивая свои стратегические преимущества.

В целом же вектор развития отношений двух держав, как в АТР, так и в других регионах мира, в решающей степени определяется сферами, в которых Китай расстается со своим

прошлым статусом, «выходит из тени», постепенно обретая качества будущего регионально-го и глобального лидера.

CHINESE-AMERICAN RELATIONS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

*Igor Denisov, Senior Researcher, Center for East Asia and SCO,
Institute for International Studies (University) MFA of Russia.*

Summary:

The article discusses modern state of Chinese-American relations under the conditions of simultaneous existence of rivalry and cooperation between two countries in the Asia-Pacific region. Up to the author's view relations between China and USA depend increasingly on poor-predictable and fast-changing situation in the region. Facing difficulties in direct military containment, USA reveal certain flexibility in building relations with China. While establishing mechanisms of global control, China is not ready to change the mode of conduct immediately. For forecast of the future Sino-American relations the analysis of situation in the South China sea is of crucial importance.

Keywords: *Asia-Pacific region, PRC, USA, South China sea, global leadership, rivalry.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Денисов И. Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5.
2. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шелкового пути и морского шелкового пути XXI века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>
3. “Один пояс и один путь” — риски китайской дипломатии в свете проектов «Одного пояса и одного пути». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ftchinese.com/story/001059886>
4. Китайская группировка ВМС отправляется из Перл-Харбора в Сан-Диего. 05.08.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2014-08/05/c_1111945001.htm
5. [Электронный ресурс]. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2014-06/5016742.html>
6. Китайско-американское экономическое партнерство все более расширяется. Основной доклад вице-премьера Ван Яна на Китайско-американском форуме по торговым отношениям. 17.12.2014. Чикаго. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201412/20141200840915.shtml>
7. Hillary Clinton America's Pacific Century. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>

ЧЖАО ХУАШЭН

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА: КАК КИТАЮ ЗАКРЕПИТЬСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

*Чжао Хуашэн, директор Центра исследований России
и Центральной Азии, Фуданьский университет, Шанхай, КНР.
E-mail: zhs845@hotmail.com*

Аннотация: *Экономическое сотрудничество Китая с Центральной Азией развивается успешно, однако в региональной экономической интеграции возникли непредвиденные трудности, процесс этот идет крайне медленно. Основная проблема Китая — нехватка не материальной базы, но «программного обеспечения». Конкретно речь идет об имиджевом факторе. Восприятие странами Центральной Азии Китая, его образа — одна из главных причин, препятствующих осуществлению региональной экономической интеграции по китайскому сценарию (слово интеграция здесь употребляется не в широком, а в узком значении — как конкретная институционализация различных форм интеграции, а именно: зона свободной торговли, таможенный союз и т. п.). Поэтому улучшение и обогащение образа Китая — путь, которым Китаю надлежит следовать в укреплении отношений с Центральной Азией, это также важный фактор в создании «Экономического пояса Шелкового пути». Проблемы формирования образа Китая имеют историческую подоплеку и реальные причины. Формировать образ Китая надо комплексно и планомерно, путем улучшения его конкретных составляющих с целью создания целостного и привлекательного образа.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, образ Китая, интеграция.*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отношения Китая со странами Центральной Азии (далее — ЦА) находятся на достаточно высоком уровне, но каково же основное препятствие на пути их дальнейшего развития и углубления? Автор считает, что таковым препятствием является «образ», а точнее знания и представления о Китае, сложившиеся у государств ЦА, их населения.

* Перевод выполнен по изданию «新疆师范大学学报» (哲学社会科学版) — Вестник Синьцзянского педагогического университета (Философия и общественные науки) — Vol. 36, № 4, Jul. 2015, p. 66–75**. Публикуется с разрешения автора.

** 赵华胜。形象建设: 中国深入中亚的必经之路。Употребляемое автором в заголовке и в тексте слово 深入, переведенное как «закрепиться», буквально означает «глубоко проникнуть» — *Ред.*

Образ страны обычно понимается как «мягкая сила». Однако при углубленном анализе отношения этих двух сущностей предстают гораздо более сложными. С одной точки зрения образ — одна из составляющих «мягкой силы». Согласно другому подходу, образ и «мягкая сила» — не одно и то же. «Мягкая сила» по сути — это именно сила, а образ — это представления людей, знание и понимание другой страны. Для улучшения образа страны требуется укрепление «мягкой силы», но само это укрепление вовсе не обязательно приведет к улучшению образа страны, а может даже и повредить ему. К примеру, культура — классическая «мягкая сила», но экспорт культуры не обязательно ведет к улучшению образа страны. В некоторых обстоятельствах он даже может восприниматься как культурная агрессия и вызывать противодействие другой стороны, тем самым вредя образу. Отсюда видно, что отношения между «мягкой силой» и образом сложны, и их переплетения могут быть разными.

Образ страны важен потому, что это определенное ценностное суждение, это отражение «приятного» или «неприятного» отношения к данной стране. Образ страны формирует также систему познания, определяет рамки суждений и анализ действий чужой страны. Другими словами, он влияет на понимание действий и особенностей характера тех или иных государств. В международных отношениях часто встречается такая ситуация: о поведении государства судят не по его действиям как таковым, а на основании сложившегося образа. При различных образах государств одни и те же события могут пониматься по-разному, иной раз даже прямо противоположно. Например, зарубежные инвестиции при позитивном образе воспринимаются как экономическая помощь и приветствуются страной-реципиентом инвестиций; при негативном образе они рассматриваются как экономическая экспансия и вызывают сомнения у жителей страны-реципиента. И точно так же обстоит дело в сферах военного сотрудничества, энергоресурсов, образования, культуры.

Автор рассматривает образ как своего рода узкое место в процессе проникновения Китая в Центральную Азию, это отнюдь не означает, что образ Китая в ЦА негативный, но указывает на существование расхождений между образом Китая и целями, которые мы преследуем. Эти расхождения непосредственно сформировали узкое место на пути достижения поставленных целей. В дипломатической практике образ страны нельзя понимать только как нечто возвышенное и абстрактное, он имеет конкретное содержание и сложную структуру, это понятие трудно разделить на определенные составляющие. Необходимые дипломатические шаги должны быть поддержаны формированием соответствующего образа страны. Благоприятного в общем и целом образа часто бывает недостаточно. Образ должен иметь конкретное внутреннее содержание, только в этом случае можно добиться поставленных целей. Иначе их достичь будет не просто трудно, но невозможно.

Китай осуществляет программу «Экономического пояса Шелкового пути», ЦА — его базовый регион. На этом фоне создание образа Китая в ЦА приобретает еще более важное значение. Несомненно, что финансы и экономическая мощь Китая являются «локомотивом» в создании «Экономического пояса Шелкового пути». Но немаловажное условие успеха этого проекта — это создание образа. Без соответствующего образа мы в ЦА далеко не продвинемся.

Образ Китая — сложная и многообразная сущность, в настоящей статье, не претендующей на полноту, рассматривается лишь одна из его составляющих. В статье говорится о ЦА, но в этом регионе находятся пять государств, обстановка в них очень разная. В каждом из пяти государств существуют различные политические объединения. Здесь мы говорим о ЦА и образе Китая лишь в общих чертах, это не означает, что образ Китая в каждой из этих стран совершенно одинаков, и что все элиты и население ЦА придерживаются одинаковых взглядов.

Данная статья касается таких сложных по содержанию понятий, как «мягкая сила», образ, самоопределение, эти понятия тесно переплетены между собой, расчленив их трудно, уразуметь непросто. В рамках данной статьи не было возможности углубленно исследовать различия в этих понятиях и выявлять их логические связи, в моем изложении неизбежно могут оказаться неясности в некоторых положениях, прошу специалистов высказывать критические замечания.

1. ЧТО РАЗДЕЛЯЕТ КИТАЙ И ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ?

Все 20 лет независимого существования центральноазиатских государств Китай поддерживает с ними дружеские отношения, сколько-нибудь серьезных противоречий с ними у Китая не возникало. Уровень двусторонних политических отношений непрерывно повышался. В 2005 году Китай с Казахстаном провозгласили установление отношений стратегического партнерства; в 2012 году аналогичные отношения были установлены с Узбекистаном. В 2013 году до такого же уровня были повышены отношения еще с тремя государствами: Киргизией, Таджикистаном и Туркменией. Результаты экономического сотрудничества Китая с центральноазиатскими государствами показывают, что двусторонняя торговля быстро растет, товарооборот Китая с пятью государствами Центральной Азии с 460 млн долл. в 1992 году вырос до 45,9 млрд в 2012 году, то есть почти в сто раз, Китай стал, таким образом, основным торговым партнером и инвестором центральноазиатских государств. Получила значительное развитие транспортная инфраструктура – построены железные дороги и автострасы. Весьма успешно идет сотрудничество и в сфере энергоресурсов – из ЦА в Китай проложены нефтепровод и четыре газопровода. ЦА стала крупнейшим поставщиком природного газа в Китай и важным источником нефти, Китай в свою очередь стал крупнейшим потребителем центральноазиатских энергоресурсов и инвестором в этой области. Китай оказал ЦА большую помощь в развитии экономики и повышении благосостояния ее государств. В рамках ШОС Китай поддерживает со странами ЦА тесные многоуровневые контакты во многих сферах. Туркмения с ее политикой нейтралитета не является членом ШОС, но контакты Китая с Туркменией весьма интенсивны. В сентябре 2013 года председатель Си Цзиньпин посетил Туркмению, оба государства объявили об установлении отношений стратегического партнерства.

Вместе с тем, несмотря на неуклонное развитие политических отношений с ЦА и все более тесные экономические связи, экономическая интеграция Китая с ЦА топчется на месте, строительство многоуровневых системных отношений пробуксовывает, характерным примером является создание зон свободной торговли. Каждый раз, когда Китай поднимает этот вопрос, возникает какая-то невидимая стена и вопрос повисает. Китай выдвинул проект создания зоны свободной торговли на пространстве ШОС еще в 2003 году, но Россия и страны ЦА его не поддержали. Еще через 8 лет, в 2011 году, Китай еще раз выступил с инициативой, которая не нашла положительного отклика¹. Китай не выдвигал проект создания общего для Китая и ЦА пространства в традиционной сфере безопасности, но, если бы он выступил с подобной инициативой, перспективы ее реализации были бы неоднозначны.

Доискиваясь до причин такого положения дел, некоторые полагают, что загвоздка здесь в российском факторе. Действительно, реакция России на предложения Китая относительно интеграции – пассивная, более того, общественное мнение в России настроено скорее против данного проекта, это важный момент. Но, оставляя пока в стороне российский фактор, в отношении государств ЦА определенно можно сказать, что их позиция – держаться на почтительном расстоянии и скорее идти вспять, нежели форсировать процесс. К тому же подобная позиция государств ЦА не является лишь однозначным следствием влияния России. Этот момент многие упускают из виду, высказывая соображения, не соответствующие действительности, и полагают, что государства ЦА приветствуют интеграцию с Китаем. Многие уверены, что интеграция способна принести пользу центральноазиатской экономике, что благодаря ей можно будет увеличить приток инвестиций из Китая, почему же, мол, они там в ЦА на словах вроде бы «за» – но ничего не делают. Подобные соображения о пользе интеграции вроде бы должны получить одобрение в ЦА, но факты свидетельствуют об обратном.

¹ В сентябре 2003 года на встрече глав правительств стран ШОС Вэнь Цзябао выдвинул три предложения по экономическому сотрудничеству, в их числе постепенное создание зоны свободной торговли ШОС. В ноябре 2011 года на совещании министров экономики и торговли заместитель министра коммерции КНР Цзян Яопин выдвинул предложение о проведении совместных исследований на тему зоны свободной торговли.

1.1. ПРИЧИНЫ НЕДОСТАТОЧНОГО ЭНТУЗИАЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1.1. Необходимость развития в окружении великих держав. Центральноеазиатские государства, испытывая сильное влияние со стороны России, не склонны наносить ей обиды. Это, вероятно, один из факторов. Тем не менее предшествующие события показывают, что страны ЦА отнюдь не склонны связывать себе руки и не боятся острых ситуаций. К примеру, в прошлом экспорт энергоресурсов из ЦА определялся монопольным положением России, которая извлекала из этого большие экономические и геополитические выгоды. Инициатива Казахстана построить нефтепровод между Китаем и Казахстаном разрушала монополию России, но проект не стали сворачивать, противодействия России не опасались. Кроме того, Казахстан – один из основных участников проектов экспорта энергоресурсов в Северную Америку и Европу. Аналогичную позицию занимает Туркмения. Туркмения – один из крупнейших производителей природного газа, в прошлом ее природный газ мог идти только через Россию. Невзирая на недовольство России, Туркмения принял стратегическое решение и построил газопроводы в Китай и Иран. Еще один пример: Россия резко протестует против американского военного присутствия в Центральной Азии, но Узбекистан и Киргизия откликнулись на просьбу США создать на их территории военные базы. Транзитная база Манас закрылась только в 2014 году. Это свидетельствует, что в ключевых вопросах государственной выгоды страны ЦА хоть и оглядываются на Россию, но действуют, исходя прежде всего из собственных интересов и не идут у нее на поводу. К тому же это не слишком-то вредит их отношениям с Россией.

1.1.2. Многосторонняя дипломатия расширяет пространство для собственного развития. Страны ЦА осуществляют многовекторную дипломатию, не желая следовать в фарватере какой-то одной из стран и имея целью сохранить для себя более или менее обширное пространство для активных действий. Такова одна из точек зрения, но это не есть истинная причина. Многовекторная дипломатия не означает, что страны ЦА не желают участвовать в экономической интеграции в сферах экономики и безопасности с крупными державами. Казахстан является членом ЕАЭС, Киргизия вошла в Таможенный союз. Казахстан, Киргизия и Таджикистан – члены ОДКБ. Это доказывает, что страны ЦА отнюдь не против экономической интеграции, и не отрицают возможность военного союза.

1.1.3. Опасение стать придатком китайской экономики. Опасение стать придатком китайской экономики, нежелание становиться сырьевой базой и рынком для демпинговых китайских товаров – вот наиболее часто вызывающие беспокойство в странах ЦА факторы и одновременно – главное объяснение рассматриваемой проблемы. Однако следует более глубоко поразмышлять: почему в странах ЦА возникают подобные опасения? Только лишь вследствие очевидных различий в масштабах экономик? Несомненно, эти различия – некая материальная основа, порождающая подобные опасения, но международный опыт свидетельствует: масштабные различия вовсе не обязательно ведут к отторжению идеи интеграции, а в определенных обстоятельствах даже стимулируют ее. Подобные факты встречаются сплошь и рядом. Действительно, пусть Россия по масштабу экономики уступает Китаю, но по сравнению с ЦА она – колосс. Возьмем в качестве примера Киргизию: в 2013 году его ВВП составил 7 млрд долл., а ВВП России 2 трлн 97 млрд долл., то есть почти в 300 раз больше. Или второй по мощи экономической субъект прежнего Советского Союза – Казахстан. Его ВВП составляет 231 млрд долл. – в 9 раз меньше российского². Если утверждать, что интеграция превратит страны ЦА в экономический придаток Китая, то равным образом они могут стать и экономическим придатком России. Однако в отношении интеграции с Россией страны ЦА не высказывают подобных опасений. Казахстан – наиболее активный участник ЕАЭС. Киргизия также вписывается в настоящее время в этот процесс. Возможно, что в эти ряды в будущем вольется и Таджикистан. Отсюда видно, что указание на различия в масштабах экономик недостаточно для объяснения поставленной проблемы. Есть еще и неочевидные факторы. Наряду с возрастанием экономических диспропорций между странами эти факторы создают невидимые препятствия для интеграции.

² По данным Мирового банка.

1.2. БОЛЕЕ ВСЕГО КИТАЮ НЕ ХВАТАЕТ НЕКОЕГО ОБРАЗА

С китайской точки зрения Китай не испытывает недостатка в силах и средствах для осуществления интеграции. В Китае достаточно капитала, он готов и стремится к инвестициям. Только при посредстве ШОС Китай предоставил ЦА кредитов на 20,9 млрд долл.³ Капиталовложения и помощь на двусторонней основе еще более масштабны. В одном только Казахстане капиталовложения Китая в различных сферах достигли 26 млрд долл. [9]. Китай намерен сделать наибольший взнос в планируемый к созданию банк развития ШОС. Китай внимательно следит за Центральной Азией, расположенной на его границах. Правительственные органы, компании, предприятия Китая не жалуется на трудности в своей работе в ЦА. Китай поддерживает политические контакты с ЦА, которые осуществляются по многосторонним и двусторонним каналам; установил стабильные экономические отношения. Китай стал крупнейшим экономическим партнером Казахстана и Туркмении, вторым по значению торговым партнером Узбекистана и Киргизии, третьим партнером Таджикистана⁴. Вместе с тем Китай – самый крупный инвестор в Узбекистане и в Киргизии, один из основных инвесторов в других странах ЦА. Отношения Китая с ЦА вполне дружественные, доброжелательные и уважительные. Помощь Китая странам ЦА велика, предоставлена предметная экономическая и другая помощь. Тем не менее при наличии всех этих условий интеграция тормозится. Чего же не хватает Китаю?

Возможно – многих вещей, но более всего не хватает главного – некоего «образа».

1.2.1. Образ Китая в Центральной Азии весьма сложен, позитив и негатив переплетаются, очевидны различия между официальными декларациями и общественным мнением. Как говорилось выше, образ Китая в ЦА нельзя назвать плохим. Основа политики Китая в отношении соседей – доброжелательность и партнерство, со странами ЦА Китай развивает дружбу и сотрудничество на равноправной основе, проявляя терпеливость, без всякого высокомерия, вмешательства во внутренние дела и лукавства, в случае возникновения проблем решает их путем переговоров, оказывает всемерную экономическую помощь. Все это заложило основы позитивного образа Китая, который обеспечивает ему хорошие отношения и нормальное сотрудничество со странами ЦА. Но Китай не достиг еще требуемого уровня в смысле глубины и целостности. Другими словами, он соответствует уже достигнутому уровню отношений Китая со странами ЦА, но Китай желает повысить этот уровень, а «образ» пока что не позволяет. Это проявляется в основном в том, что в политическом отношении страны ЦА ощущают отчужденность от Китая, а в отношении безопасности – не ощущают возможности в полной мере опираться на Китай, в экономическом смысле – боятся попасть под внешнее управление, наблюдается непонимание культурной и эмоциональной общности с Китаем.

1.2.2. Китай имеет в Центральной Азии сильное политическое и экономическое влияние, но его образу пока не хватает привлекательности. Говоря по-простому, уважения к Китаю в избытке, а любви нет. Чувства в отношении Китая зачастую примешиваются к существующим противоречиям и осложняют их. Китай воспринимается не только как друг и партнер, но и как опасность и угроза. Считается, что Китай приносит ЦА не только экономическую пользу, но и вред. При всех тесных контактах с Китаем одновременно ощущается и невидимая стена отчуждения. Признавая непревзойденность материальной мощи Китая, на его духовную составляющую смотрят свысока. Но обобщать трудно, поскольку в странах ЦА в отношении Китая существуют неоднородные представления и чувства.

³ Китай в 2004, 2009 и 2012 годах предоставил кредитов, соответственно, на 900 млн, 10 млрд и 10 млрд долл. Россия их не использовала, поэтому фактически они предоставлены центральноазиатским странам – членам ШОС.

⁴ В статистических данных о двусторонней торговле Китая со странами ЦА постоянно встречаются значительные расхождения, данные с китайской стороны значительно выше. Причина разночтений в цифрах, возможно, в том, что одни китайские источники называют Китай первым экономическим партнером Казахстана, а другие – вторым. Для сравнения: URL: http://www.fmpre/gov.cn/mfa_chn/wjdt_611265/cfhsj_611277/t11218739.shtml 2014.12.12. и URL: <http://kz.china-embassy.org/chn/sgxx/sgdt/t1199315.htm> 2014.10.10,

1.2.3. Влияние «теории китайской угрозы» на Центральную Азию. На отрицательную составляющую образа Китая ничто не влияет более концентрированно и явно, чем «теория китайской угрозы». Она наиболее распространена в странах, граничащих с Китаем. Особенно в Казахстане. «Теория китайской угрозы» трактует не только традиционные угрозы безопасности, но понимается и более широко: как, например, «китайская экономическая экспансия», «угроза китайской миграции», а также как «экологическая угроза», «угроза водным ресурсам» и т. п. В дискурсе «китайской угрозы» почти все, что делает Китай, может трактоваться, как причинение вреда ЦА – будь то инвестиции в энергоресурсы, экономическое сотрудничество, кредитная помощь и даже строительство коммуникаций, культурные обмены и контакты между людьми. Эта теория стала идеологическим клише, только в таких рамках и анализируется Китай. Хотя «теория китайской угрозы» – это продукт общественного мнения, а не официальная точка зрения, она пусть косвенно, но сильно сказывается на формировании политического курса. К примеру, железнодорожное сообщение с Киргизией (Узбекистаном) в дискурсе «китайской угрозы» рассматривается как инструмент контроля над Киргизией. Строительство железной дороги все время откладывается, одна из причин – вот эта концепция угрозы [2]. Еще один пример – туризм. Казахское правительство намерено стимулировать туристическую отрасль. Но для этого нужна более мягкая визовая политика. В августе 2013 года казахские СМИ распространили новость о смягчении визового режима для туристических групп из Китая, что немедленно вызвало негативную реакцию общественного мнения. Предполагается, что это вызовет угрозу китайской миграции [15].

В такой общественной атмосфере правительству весьма трудно будет изменить визовую политику, а китайским гражданам – поехать в Казахстан, не говоря уже о развитии туризма в целом.

Проблема образа создает глубокое непонимание между Китаем и странами ЦА. Разумеется, это некоторое обобщение, мы не ставим здесь на одну доску все пять государств ЦА и не утверждаем, что образ – это единственный фактор, обуславливающий экономическую интеграцию Китая с ЦА. Например, Узбекистан и Туркмения вследствие внутривнутриполитических причин не испытывают интереса к экономической интеграции ни одной из своих областей.

Нужно указать, что в отношениях с Китаем ЦА является особой категорией стран, здесь проблема образа имеет свою специфику. Например, Китай договорился о зонах свободной торговли с АСЕАН, осуществляет экономическую интеграцию с Японией, Южной Кореей и многими другими странами. Юго-восточная Азия, Япония, Корея – иная категория стран, нежели страны ЦА. Образ Китая в этих странах не идентичен, даже если там существует представление о так называемой китайской угрозе, содержание и проявления его различны. Проще говоря, Китай – один, а конкретный образ его в странах ЮВА, в Корее, Японии, в других регионах – разный. Формы его проявления там и в ЦА также различаются. Конечно, в теории нельзя огульно отрицать роль такого фактора, как образ в сфере межрегионального экономического сотрудничества; если обобщенно говорить о межгосударственной дипломатии, там он тоже присутствует. К примеру, создание межгосударственных политических союзов при отсутствии политического образа (стран) практически невозможно.

2. ИСТОКИ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА КИТАЯ

Далее рассматриваются в основном причины, породившие «теорию китайской угрозы», а также факторы, негативно повлиявшие на образ Китая.

2.1. ОТКУДА ВОЗНИКЛА «ТЕОРИЯ КИТАЙСКОЙ УГРОЗЫ»

Возникновение «теории китайской угрозы» имеет региональные особенности, она проистекает из особых исторических, географических, культурных взаимоотношений между Китаем и ЦА, а также имеет отношение к политическому и экономическому окружению ЦА.

2.1.1. Проблема приграничных территорий. В образе Китая в ЦА изначально имеется проблема. Это наличие негативного исторического наследия⁵. К нему, в частности, относятся

⁵ Например, некоторые исследователи ЦА утверждают: «Негативный образ Китая широко распростра-

споры вокруг приграничных территорий. Разногласия относительно их принадлежности всегда были неприятными травмами, способными надолго оставить глубокие рубцы в сознании людей. Китай и страны ЦА уже разрешили все конфликты относительно приграничных территорий. Но к несчастью, во время распада Советского Союза не была проведена делимитация границы Китая со странами ЦА, то есть западного участка советско-китайской границы.

Вследствие распада СССР решение пограничных вопросов стало делом Китая и трех новых центральноазиатских государств: Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Эти перемены оказали очень большое влияние на отношения Китая с этими тремя странами ЦА. Если бы вопрос о западном участке границы решался Китаем и Советским Союзом, то территориальные изменения были бы зафиксированы этими двумя странами и Китаю не нужно было бы обращаться непосредственно к центральноазиатским государствам, а ЦА осталось бы только признать историческое наследие, оставшееся от СССР. И если бы население осталось этим недовольно, то недовольство было бы направлено на СССР, а не на Китай. После того, как субъектами переговоров стали три центральноазиатских государства и Россия, Китаю пришлось решать пограничные вопросы непосредственно со странами ЦА. Фактически, в процессе переговоров Китай пошел на большие уступки, не вернув себе полностью все спорные территории, и, более того, по соглашениям с Киргизией и Таджикистаном получил лишь малую часть спорных территорий⁶.

Несмотря на это, в ЦА раздался голоса о том, что малые государства ЦА заставляют поступиться территориями, а Китаю недоставало каналов, позволяющих разъяснить населению ЦА истинное положение вещей.

2.1.2. Трудная история советско-китайских отношений — еще одно негативное наследие. Китай и СССР в 1960-х — 70-х годах долго враждовали. ЦА была форпостом этого противостояния, войска обеих стран в этом регионе находились в боевой готовности, происходило много нарушений границы и даже вооруженных стычек. Особенно памятен инцидент 1969 года у Теректы, поставивший этот регион на грань большой войны. Обе стороны прибегали к пропаганде, порочившей противника и выставлявшей его в образе злобного государства-угрозы. Антикитайская пропаганда оставила глубокий след в сердцах жителей ЦА, а в их умах сформировался привычный образ и соответствующие представления.

Тем не менее это дела минувших дней, время ушло, контактов становится больше, влияние негативных факторов и их острота постепенно ослабевают, на первый план выходят новые факторы.

2.1.3. «Теория китайской угрозы» — концепция международного характера. Концепция «китайской угрозы» широко распространена по всему миру. Вред этой концепции в следующем: она создает априорно негативный образ Китая, независимо от того, наличествует китайская угроза или нет, она выдает за таковую сложившееся мнение. Мнение это докатывается до ЦА и порождает определенный отклик. Анализируя причины, можно указать на следующие аспекты:

А. НЕДОСТАТОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ КИТАЯ

Ни элита, ни простые жители ЦА не обладают адекватным пониманием Китая⁷. Здесь можно выделить два уровня: в высших политических кругах нечетко представляют себе замыслы Китая, не очень-то понимают, куда в будущем намерен двигаться Китай, — в резуль-

нился среди жителей ЦА, в большей степени это наследие советской эпохи» [18].

⁶ Например, из 2 844 кв. км спорных территорий между Китаем и Киргизией Китаю отошли 860 кв. км, что составляет около 30 %. Оставшиеся 1 984 кв. км. (70 %) отошли Киргизии (см.: [11]). Из 28 000 кв. км спорных территорий между Китаем и Таджикистаном Китай получил 3,5 %, остальные отошли Таджикистану. Китай фактически получил 1 158 кв. км спорных территорий с Таджикистаном. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://mil/news.sina.com.cn/2011-10-01/2045668023.html>

⁷ Специалист по проблемам Китая и Казахстана А. Коркунов полагает казахское китаеведение неразвитым; специалистов по китайской проблематике, по его мнению, можно пересчитать по пальцам, отсутствуют достоверные и надежные источники информации о Китае, вследствие чего распространяются мифы и домыслы о Китае [15].

тате государства ЦА в стратегическом смысле выказывают беспокойство относительно будущего Китая. На низшем политическом уровне подавляющее большинство как элиты, так и простых жителей ЦА очень плохо знакомы с жизнью китайского общества, поэтому они не понимают реальностей Китая.

Б. ОШИБОЧНЫЕ ТРАКТОВКИ В СМИ

В современном обществе СМИ играют крайне важную роль в формировании общественного мнения и точек зрения. Относительно большинства населения ЦА можно сказать, что возможностей непосредственного общения с Китаем у них было немного. СМИ – основной источник их информации о Китае. Некоторые центральноазиатские СМИ по разным причинам рассматривают Китай в негативном ключе. Смакование негативных жареных фактов жизни Китая стало своего рода «модой». Большое количество специально подобранных новостей могут создать в умах населения одностороннее представление о Китае, ошибочное и искаженное.

В. НАЛИЧИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ КРУГОВ, ИМЕЮЩИХ ПРЕДВЗЯТОЕ МНЕНИЕ

Нужно иметь в виду, что в ЦА наличествуют политические и общественные силы с односторонним и предвзятым мнением относительно Китая. Они относятся к Китаю с предубеждением, занимая определенную политическую позицию, в словах и делах постоянно демонстрируют недружественный по отношению к Китаю подход. Это явление можно даже считать нормальным, в любом государстве могут существовать разнообразные политические мнения, но на образ Китая все это оказывает крайне негативное влияние. К внутриполитическим разборкам в ЦА нередко приплетают Китай, который становится своего рода жертвой внутриполитической борьбы. В такой обстановке Китай то и дело становится объектом недоверия, нежели одобрения. В результате негативных черт образа Китая становится больше, а не меньше.

Г. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КРУПНЫХ СТРАН ПОДЛИВАЕТ МАСЛА В ОГОНЬ

Нельзя не отметить, что общественное мнение Запада и России внесло в «теорию китайской угрозы» немалый «вклад». Усилия в этом направлении приложили как ученые-специалисты, так и журналисты. Многие центральноазиатские ученые отмечают этот момент и указывают, что некоторые державы распространяют в ЦА определенные взгляды, расписывают китайскую экспансию как фактическую оккупацию, нагнетают страхи в отношении Китая, имея целью затормозить рост влияния Китая в ЦА [17]. Известный казахский специалист по китайским проблемам профессор К. Сыроежкин также полагает, что внешние силы – один из источников «теории китайской угрозы» [10, с. 52]. Явление, наводящее на размышления: в негативной информации о Китае, особенно в новостях и комментариях, рассчитанных на широкую аудиторию, постоянно мелькает тень некоторых российских ученых и СМИ. Например, в мае 2013 года в некоторых новостях сообщалось, что китайские войска вошли в Таджикистан и захватили Памир, что вызвало в Таджикистане большой шум. Потом выяснилось, что это утка, но первоисточником ее были российские СМИ [8]. Между Казахстаном и Россией существует проблема приграничных рек, особенно это касается рек Иртыш и Или. Эти две реки текут из Китая в Казахстан. Казахстан полагает, что Китай, осуществляя излишний водозабор из этих рек, лишает воды казахских потребителей и сельское хозяйство страны, уменьшает тем самым объем воды в озере Балхаш, создает угрозу экологии Казахстана. Кроме того, Казахстан жалуется, что Китай загрязняет эти реки. Проблема трансграничного водопользования уже привлекла внимание высшего руководства Казахстана, а также простых граждан и общественности. Все это тоже влияет на крупную, но крайне трудно решаемую проблему образа.

2.2. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОБРАЗ КИТАЯ

Хотя экономика и политика Китая в целом успешны, но эти успехи породили и некоторые негативные явления. Полагать, что проблема образа Китая насаждается извне – это односторонний подход, причины следует искать и в самом Китае. Экономическая деятельность и политика Китая в ЦА в общем результативны. Благодаря удачному стечению обстоятельств

удалось продвинуть ряд крупных проектов стратегического значения в таких сферах, как строительство нефтепровода, добыча энергоресурсов, прокладка коммуникаций и др. Доля китайской продукции на казахском рынке также весьма велика. Однако в странах ЦА в разной степени, но повсеместно существует представление о корыстолюбии китайской экономики. В ЦА полагают, что Китай повсеместно разрабатывает недра, высасывает природные ресурсы ЦА, массированно завозит туда товары по бросовым ценам, что вредит развитию национальной индустрии; полагают также, что цель Китая — превратить ЦА в рынок сбыта и сырьевую базу, пренебрегая нуждами развития ее экономики. Подобные взгляды страдают односторонностью, но Китаю следует обратить на них внимание.

2.2.1. Китай чрезмерно выпячивает тему энергоресурсов и полезных ископаемых. Нет сомнения, что энергоресурсы и полезные ископаемые — приоритет экономики Китая. Большой поток китайских товаров на рынок ЦА — результат экономических закономерностей, несомненно, это принесло населению ЦА выгоду и пользу. Проблема Китая в том, что экономическое продвижение носит не всегда скоординированный, иногда спорадический характер. Налицо несбалансированность, как экономическая, так и политическая, как стратегическая, так и тактическая, несогласованность между различными интересами и ведомствами, между долгосрочными проектами и краткосрочными. Вместе с тем крайне мало обращается внимания на политические и социальные настроения в ЦА, экономические соображения подменяют собой комплексный подход.

Энергоресурсы и полезные ископаемые — это сферы нормального экономического сотрудничества, они являются важной основой экономического развития ЦА, это именно то, что нужно ЦА. Другие государства также приходят в ЦА в поисках ресурсной базы, это не прерогатива одного лишь Китая. Однако негативных настроений в ЦА в отношении Китая больше, чем в отношении других стран. Поэтому, учитывая политическую и социальную психологию ЦА, выпячивать в нашей политике и пропаганде тему ископаемых ресурсов — это неразумная тактика, она находится в явном противоречии с надеждами стран ЦА на оптимизацию структуры их экономики, создает из Китая образ страны, охотящейся исключительно за сырьевыми богатствами ЦА.

2.2.2. В торговом сотрудничестве Китай делает чрезмерный упор на экспортную составляющую, у людей создается впечатление, что Китай намерен завалить ЦА товарами по демпинговым ценам. Китай выдвинул предложение о создании зон свободной торговли, само это предложение не ошибочно и в целом соответствует тенденциям экономического сотрудничества в регионе. Но Китай недостаточно знаком с объективными условиями и настроениями своих партнеров в ЦА. Если односторонне стремиться к продвижению тех или иных проектов, можно получить обратный результат, а в странах ЦА станут думать, что зоны свободной торговли создаются исключительно для сбыта по низким ценам китайских товаров.

2.2.3. Структура торговли Китая со странами ЦА не сбалансирована. Это проявляется в том, что Китай стремится импортировать из ЦА прежде всего энергоресурсы и полезные ископаемые, а экспортирует туда в основном машины, электронику, изделия легкой промышленности и ширпотреб. Такая структура торговли обуславливается структурой экономики и уровнем развития, что соответствует экономическим законам. К примеру, коль скоро страны ЦА не могут производить конкурентоспособные технические изделия, нельзя и говорить о повышении удельного веса этих изделий в экспорте.

Тем не менее, хотя с точки зрения экономической логики этот аргумент и бесспорен, но Китай не может оставаться безучастным к заботам стран ЦА. Надо понимать, что такая структура торговли может вызвать неблагоприятные политические последствия, одно из них — задержка на неопределенный срок интеграции стран ЦА. По мнению стран ЦА, интеграция способна лишь усугубить и закрепить такого рода структуру и не соответствует их стратегическим интересам. Так, в первые 10 месяцев 2014 года торговый оборот Китая с Таджикистаном составил 2 млрд долл. Активное сальдо (в пользу Китая) 1 млрд 950 млн. [13]. Подобная ситуация — результат экономических закономерностей. Порядок движения товара, покупка и продажа самостоятельно определяется рынком, а не навязывается Китаем, но

рациональности здесь действительно не хватает; ни одно из государств не может по своей воле принять подобное положение вещей. Например, Киргизия. Китай является его вторым по величине торговым партнером, но седьмым по объему киргизского экспорта. В 2012 году товарооборот Китая с Киргизией составил 5 млрд 162 млн долл., при этом экспорт из Китая в Киргизию составил более 5 млрд, а из Киргизии в Китай – примерно 90 млн долл. [6]. Большая часть поступающих из Китая товаров оптом перепродается на другие рынки. Киргизия получает свою долю от разницы в цене и возможности для трудоустройства, это для Киргизии вполне полезно, но такие однобокие экономические отношения вряд ли создадут политический стимул для экономической интеграции. Казахстан, поскольку поставляет в Китай нефть, не имеет проблемы столь большого пассивного баланса в торговле, но в казахском экспорте в Китай энергоресурсы и ископаемые превышают 60 % (данные на 2010 год) [4, с. 44]. Эта структура схожа с общей структурой внешней торговли Казахстана, в этом смысле особо не выделяется. Но Казахстан задался целью научно-технического развития и не может одобрить экономическую интеграцию при сохранении данной структуры.

2.2.4. Китай и Россия по-разному понимают экономическое развитие Центральной Азии. Сравнивая Китай и Россию, можно видеть, что китайская экономика обладает большой мощью, особенно в том, что касается инвестиций и экспорта, Россия же имеет иные экономические интересы в ЦА. Она является важным экспортным рынком для несырьевых товаров ЦА. Например, 70 % киргизского экспорта поступает в страны Таможенного союза, при этом 40 % киргизского экспорта приходится на Россию [16]. Россия является также важнейшим рынком трудовых ресурсов для стран ЦА, особенно для Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Большое количество населения этих трех стран живут тем, что работают в России. Таджикистан и Киргизия имеют всего лишь 6-миллионное население (6 млн – только в Киргизии, население Таджикистана к 2015 году превышает 8 млн – Ред.). Число работающих в России киргизов – примерно 600 тыс., в 2013 году они перевели к себе на родину 2 млрд 200 млн долл., что составляет около 30 % ВВП Киргизии [7]. Численность работающих за рубежом таджиков – примерно 1 млн, большая часть – в России. В 2012 году они перевели в Таджикистан 3 млрд 600 млн долл., что составляет примерно половину ВВП страны [19, с. 11]. Для этих государств и соответствующей части проживающих там семей Россия является источником их существования и доходов. Торговая структура России и Казахстана базируется на ископаемых энергоресурсах, Казахстан недоволен таким положением дел и стремится к развитию сотрудничества в научно-технической области и в промышленности, создает с Россией «научно-производственный союз» [3]. Обобщенно говоря, экономические отношения России с ЦА гораздо легче можно повернуть в сторону интеграции. Фактически, страны ЦА в качестве партнера по интеграции гораздо более склонны рассматривать Россию, а не Китай. Как явствует из опубликованных материалов, число тех, кто поддерживает ЕАЭС во главе с Россией, составляет в Казахстане 56 %, а выступающих за интеграцию с Китаем – всего 21 % [12]. Для Китая это уже неплохой результат. Согласно другим данным, 73 % населения Казахстана поддерживает интеграцию в рамках ЕАЭС [5].

2.2.5. Качество товаров – еще одна проблема. Качество продукции – важный показатель, формирующий образ страны, впечатление обычных людей о той или иной стране складывается в процессе использования произведенных там товаров. Надежное качество вызывает положительный отклик, а как следствие – порождает уважение к этой стране. И наоборот, низкое качество продукции вызывает отторжение, крайне непросто нарисовать притягательный образ страны, если связать его с низким качеством ее продукции. Китайские товары, хотя и присутствуют на рынке ЦА в значительных количествах, но отношение к ним далеко не идеальное, отзывы о китайских промышленных брендах не слишком благоприятны, их потребительские свойства считаются невысокими. Безопасность китайской сельхозпродукции часто вызывает сомнения. «Товар из Китая» – по-прежнему синоним низкого качества или не вполне отвечающего требованиям товара. Люди им пользуются, но в глубине души относятся с пренебрежением. Имидж китайских товаров сказывается в результате на образе страны. Хорошие китайские товары не компенсируют незаслуженных обид, нанесенных потребителям китайской продукцией в целом, качество продукции – это

некое синтетическое понятие, некачественная ее часть может повлиять на ее имидж в целом. Если качество всей китайской продукции будет стабильным, в конечном счете это не смогут не оценить потребители.

2.2.6. «Китаец» – смыслом этого понятия не следует пренебрегать, говоря об образе Китая. Имидж отдельного человека не может подменить собой образ страны в целом, но эти два понятия очень взаимосвязаны. При крайне интенсивных человеческих контактах в современном мире индивид транслирует на микроуровне образ своей страны, коллективный имидж людей в значительной степени превращается в образ их страны. В ЦА китайцы занимаются различным бизнесом, контингент их весьма пестрый, существует проблема незаконной миграции. Жители ЦА в общем оценивают китайцев положительно, но есть на сей счет и не слишком хорошие мнения, например, китайцев считают корыстными и хитрыми, не заслуживающими доверия, нечистоплотными, невежливыми. Подобные впечатления о «китайцах» естественным образом переносятся на страну в целом.

3. КАК УЛУЧШИТЬ ОБРАЗ?

Привлекательный образ государства складывается из суммы факторов. Его нельзя кардинально улучшить каким-то одним или несколькими мероприятиями. Одно простое событие может испортить образ страны, но для его формирования нужно прикладывать усилия по всем направлениям. Разрушить образ можно в мгновение ока, а выстраивается привлекательный образ годами.

Поэтому для улучшения образа Китая в ЦА нужна длительная и комплексная усердная работа. Надо понимать, что проблемы, возникающие на этом направлении, являются не проблемами дипломатии между Китаем и странами ЦА, но проблемами Китая и его внешних сношений в целом и не могут быть решены средствами одной лишь центральноазиатской дипломатии.

У Китая есть средства и возможности улучшения своего образа. Китай вместе со странами ЦА совсем недавно разрешил чувствительную проблему приграничных территорий. По проблемам, на которые в ЦА обращают особое внимание – незаконная миграция, проблема водных ресурсов и др. – Китай занимает конструктивную позицию. В отношении сырьевого крена в экономических отношениях Китай также стремится улучшить ситуацию.

Проблема в том, чтобы найти эффективный путь. Обобщенно говоря, проблема образа выглядит чересчур абстрактной. Непонятно, как за нее взяться. Начинать же надо с конкретных проблем, надо разложить проблему образа на составные части, тогда конкретизацию можно понять как вычленение, например, политического образа, дипломатического образа, образа коммерческих компаний, образа товаров, исторического, культурного образа и т. д. Тогда будет ясно, с чего начинать, а цель появится естественным путем. Идеальный образ Китая должен складываться из этих конкретных образов. Этот идеальный образ должен быть: в политическом и дипломатическом отношении – дружественным, основанным на искреннем и беспристрастном сотрудничестве; в деловом отношении – основанным на честности; в культурном отношении – на родственности и миролюбии. Усилия по улучшению образа должны иметь именно такую направленность, преследовать именно такие цели. Улучшая конкретные образы, можно будет обогатить позитивным содержанием образ Китая в целом и сделать его более привлекательным.

В формировании образа Китая следует особо выделить следующие проблемы:

3.1. ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЧИНОВНИКИ ДОЛЖНЫ НЕСТИ ГЛАВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ

Хотя коммерческие структуры и являются авангардом, приносящим выгоду китайской экономике и обеспечивающим экономический рост страны, но в своей деятельности они руководствуются законами бизнеса и соответствующими представлениями, нацелены на получение прибыли. Это вполне естественно и нормально для бизнеса, иначе его структуры не были бы коммерческими. Не приходится ожидать, что бизнес будет вести свою деятельность, исходя из политических представлений, не стоит требовать от него в управлении сво-

ими структурами (компаниями) исходить из выгоды государства в целом. Ответственность за анализ ситуации в целом и общую сбалансированность должна быть возложена на правительство. Соотнесение политических выгод с экономическими, выгод отдельных министерств и ведомств — с общегосударственными, краткосрочных выгод — с долгосрочными — все эти вопросы могут ставиться и решаться и координироваться только на правительственном уровне. Контроль за незаконной миграцией, за качеством продукции, за нормами поведения компаний, обучение и руководство людьми — все это тем более сфера ответственности правительственных органов.

3.2. В КОНТАКТАХ И ОБЩЕНИИ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ КИТАЮ НАДЛЕЖИТ СКОРРЕКТИРОВАТЬ ПОДХОД, СПОСОБ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ И МАНЕРУ ИЗЛОЖЕНИЯ

Конкретно говоря, Китаю следует исходить из забот региона, а не только из собственных выгод; преподносить себя Китай должен приемлемым для другой стороны способом, а не публиковать трафаретные «экзаменационные сочинения» (*автор употребляет здесь выражение, означающее конкурсные работы, написанные по определенному шаблону, по которым в старом Китае определялась пригодность кандидата на чиновничью должность — Ред.*). Китай должен изъясняться близким к повседневной жизни и понятным для обычных людей, а не сложным чиновничьим языком. Одновременно надо всемерно развеивать впечатление, что Китай во всех своих действиях в ЦА исходит только из соображений борьбы за ЦА с другими державами, а не развития и благосостояния самой ЦА. В противном случае рост инвестиций в ЦА будет пониматься в этом регионе исключительно как вызванный идеей соперничества с другими державами, что образу Китая особой пользы не принесет.

На подобные проблемы следует обращать внимание и при строительстве «Экономического пояса Шелкового пути». Конечно, это проект китайский и должен быть для Китая выгодным. Но он должен стать общим проектом. Это крайне важно для запланированного «Экономического пояса Шелкового пути». Без сомнения, этот проект способен привлечь крупные инвестиции в страны ЦА, что им крайне необходимо. Но инвестиции — не панацея ни для донора, ни для реципиента. Их смысл заключается не в денежных суммах как таковых, а в том, на что они будут употреблены. Здесь нужно найти оптимальный баланс между потребностями Китая и нуждами стран ЦА. Если Экономический пояс шелкового пути полагать лишь средством для решения Китаем своих дипломатических и экономических проблем, пространство для его внедрения и расширения окажется весьма ограниченным. Например, если пренебрегать запросами стран ЦА на модернизацию экономики, стремиться только к тому, чтобы вывести туда избыточные производственные мощности, особенно экологически опасные производства, то некоторые непривередливые в этом отношении государства-партнеры на первых порах могут и согласиться, но в долгосрочной перспективе это не будет ими приветствоваться.

3.3. КИТАЙ ДОЛЖЕН МИРОЛЮБИВО ОТНОСИТЬСЯ К СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ПРОВОДЯ ПОЛИТИКУ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Миролюбивые подходы и политика невмешательства — все это явно идет на пользу образу Китая, это наш дипломатический актив. Вместе с тем следует культивировать такие присущие образу черты Китая, как солидность и достоинство, величие и мужество. На действия, вредящие интересам Китая, следует реагировать со всей определенностью: в случае регионального кризиса Китай должен смело брать на себя ответственность; в региональных делах Китай должен позиционировать себя в качестве защитника интересов региона, что, естественно, соответствует интересам самого Китая — следуя этим путем, можно заслужить уважение стран региона. В Казахстане проводили опрос общественного мнения, спрашивали, к какой стране в трудное время следовало бы в первую очередь обратиться за помощью. 83 % опрошенных назвали такой страной Россию [5]. Отсюда видно, как отстает в этом отношении Китай. Фактически он немало сделал для ЦА, особенно после экономического кризиса 2008 года, когда в некоторых странах ЦА возникли экономические трудности. Китай предоставил тогда кредиты, чтобы помочь им выйти из нелегкого положения. Но эти действия Китая не получили должной огласки в ЦА и к тому же иногда

извращенно толковались некоторыми ангажированными общественными группами⁸. Добиться признания в качестве защитника интересов региона нелегко — это влияет на образ страны. Здесь обоюдная причинно-следственная связь, но только если Китай будет защищать справедливость и интересы региона и получит соответствующее признание, будет действовать искренне и беспристрастно, его положительный образ в конечном счете может постепенно закрепиться в странах ЦА.

3.4. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ВСЕСТОРОННЕ ОБРАЩЕНА К НАСЕЛЕНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, КАНАЛЫ ВЗАИМНЫХ ОБМЕНОВ СЛЕДУЕТ РАСШИРЯТЬ

Между официальными и неофициальными сношениями Китая с ЦА существует определенный дисбаланс. По официальной линии все более чем прекрасно, а на низовом уровне — отношения прохладные, впечатление от Китая в ЦА складывается весьма отличное от официального. Это свидетельствует об относительной слабости китайской общественной дипломатии, ее обязательно надо усилить. Китаю нужен диалог не только на правительственном уровне, надо обращаться к массам. Межгосударственные отношения можно оценивать по макропоказателям, а реакция общества формируется на основании конкретных дел конкретных людей. Другими словами, официальная линия имеет уклон в сторону комплексности и рациональности, а «народная» — в сторону конкретности и эмоциональности. Поэтому нужно создавать еще больше каналов и форматов общения, чтобы местные жители сами все увидели и услышали. Следует в понятной форме, всеми приемлемыми способами доводить китайскую политику и взгляды Китая до сведения людей, разъясняя, какие выгоды несет сотрудничество для ЦА, чтобы становилось понятно, что именно хорошего сделал Китай для ЦА. Важными каналами обменов и общения, помимо официальных сношений, являются СМИ, общественные организации, социальная элита, научные, культурные и образовательные круги и т. д.

3.5. ВАЖНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ НУЖНО ОБСУЖДАТЬ ОТКРЫТО И ОТКРОВЕННО. ЭТО ЯВНО ЛУЧШЕ, ЧЕМ УМОЛЧАНИЕ И СОКРЫТИЕ РАЗНОГЛАСИЙ

Китай может совместно со странами ЦА проводить научные исследования крупных проблем двусторонних отношений, включая исторические, пограничные проблемы, территориальное размежевание, проблемы водных ресурсов и прочие чувствительные темы. Цель совместных исследований состоит не в том, чтобы партнеры приняли китайскую точку зрения (это труднодостижимо), а в том, чтобы получить достоверное объективное знание и избежать распространения ошибочных и извращенных толкований.

3.6. СТИМУЛИРОВАТЬ ОБМЕНЫ КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ, ПОВЫШАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Китайская культурная традиция, философская мысль, ценностные представления не являются столь уж привлекательными в центральноазиатском регионе, это наносит серьезный ущерб образу Китая, возможно наибольший ущерб. В результате мы имеем весьма поверхностное восприятие Китая и его самоидентификации. Привлекательность культуры — пожалуй, важнейший источник привлекательности образа страны. Постигание цивилизационных основ и культуры другого государства — это и есть наиболее высокий уровень восприятия этого государства. Китай в этом отношении крайне отстает. Китай сейчас силен в основном в смысле материальной, а не культурной продукции. Конечно, не следует так уж сильно отделять материальные сущности от культуры, они тоже некая часть культуры. Проблема Китая в том, что культурная ценность распространяемых им по миру изделий сравнительно невысока, зачастую даже не способна нести позитивную информацию. Возьмем, к примеру, некий товар. Если его дизайн, качество на высоком уровне, если он удобен в эксплуатации, сделан с думой о потребителе, — все это несет культурный посыл, отражает определенный культурный уровень производителя. Китайские же изделия несут весьма скудную информацию о китайской культуре.

⁸ В рамках дискурса «теории китайской угрозы» некоторые полагали, что предоставление Китаем льготных кредитов имеет целью установление контроля над ЦА, либо извлечение из региона ископаемых ресурсов в еще больших объемах.

ЦА принадлежит к восточной цивилизации, ее культура родственна китайской. Но ЦА недостает чувства увлеченности культурой Китая. Проблема заключается не в недостаточной древности и глубине китайской культуры, а в недостаточно модернизированной системе знаний и ценностей, неспособности предложить современный образ жизни, к которому бы стремились люди. Сравним с Россией. Она хоть и принадлежит к православной цивилизации, но исторически к российской культуре в ЦА сложилось определенное уважительное отношение. Причина в том, что Россия ассоциировалась там с относительно передовым знанием, идеологией и современным образом жизни. Если рассуждать об исторических успехах России в ЦА, то это одна из их важных причин. Прежний президент Киргизии А. Акаев говорил: «Россия дана Киргизии историей и Богом» [1]. Другой киргизский политик также утверждал, что Киргизия с Россией имеют не только исторически сложившиеся отношения, но также и связи в области культуры, науки. Киргизская наука, культура, образование, медицина – все они берут пример с России [14]. Это отражает представления части центральноазиатской элиты о том, что Россия является носителем передовой и цивилизованной культуры. В настоящее время культурная привлекательность России в ЦА имеет тенденцию к уменьшению. Одной из причин является то, что в самой России меняются прежние система знаний и образ жизни. Китай за последние 20 лет, обретая влияние благодаря мощной экономике, не обрел вместе с тем адекватной по мощи культурной привлекательности. Не смог стать страной, на которую ориентировались бы страны и население ЦА, это нельзя не признать упущением. Еще один пример – запрашиваемые казахскими студентами стипендии для стажировки за рубежом. Хотя в Китае года от года все больше стажеров из Казахстана, но из тех, кто получает (от казахского правительства) стипендии на обучение, в Китай направляются немногие. С 1994 по 2011 годы число студентов, выбравших Англию, составило 3 031, Америку – 2 287, Россию – 741, а Китай – всего лишь 171 человек⁹. Хотя на такой выбор влияет множество факторов, но сравнительно низкая привлекательность Китая – в их числе.

Культурная рецепция и идентификация имеют самый что ни на есть конкретный базовый смысл, но он наиболее труден для обретения. Повысить уровень восприятия китайской культуры в ЦА и углубить чувство сопричастности ей – к этому стремится Китай, но рост степени восприятия и чувства сопричастности предопределяется строительством образа. Без привлекательного для людей образа страны невозможно обрести чувство сопричастности, это долговременный и постепенный процесс. Одним махом этой цели не добиться. Реальной целью является добиться от жителей ЦА понимания китайской культуры, но не заставить их принять её. На современном этапе, по крайней мере, восприятие китайской культуры в ЦА невозможно. Цивилизационные основы Китая и ЦА хотя и различны, но в то же время тесно переплетены, кое в чем слиты воедино, что облегчает взаимопонимание. Китаю следует всеми возможными способами знакомить регион и его жителей с китайской культурой, чтобы они понимали и знали ее, ощущая чувство родственности ей. Распространяя китайскую культуру, следует обращать особое внимание на проявление ее идей и ценностей, раскрывать выдающиеся моральные нормы китайской культуры, отношение к жизни, философские основы, а не ограничиваться обычаями, привычками и прочими поверхностными формами проявления культуры.

Культурный обмен должен быть двусторонним, стимулирующим развитие как китайской, так и центральноазиатской культуры, нельзя ограничиваться распространением культуры Китая в ЦА. Только уважение к иноземной культуре способно, в свою очередь, вызвать уважение другой стороны и облегчить культурное продвижение, пропаганду китайской культуры. Если односторонне продвигать китайскую культуру, но не понимать культурных запросов ЦА, то эту деятельность, по мнению некоторых центральноазиатских ученых, неизбежно будут воспринимать как сугубо политическую, направленную на поглощение ЦА китайской цивилизацией [16]. Постигание чужой культуры интересно и самому Китаю, величие культуры не определяется размерами страны, культура крупных стран не превосходит культуру стран малых. Тем более что только благодаря культурам существует разнообразие.

⁹ В рамках дискурса «теории китайской угрозы» некоторые полагали, что предоставление Китаем льготных кредитов имеет целью установление контроля над ЦА, либо извлечение из региона ископаемых ресурсов в еще больших объемах.

IMAGE CREATION: HOW CHINA CAN GAIN A FOOTHOLD IN CENTRAL ASIA

*Zhao Huasheng, Director, Center for Russian and Central Asian Studies,
Fudan University, Shanghai, China.*

Summary:

Economic cooperation between China and Central Asia is developing successfully, though some unforeseen difficulties emerged in the process of regional integration. The main problem China faces currently is its image factor i.e. the problem of perception of China by the countries and peoples of Central Asia. The main task of China in the construction of Silk Road Economic Belt in the region is to improve and enrich its image and all its components.

Keywords: *Central Asia, China image, integration.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Акаев А.* Россия дана Кыргызстану историей и Богом. [Электронный ресурс]. URL: <http://vidoz.pp.ua/video/2GI29yCi5c5.html>, 22.04.2010
2. Вхождение Кыргызстана в таможенный союз – возврат к естественному и необходимому уровню взаимоотношений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stranradar.com/news/full/5795,14.11.2013>
3. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на пленарной сессии IX форума международного сотрудничества Казахстана и России, 19 сентября 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://kisi.kz/site.html?id=9400>
4. Инвестиции по странам (регионам) мира: указатель. – Казахстан. 2012 г. // НИИ международного торгово-экономического сотрудничества, отдел стимулирования инвестиций министерства торговли и торговый отдел посольства Китая в Казахстане.
5. *Каратаева Л. Р.* Укрепление всестороннего сотрудничества республики Казахстан с Российской Федерацией. [Электронный ресурс]. URL: <http://kisi.kz/site.html?id=10684>, 4 июля 2014
6. Китайско-киргизское торговое сотрудничество. [Электронный ресурс]. URL: <http://kg/chineseembassy.org/chn/jmwl>, 2013.02.09
7. Мигрантов из Кыргызстана беспокоит российская экономика, но они рады сближению с Россией. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stranradar.com/news/full/145119,10.01.2015>.
8. *Ротарь И.* Вводил ли Китай войска в Таджикистан? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbaltru/exussi/201305/13/1127443.html>
9. *Сунь Вэйдун.* Краеугольный камень казахстанско-китайского сотрудничества, участник строительства энергетического шелкового пути - CNPC в Казахстане. [Электронный ресурс]. URL: <http://kz.china-embassy.org/chn/sgxx/sgdt/t1199315.htm>, 2014.10.10.
10. *Сыроежкин К. Л.* Нужно ли Казахстану бояться Китая. Мифы и фобии двусторонних отношений. ИМЭП при фонде Первого Президента. Астана-Алматы, 2014.
11. *Сюй Хайянь.* Трехэтапное разграничение территорий между Китаем и ЦА: итоги и перспективы // «Синьцзян Шэхуй кэсюэ», 2010, №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://euroasia.cass.cn/news/405478.htm>
12. Торгпредство в Казахстане: около 22% жителей Казахстана полагают, что интеграция с Китаем сулит богатые перспективы. [Электронный ресурс]. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/zxhz/tzwl/201409/20140900730543.shtml>, 2014-09-15
13. Торгпредство в Таджикистане: Объем двусторонней торговли Китая с Таджикистаном демонстрирует тенденцию к быстрому росту. Положительное сальдо Китая в торговле с Таджикистаном быстро растет. [Электронный ресурс]. URL: <http://tj.mofcom.gov.cn/article/sqfb/201412/20141200820800.shtml>.
14. *Турсунбеков Ч.* Для Кыргызстана сотрудничество с Россией – наиболее выгодный вариант. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stranradar.com/news/full/7772,12.02.2014>.

15. *Хен И.* Для Китая Центральная Азия – стратегический тыл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php&st=1376465040>, 14.08.2013
16. Эксперт из Киргизии: Захват Средней Азии – одна из долгосрочных задач Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1863906.html>, 09.11.2014
17. *Mashrab F.* Xi Jinping brings out Central Asia Critics. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/CEN-01-240913.html
18. *Mukhametrakhimova S.* China reaps rewards of Central Asian investment. URL: <http://www.universal-newswires.com/centralasia/viewstory.aspx&id=11417>, Feb.20,2012
19. *Nichol J.* Tajikistan: Recent Developments and U.S. Interests, Congressional Research Service, Sept.25.2013.

ЛЯН ХУНЬИ

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА
«МЕР УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ»
В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ И ТАЙВАНЯ
(ТАЙВАНЬ)

*Лян Хуньи, доцент, кафедра дипломатии,
Государственный Университет Чжэнчжи (Тайвань).
E-mail: hylie@nccu.edu.tw*

Аннотация: Данная статья рассматривает процессы, происходившие до образования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Проводится анализ советско-китайских переговоров по делимитации границы, который положил начало укреплению доверия между сторонами в военной сфере и созданию соответствующего механизма сотрудничества. Данное сотрудничество в сфере региональной безопасности можно рассматривать как образец для создания аналогичного механизма взаимного доверия между двумя берегами Тайваньского пролива. В качестве примера взята ШОС, поскольку именно Китай является одной из сторон двусторонних переговоров и реально принимает участие в выработке мер укрепления доверия, положенных в основу сотрудничества в сфере безопасности. Их использование в отношениях Тайваня и Китая может стать примером развития регионального сотрудничества в Восточной Азии в целом (Азиатско-Тихоокеанском регионе).

Ключевые слова: меры укрепления доверия (МУД), ШОС, отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива, российско-китайские отношения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Концепция механизма взаимного доверия между двумя сторонами Тайваньского пролива была предложена много лет назад. Ученые и специалисты по данной проблематике также не раз вырисовывали ее ключевые составляющие. Однако из-за того, что в последнее время отношения между Тайванем и Китаем нельзя назвать благоприятными, китайская сторона потеряла интерес к данной концепции. Она стала темой постоянного обсуждения в научных кругах, не имеющей, однако, больших шансов быть реализованной. Повторно одержав победу на выборах, тайваньская правящая партия Гоминьдан сразу выразила открытую

позицию по отношению к КНР, на что Китай вскоре ответил добрыми намерениями, тем самым подняв двусторонние отношения на новый уровень. Нынешнее правительство дважды предлагало создание механизма по укреплению доверия. Следует отметить, что Министерство обороны также активно изучает данный вопрос и, возможно, скоро прибегнет к мнению военных, не исключая возможности вынесения вопроса на повестку дня. Ученым необходимо изучить целесообразность и возможность данного механизма, опираясь на разные точки зрения и предлагая всевозможные идеи и реальные примеры для обсуждения в общественных кругах.

Само понятие «меры укрепления доверия» (МУД) было введено в оборот Хельсинским Заключительным актом на заседании СБСЕ 1975 года, а последующие документы Стокгольмской и Венской встреч подробнее определили его составляющие. МУД являются международной (европейской) моделью, где ни Китай, ни Тайвань так и не вошли в число реализовавших их стран. В 1989 году СССР и КНР проводили переговоры по определению линии прохождения границы, однако с распадом Советского Союза в 1991 году Китай продолжил вести переговоры с преемницей СССР – Россией, а также советскими союзными республиками Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, создав тем самым «двусторонние переговоры пяти стран». В 1996 году главами государств России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Китая было подписано *Соглашение об укреплении мер доверия в военной области в районе границы*, в 1997 году эти же страны приняли *Соглашение о сокращении вооружённых сил в районе границы*. Данные документы стали примером того, как в процессе мирных переговоров можно создать механизм укрепления доверия, в котором материковый Китай принимает непосредственное участие. В этой связи в статье раскрывается содержание концепции по мерам укрепления доверия, переговорный процесс по описанным выше Соглашениям, в котором участвовала КНР, а также ее позиция по созданию МУД. Представлен раздел, посвященный реальному значению участия Китая в создании мер укрепления доверия между двумя берегами Тайваньского пролива. В нем также описываются результаты исследования относительно возможностей и способов применения данного механизма в отношениях между Тайванем и Китаем.

1. КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА «МЕР УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ»¹

1.1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МУД

Впервые термин «меры укрепления доверия» был введен в оборот Хельсинским Заключительным актом на заседании СБСЕ 1975 года. Они представляли собой три этапа, которые легли в основу революционного процесса «европейских» МУД. Первый этап – закрепление мер укрепления доверия Хельсинским Заключительным актом. Второй этап – документ Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия и безопасности. Третий этап – Венский документ о мерах укрепления доверия и безопасности.

1.1.1. Первый этап мер укрепления доверия – Хельсинки. Заключительный акт. Данный документ затрагивает вопросы предварительного уведомления о крупных военных учениях; уведомления о содержании учений; обмене наблюдателями и военнослужащими. Страны – участницы договора согласно резолюции должны соблюдать такие принципы, как: суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; уважение территориальной целостности государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела других стран; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; развитие сотрудничества между государствами; добросовестное выполнение обязательств

¹ Понятие «меры по укреплению доверия» было введено в оборот Заключительным актом СБСЕ 1975 года. Они направлены на достижение взаимного доверия в военной области путем создания механизма взаимного доверия. Главным образом, они сосредоточены вокруг военной сферы, и так как в названии статьи фигурирует именно «механизм», особое внимание будет уделяться именно этому аспекту. Хотя стоит отметить, что для создания МУД между двумя сторонами Тайваньского пролива, не обязательно начинать именно с военной области.

по международному праву и др. Эти принципы призваны расширить связи между странами-участницами, поддерживать безопасность и стабильность в Европе и во всем мире.

Резолюция подверглась сомнению в плане ее юридических обязательств и не получила должного признания со стороны двух крупных военных держав – СССР и США. Из-за этого не удалось достигнуть больших результатов, однако хорошее начало было все-таки положено. Достигнутые результаты на заседании и документы, принятые на последующих конференциях оказали огромное влияние на изменение международной обстановки. Изменилось не только положение Европы, но и улучшились отношения между странами, повысилась стабильность и безопасность в регионе².

1.1.2. Второй этап мер по укреплению доверия – документ Стокгольмской конференции.

19 сентября 1986 года был подписан документ Стокгольмской конференции СБСЕ, который расширил понятие «меры укрепления доверия и безопасности» до «меры укрепления доверия, безопасности и по разоружению». Данный документ еще больше заострял внимание на значимости военной области и использовании мер для ее контроля. Документ не ограничивался лишь военной сферой, но и затрагивал аспекты политического, экономического и экологического характера. В результате МУД обрели более конкретный, ограниченный и обязательный характер. Были также закреплены такие меры, как приглашение наблюдателей на военные учения; обмен ежегодными планами военных учений, а также меры контроля и ограничения.

Документ Стокгольмской конференции также требовал подтверждения военных операций, предварительных уведомлений о проведении военных учений, об участвующих в них лицах и ограничениях использования оружия. Кроме этого, он разрешил проблему недостатка практических контактов, закрепил принудительные приглашения наблюдателей и меры по организации контроля. Это позволило повысить надежность мер укрепления доверия и безопасности. [5, с. 68–69].

1.1.3. Третий этап мер по укреплению доверия – Венский документ. 17 ноября 1990 года в столице Австрии был подписан Венский документ переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности. Его целью было ослабление кризисов, которые могли возникнуть в результате европейской военной конфронтации. Документ делал акцент на мерах сотрудничества в сфере безопасности, на расширении обмена информацией, созыве конференций, а также на создании сети связи и центра по предотвращению конфликтов.

4 марта 1992 года был подписан аналогичный Венский документ переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности, который предусматривал повышение информированности относительно наличия военной техники у стран – участниц договора, публичное уведомление о размещении новых военных систем, предварительное уведомление об определенных видах военной деятельности, информационный обмен, а также приглашения государств-членов для оценки воинских подразделений и прозрачности военных организаций. Остальная информация содержала похожие условия, описанные в Документе 1990 года [5, с. 69–70].

В ноябре 1994 года на очередном совещании ОБСЕ был подписан «*Венский документ 1994 года переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности*», «*Глобальный обмен военной информацией*». Он предусматривал замену годового обмена информацией оборонного бюджета пятилетним, ужесточал рамки предварительного уведомления о проведении военных учений и отправки военных наблюдателей. Кроме этого в политику национальной обороны и военные планы были включены программы открытого обмена [5, с. 70].

Основное содержание «*Венского документа 1994 года переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности*», «*Глобальный обмен военной информацией*» выглядит следующим образом [5, с. 70–71].

1. Государства-участники будут подавать уведомления в письменном виде по дипломатическим каналам за 42 дня до начала военной деятельности. Военная деятельность

² См.: [5, с. 67], а также «Хельсинский заключительный акт», документы «Стокгольмской и Венской конференции», официальный сайт ОБСЕ «Меры укрепления доверия и безопасности». []. URL: <http://www.osce.org/docs/english/csbme.htm>.

- будет подлежать уведомлению в тех случаях, когда в ней участвуют 9 000 военнослужащих, 250 боевых танков, 500 боевых бронированных машин, 250 артиллерийских орудий и др.
2. В случае участия в военных учениях более 13 тыс. человек, необходимо в течение 21 дня подавать письменное заявление с требованием пригласить наблюдателей за ходом военных учений.
 3. Данные о военных силах организации, личном составе и основных системах вооружения и техники будут представляться в согласованном формате всем другим государствам-участникам не позднее 15 декабря каждого года.
 4. Разработанный механизм консультации и сотрудничества в отношении необычной военной деятельности предполагает оповещение не только об обычной военной деятельности, военных контактах, добровольном сотрудничестве, военных визитах и других видах военной деятельности, но и о любой необычной и незапланированной деятельности их военных сил вне мест их обычного расположения мирного времени.
 5. Ни одно государство-участник не будет проводить в течение календарного года более шести подлежащих предварительному уведомлению мероприятий военной деятельности, в каждом из которых участвуют более 13 000 человек или 300 боевых танков, но не более 40 000 человек или 900 боевых танков.
 6. Инспекционной группе будет разрешено использовать свои собственные бинокли, карты, фотоаппараты и видеокамеры, диктофоны и портативные пассивные приборы ночного видения для подтверждения, что уведомляемая деятельность не несет в себе угрозы.
 7. Государства-участники будут ежегодно проводить совещания для обсуждения текущего и будущего выполнения согласованных мер укрепления доверия и безопасности.

1.2. ТЕОРИЯ, КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА «МЕР ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДОВЕРИЯ»

1.2.1. Теория и концепция МУД. Меры укрепления доверия – это межгосударственный инструмент для снижения напряженной обстановки и избегания опасности военных конфликтов. Следует отметить, что МУД не призваны разрешать уже случившиеся военные столкновения или конфликты. Они создают структуру для предотвращения или уменьшения конфликтов и вооруженных столкновений в силу возникших неопределенностей или недопониманий. Их функция заключается в повышении прозрачности военной деятельности, оказании помощи странам в понимании: существуют ли реальные основания полагать о наличии планов или угрозы со стороны реальных и скрытых противников. Таким образом, МУД посредством реальных фактов и методов освещают военные намерения сторон с целью избежать недоразумений и противостояний.

Первоначально концепция мер по укреплению доверия черпала реальный опыт из военной составляющей. В итоге с целью развить превентивную дипломатию и другие меры сотрудничества в сфере безопасности, а также усилить политическое и дипломатическое влияние и предотвратить отрицательные конфликтные тенденции политические лидеры и дипломаты решили позаимствовать составляющие концепции и практику. [7, с. 2]. В широком смысле МУД охватывают политические, экономические и экологические аспекты, образуя целостность самого понятия. В узком понимании данные меры касаются непосредственного увеличения прозрачности в военной сфере и сфере безопасности, а также уменьшения степени недоверия [6, с. 106–107].

Майкл Крепон из Центра Стимсона (Stimson Center) провел глубокое исследование по мерам укрепления доверия и, основываясь на своем подходе, сделал первые реальные шаги к определению сути механизма, обрисовав его как «меры по предотвращению конфликтов». В данном случае они требуют меньших политических затрат, так как в результате конфликта каждая из сторон все равно понесет явные потери. В этом случае МУД являются деликатными в политическом плане инструментами, скорейшее принятие которых будет способствовать изменению политической среды. Меры по предотвращению конфликтов и меры укрепления доверия могут стать трамплином на пути к миру для того меньшинства политических лидеров, которое вовсе не привыкло рисковать.

Меры укрепления доверия Крепон поделил на три этапа [7, с. 3; 16, с. 4–13], первый из которых представляет собой этап предотвращения конфликтов. В условиях, когда ничто не

угрожает национальной безопасности и нет возможностей для усугубления текущих конфликтов, политическим лидерам противостоящих стран необходимо вступать в базовые или предварительные контакты с целью избежать обострения конфронтации. При помощи соответствующих мер по избежанию конфликтов можно установить базовую сеть безопасности, чтобы предотвратить критическую ситуацию, которая может привести к полномасштабному конфликту. Принятие мер по предотвращению конфликтов не означает мгновенную разработку целостного плана или шагов по избежанию противоречий и укреплению доверия. Они лишь закладывают фундамент мер и подходов к их разрешению [7, с. 3].

Основная цель второго этапа укрепления доверия заключается уже не только в предотвращении разразившегося конфликта и кризиса, но и в дальнейшем построении взаимного доверия. Для его реализации требуется большая политическая поддержка и взаимодействие. В этой связи возникают трудности перехода от первого этапа ко второму. Меры по предотвращению конфликтов носят временный характер и дают быстрые результаты, однако меры по укреплению доверия требуют больших обязательств и практики ради увеличения прозрачности путем приобретения взаимопонимания и доверия. В процессе перехода от стадии предотвращения конфликта до построения доверия прогресс заключается в приглашении иностранных наблюдателей из противоборствующих государств или третьих стран для наблюдения за военными учениями. Помимо этого, процесс перехода также будет успешным, если по ключевым вопросам у стран нет больших расхождений во мнениях. Обычно к серьезным преградам могут привести внутригосударственные проблемы и серьезные стратегические вопросы. Внутригосударственные преграды включают политическую и экономическую ситуацию, сильную оппозицию или основные национальные интересы. Под стратегическими вопросами подразумеваются проблемы развития ядерного оружия или военных союзов [7, с. 3].

Третий этап подразумевает укрепление мира. Если возможно преодолеть препятствия на пути предотвращения военных действий и начать консультации по подписанию мирного договора, то государственные лидеры могут продолжить использовать меры укрепления доверия с целью упрочить мир. Главная цель этого этапа заключается в расширении и углублении существующих форм сотрудничества и создании поступательного движения [7, с. 4].

1.2.2. Структура мер по укреплению доверия. Переговоры, ограничения, прозрачность и контроль – основные инструменты мер укрепления доверия. Посредством стимулирования межгосударственных переговоров и взаимного доверия, создания национальной модели и правил военных действий, а также методов контроля за данным механизмом облегчит предсказание поведения стран и уменьшит недоверие и подозрения [6, с. 108].

1. Меры проведения переговоров: при наличии тенденции к вступлению в конфликт или напряженности отношений страны должны проводить переговоры, что будет способствовать уменьшению напряженности при наступлении кризиса. К переговорам можно прибегать регулярно, например, можно разработать совещательный механизм, где каждая сторона могла бы высказывать свои жалобы, чтобы избежать кризиса до его зарождения. Регулярные меры – региональные переговоры и регулярные совещания [7, с. 4].
2. Ограничительные меры – это когда национальные вооруженные силы каждой страны должны находиться на определенном расстоянии от границы. Необходимо заранее уведомлять о любом движении войск с целью ограничить возможности стран для масштабного нападения. Регулярные меры – это ограничение вооружения в регионе и требования о предварительном уведомлении [7, с. 4].
3. Меры по обеспечению прозрачности – меры, принимаемые государствами в целях содействия открытости военного потенциала и военной деятельности. В качестве первого шага в процессе укрепления доверия особенно стоит отметить транспарентность. Регулярные меры – это требования о предварительном уведомлении, обмен данными и добровольное наблюдение.
4. Меры по осуществлению контроля – сбор данных или подтверждение выполнения государствами условий конкретных договоров или соглашений. Регулярные меры – осмотр с воздуха, при помощи наземных систем электронного слежения, проверка на месте [7, с. 5].

2. ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ МЕР УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ СРЕДИ СТРАН – ЧЛЕНОВ ШОС

2.1. ПРОЦЕСС СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ И СОЗДАНИЕ ШОС

2.1.1. Советско-китайские переговоры по определению линии прохождения границы. С 1980-х годов двусторонние межгосударственные отношения между СССР и КНР стали постепенно улучшаться: стороны начали обсуждать вопросы снижения напряженности на границе. Это имело непосредственное отношение к заявлению, обнародованному во Владивостоке советским лидером М. Горбачевым о желании СССР придерживаться международной практики. СССР также признал, что граница между Советским Союзом и Китаем в ее восточной части могла бы проходить по главному фарватеру Амура. В своей речи Горбачев также говорил об устранении главного препятствия на пути советско-китайских переговоров. Они начнутся с пограничного вопроса, после чего стороны планировали укрепить взаимное доверие в военной сфере в пограничных регионах, перейти к обоюдному сокращению вооруженных сил и в конце выйти на сотрудничество в сфере региональной безопасности.

После подтверждения основных принципов, упомянутых в заявлении, спустя пять раундов переговоров на уровне министров иностранных дел, обе стороны достигли предварительного соглашения о разграничении на восточном участке границы. В мае 1991 года Председатель КНР Цзян Цзэминь прибыл с визитом в СССР, где обе стороны повторно заявили о соблюдении пяти принципов мирного сосуществования и создании базы для развития добрососедских дружественных отношений. Они также подчеркнули, что в налаживании взаимоотношений будет непременно учитываться выбор народа, а путь развития государств будет разрабатываться с опорой на национальные интересы. Министры иностранных дел подписали Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе в её восточной части. Оно устанавливало четкие правила, по которым существующие пограничные споры между двумя государствами должны разрешаться согласно международной практике. Граница между КНР и СССР в ее восточной части будет проходить по главному фарватеру Амура. Мирное разрешение советско-китайских пограничных вопросов привело к налаживанию двусторонних отношений. Мирное разрешение пограничных и территориальных вопросов послужило образцом урегулирования проблем для всего мира [3, с. 120–121].

Когда в мае 1989 года Горбачев прибыл с визитом в КНР, пограничные переговоры были еще в процессе. Тогда стороны пришли к предварительному соглашению, которое предусматривало сокращение вооруженных сил в приграничных районах до уровня, который соответствует нормальным добрососедским и дружественным отношениям. Был положен конец военной конфронтации, устанавливались мир и спокойствие в приграничных регионах. В апреле 1990 года премьер-министр Китая Ли Пэн прибыл с визитом в Советский Союз, где обе стороны подписали *Соглашение о демилитаризации советско-китайской границы и Документ об основополагающих принципах мер по укреплению доверия* [3, с. 130]. Советско-китайские переговоры совпали по времени с распадом СССР. Китай продолжил проводить их со страной – преемницей СССР – Россией, а также союзными республиками Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, создав тем самым модель «двусторонних переговоров пяти стран». В основном она копировала модель переговоров по определению советско-китайской границы, однако спустя четыре года стороны пришли к консенсусу относительно создания механизма мер укрепления доверия по проблемам обеспечения безопасности на границе. В ноябре 1995 года главы пяти государств подписали *Соглашение об укреплении доверия в военной области на приграничных территориях*.

2.1.2. Соглашение о создании «Шанхайской пятерки». В апреле 1996 года президент России Борис Ельцин находился в Китае с официальным визитом, где главы двух стран подписали *Совместную китайско-российскую декларацию*, в которой было провозглашено решение развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке. В том же месяце главы «Шанхайской пятерки» подписали *Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы*. Таким образом, Китай

– с одной стороны, и Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан – с другой, вновь подписали совместный военно-политический документ по формуле «двусторонние переговоры пяти стран».

Стороны договорились о нижеследующем: военная деятельность в приграничных регионах не носит наступательный характер; Стороны не проводят военные учения, направленные против другой Стороны; Сторонам необходимо ограничивать масштабы, географические пределы и количество войсковых учений; географическими пределами применения Соглашения является район, расположенный на глубину в 100 километров по обе стороны от линии границы между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, с одной стороны, и Китаем, с другой стороны; Стороны будут поддерживать обоюдные обмены наблюдателями во время войсковых тактических учений и предотвращать опасную военную деятельность; Стороны будут взаимно укреплять дружественные обмены между пограничными войсками и другими вооруженными силами в приграничных районах. Данное соглашение пересекается с упомянутыми выше трехэтапными европейскими мерами укрепления доверия. Соглашение охватывает такие механизмы их реализации, как переговоры, ограничения, прозрачность и наблюдения.

2.1.3. Меры «Шанхайской пятерки» по укреплению доверия. В апреле 1997 года председатель КНР Цзян Цзэминь прибыл с визитом в РФ, где стороны подписали Китайско-российскую совместную *Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка* и *Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы*. В совместных заявлениях стороны подчеркнули необходимость создания новой концепции общей безопасности, отказа от мышления времен «холодной войны», а также противостояния блоковой политике. Следует отказаться от применения насильственных методов и военного устрашения и мирными средствами разрешать межгосударственные противоречия и конфликты; стимулировать взаимопонимание и доверие посредством диалогов и консультаций; стремиться к миру и безопасности посредством двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы было подписано Китаем – с одной стороны, и Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном – с другой. Стороны сошлись на том, что: Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан сократят вооруженные силы в приграничных районах до минимального уровня, который будет носить оборонительный характер; откажутся от угрозы применения военной силы; не будут стремиться к одностороннему военному доминированию; расположенные в приграничных районах вооруженные силы не будут направлены на нападение; стороны будут сокращать количество основного военного персонала и вооружения, включая пехоту, ВВС, войска ПВО и пограничные войска, расположенные на глубину в 100 километров по обе стороны от линии границы; они определят размер и сроки сокращений; будут регулярно обмениваться данными о военных силах в приграничных районах, а также контролировать исполнение обязательств по договору. Данное *Соглашение* дополняет и конкретизирует подписанное в 1996 году *Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы*. Кроме того, оно является первым соглашением по взаимному сокращению вооруженных сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Соглашение соотносится со второй и третьей мерами по укреплению доверия и укреплению мира, соответственно, предложенными Крепоном. Согласно договору, основными инструментами являются ограничения и наблюдения.

2.1.4. Развитие региональной организации безопасности – «Шанхайской пятерки». В 1998 году на конференции на высшем уровне, прошедшей в столице Казахстана, главы пяти правительств провели первые совместные обсуждения по проблемам противостояния этническому сепаратизму, международному терроризму и другим видам международной преступности. Во время встречи они затронули обширные сферы взаимовыгодного сотрудничества, такие как укрепление регионального доверия, взаимное сокращение вооруженных сил, сотрудничество в политической, экономической, торговой сфере и сфере безопасности. Опираясь на вышеизложенные принципы Алма-атинской конференции, в 1999 году на конференции в Бишкеке во главу угла был поставлен вопрос о дальнейшем построении региональной безопасности и стабильности. Лидеры пяти государств заявили о необходи-

мости совместной борьбы с сепаратистскими и экстремистскими силами, а также такими видами трансграничной преступности, как международный терроризм, контрабанда и наркотрафик. На основе принципов Бишкекской декларации правоохранительные органы стран созвали совещание для совместного обсуждения конкретных и эффективных форм сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью.

В 2000 году в столице Таджикистана Душанбе прошла первая конференция «Шанхайской пятерки» на уровне министров иностранных дел. Она была сосредоточена на наиболее острых вопросах сепаратистской, экстремистской и террористической деятельности в Центральной Азии, которые впоследствии обозначили как «три оси зла». На тот момент они являлись основными причинами нарушения безопасности и стабильности в регионе. Чтобы покончить с этими угрозами, необходимо развивать обширное двустороннее или многостороннее международное сотрудничество. Министры иностранных дел отметили, что «Шанхайская пятерка» будет укреплять дипломатическое и стратегическое сотрудничество, вести борьбу с «неоинтервенционизмом», «гегемонизмом» и «политикой грубой силы» на международной арене. Пять стран решительно выступают против использования вопроса о правах человека как предлога для вмешательства во внутренние дела других государств. Они также поддержали принципиальную позицию КНР по тайваньскому вопросу, а также действия России в Чечне ради сохранения государственного суверенитета и территориальной целостности.

В апреле 2001 года в Москве прошло второе совещание министров иностранных дел, где стороны отметили о необходимости укрепить глобальную и региональную стратегическую устойчивость, развивать и поддерживать контроль над вооружениями и принципы разоружения. Стороны вновь заявили о соблюдении Договора о противоракетной обороне 1972 года и выступили против любых попыток его подрыва. Поскольку он является краеугольным камнем стратегической стабильности и основой сокращения стратегического наступательного вооружения, его подрыв может привести к непредсказуемым последствиям для мира и безопасности, что повлечет за собой цепную реакцию распространения ракет и ракетных технологий.

2.1.5. Создание Шанхайской организации сотрудничества. Ее функции и задачи. ШОС была основана в июне 2001 года лидерами «Шанхайской пятерки» и Узбекистаном, принявшими «Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества» [13] и «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [15]. На саммите лидеров глав государств министры обороны шести стран подписали «Совместное коммюнике» с целью укрепления сотрудничества в военной области и борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма. Они также заняли единую позицию относительно противодействия размещению тактических систем противоракетной обороны в АТР.

В июне 2002 года в Санкт-Петербурге главы государств – членов ШОС подписали Соглашение о Региональной антитеррористической структуре, согласно которому расширились содержание и методы развития сотрудничества в области безопасности. Также было решено основать региональную антитеррористическую структуру в Бишкеке. С расширением соглашения 2001 года в рамках ШОС Китай и Киргизия провели первые совместные пограничные военные учения. Это был первый случай, когда китайская армия провела учения с иностранными войсками. В августе 2003 года страны – члены ШОС акцентировали внимание на проведение совместных военных учений под кодовым названием «совместные действия – 2003» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и на востоке Казахстана. Это были первые совместные многосторонние транснациональные антитеррористические военные учения. Позднее в рамках ШОС на Шаньдунском полуострове в восточной части КНР, примыкающей к нему морской акватории и в РФ во Владивостоке, началась первая совместная тренировка военных сил КНР и России «Мирная миссия – 2005», которая носила антитеррористический характер. В 2007 году совместные учения проводили как на территории РФ в Челябинской области, так и на территории КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (Урумчи). Они явились первыми совместными учениями всех стран – членов ШОС. [8; 9; 10; 11; 12].

2.2. ШОС КАК ПРИМЕР МЕХАНИЗМА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРОВ

Шанхайская организация сотрудничества была призвана смягчить отношения между КНР и РФ, сложившиеся еще в период существования СССР. Однако постепенно организация сформировалась в механизм урегулирования споров и сглаживания пограничной напряженности. Процесс становления ШОС начался с советско-китайских пограничных переговоров и продолжился построением взаимного доверия в военной области и регионального сотрудничества в области безопасности. Сотрудничество затрагивало не только военную сферу, но и области безопасности, соблюдения законов, расширяясь до экономического, торгового и других форм сотрудничества. Однако основной темой оставалось создание пограничных мер по укреплению доверия, сокращение вооруженных сил на границах, сдерживание волны преступлений, в широком смысле – сотрудничество в деле региональной безопасности

3. ОТНОШЕНИЕ КНР К МЕРАМ УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

3.1. ОТНОШЕНИЕ КНР К МЕРАМ УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ

После 1985 года, когда КНР пошла на постепенное углубление отношений с СССР через примирение и проведение реформ открытости, меры укрепления доверия закрепились в Китае не только в форме военной стратегии и стратегии национального развития, но и приобрели определенную ценность для экономического развития. Это побудило Китай к активным действиям в отношении мер укрепления доверия. В 1985 году М. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Он посвятил себя проведению внутрисоюзных реформ и улучшению отношений с Западом. Он также предложил политику «нового мышления», после чего на международной арене произошли значительные изменения. Хотя «холодная война» еще не закончилась к тому времени, международная обстановка стала смягчаться. После прихода к власти Горбачева в двусторонних переговорах с Советским Союзом Китай добился немалого прогресса. Путем последовательных переговоров после 1980-х годов в КНР ослабло беспокойство относительно гегемонистской политики СССР. В 1991 году с распадом Советского Союза закончилась и «холодная война», распалась биполярная система международных отношений. Мир начал двигаться в сторону многополярности. Основные международные вопросы, касающиеся военной сферы, были заменены экономическими, что создало для Китая более благоприятную международную обстановку для экономического развития [18].

В 1980-х годах под руководством Дэн Сяопина Китай придерживался стратегии экономического развития. КНР также отказалась от своей идеологической концепции и прагматично изменила дипломатические цели. Другими словами, Китай поставил перед собой цель независимого и объективного трансформирования международной системы. Он понимал, что от субъективного подхода избавиться будет невозможно, поскольку страны обычно сравнивают по их мощи [4, с. 407–408]. Такая эволюция основной позиции китайской дипломатии способствовала уменьшению противоречий между дипломатической теорией и практикой. Основываясь на переоценке национальной стратегии экономического развития, Дэн Сяопин в 1985 году на расширенном заседании военного комитета предложил сократить вооруженные силы до миллиона, а также изменил основной подход Мао Цзэдуна к международной обстановке «война и революция» на «мир и развитие» [2]. Он также заменил общепринятую военную доктрину «быстрой, масштабной и ядерной войны» на «доктрину военного строительства в мирных условиях» [17]. Хотя экономические реформы сильно пострадали из-за событий на площади Тяньаньмэнь, однако в поездке по южной части страны в начале 1992 года Дэн Сяопин уже не мог отойти от основной цели – стратегии экономического развития Китая.

С изменением в 1985 году внутренней и международной обстановки КНР выдвинула следующую позицию относительно мер укрепления доверия [1, с. 854]: она будет выстраивать политику МУД на основе пяти принципов мирного сосуществования (взаимного уважения

суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования); будет отдавать предпочтение добровольным двусторонним, а не многосторонним мерам укрепления доверия; будет следовать принципу последовательного движения к миру и стабильности с опорой на реальную ситуацию в АТР.

3.2. СТРАТЕГИЯ КИТАЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУД

Основные стратегические цели КНР относительно мер укрепления доверия направлены на предотвращение кризиса и ситуаций, которые могут угрожать ее экономике. В основном они затрагивают:

1. Международный уровень. КНР старается избежать противостояния и конфликты с крупными державами, в особенности с США. В этой связи она будет и дальше придерживаться политики добрососедства.
2. Региональный уровень. Разрешение пограничных вопросов с соседними государствами, такими как Россия, Япония, Индия, Вьетнам.
3. Территориальный суверенитет. Главным образом это связано с Тайваньской проблемой и вопросами вокруг Южно-Китайского моря.

Как правило, Китай практически реализует меры укрепления доверия на основе односторонних, двусторонних и многосторонних отношениях, гарантируя политические и экономические, политические и территориальные интересы. Далее будет дан анализ каждого уровня.

В политической области КНР посредством практики реализации МУД предлагает в соответствии с политическим климатом создать новую концепцию безопасности, которая будет соответствовать обстановке, сложившейся после «холодной войны». Прямой вызов сверхдержаве США на международной арене способен привести к побочным эффектам. Ради поддержания своего влияния в АТР, Соединенные Штаты, начиная с 1990 года, действуют в отношении Китая посредством формулы «контакты и сдерживание». Хотя каждый президент имел свои приоритеты, главной тенденцией все-таки оставалась мирная эволюция отношений с Китаем.

Говоря о военной области, следует отметить, что экономические и военные отношения являются взаимодополняющими. Военная модернизация Китая может стать опорой экономическому развитию, например, посредством гарантий экономических интересов прибрежных районов, а также отстаивания морского суверенитета. Хотя модернизация национальной обороны способствует защите прибрежных и морских экономических интересов, однако это может привести к региональной гонке вооружений между соседними странами, что лишь навредит экономической политике страны. В военной модернизации Китая все большее внимание приковывает к себе неблагоприятная тенденция «теории китайской угрозы». Переломить ее может лишь укрепление мер доверия.

Споры относительно территориального суверенитета, возможно, являются главной скрытой опасностью для экономического развития Китая. МУД в этом отношении все равно, что палка о двух концах. С одной стороны они помогают сократить конфликты и поддержать стабильность, но с другой – есть вероятность загнать себя в ловушку и пасть жертвой суверенитета. В этом контексте КНР имеет как внутренние, так и внешние противоречия. Внешние связаны с вопросами в Южно-Китайском море, внутренние – с тайваньской проблемой.

1. Вопросы территориального суверенитета в Южно-Китайском море, если не включать в нее Тайваньскую проблему, – это вопросы оспаривания Брунеем, Малайзией, Филиппинами и Вьетнамом суверенитета над островами в Южно-Китайском море. В 1992 году страны АСЕАН приняли Декларацию по Южно-Китайскому морю, а в 1999 году провозгласили основные нормы поведения в регионе. Пекин в ответ опубликовал свою версию. Отличия заключаются в том, что АСЕАН настаивает на многостороннем разрешении конфликта, в то время как Китай выступает за урегулирование споров на двусторонней основе; АСЕАН считает, что конфликт охватывает всю территорию Южно-китайского моря, Китай ограничивает его островами Спратли; страны АСЕАН выступают за продвижение двустороннего или многостороннего сотрудничества, в то время как КНР придерживается концепции совместного развития; в китайской декларации не упоминается о требовании АСЕАН прекратить оккупацию островов Спратли, а в декларации АСЕАН не упоминается о требованиях Китая запретить военную разведку, патрулирование и учения.

Несмотря на то, что каждая сторона придерживается собственной позиции, Китай вынужден присоединиться к экономической интеграции. Для этого необходимо достигнуть политического соглашения с другими сторонами по поводу проблемы суверенитета в Южно-Китайском море. Только так можно будет добиться последующего сотрудничества по МУД. В ноябре 2002 года КНР заострила внимание на проблеме суверенитета над островами и подписала со странами АСЕАН «Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море», которая провозглашала, что стороны во всем будут проявлять сдержанность и добиваться разрешения споров только мирными политическими средствами, воздерживаться от односторонних действий, вроде попыток заселения необитаемых островов, оккупирования отмелей, рифов и др. территорий, а также регулировать разногласия конструктивными методами.

Таким образом, в данных вопросах Китай «отодвигает суверенитет на второй план и придерживается принципа совместного развития», чтобы избежать чувствительных вопросов. Такие меры помогут не только отложить переговоры по определению суверенитета над спорными территориями, но и продвинуть сотрудничество в экономической сфере, исключить политический кризис. При объективных обстоятельствах, необходимо всего лишь, чтобы соответствующие страны попали в ловушку совместного развития с КНР. Когда китайская экономика будет устойчиво развиваться, а мировая окажется еще в более глубокой экономической взаимозависимости, стратегическая инициатива в вопросах суверенитета будет полностью принадлежать Китаю.

2. КНР считает Тайвань своей внутренней проблемой, хотя остров имеет все признаки суверенного государства (территория, правительство, народ и суверенитет). Однако в вопросе определения суверенитета, Китай придерживается принципа «один Китай», включая тем самым вопрос о Тайване в число своих внутренних проблем. Данный принцип не только мешает Тайваню двигаться в направлении независимости в рамках международного права, но и пресекает интернационализацию тайваньского вопроса. С началом двусторонних споров относительно принципа «один Китай» китайская сторона прибегла к устрашению в экономической и военной областях, завладев стратегической инициативой. Если Тайвань не согласится с принципом «один Китай», его международные отношения и экономическое развитие сразу будут ограничены со стороны Китая. Однако согласившись с данным принципом, остров сразу попадет в стратегическую ловушку.

На международном уровне тайваньский вопрос исключен из мер укрепления доверия с другими странами. КНР считает, что военное присутствие, планы напасть на Тайвань, применять силу или нет – все эти вопросы находятся в рамках внутренней политики Китая и не нуждаются в наставлениях со стороны США. Становится очевидно, что из-за неразрешенного вопроса между обоими берегами тайваньского пролива, вероятность на успех у МУД крайне мала. Приспосабливаясь к изменениям международной обстановки и национальной политики, Китай сделал меры укрепления доверия инструментом для разрешения споров, улучшения отношений с другими странами, механизмом дальнейшего сокращения международного пространства Тайваня. С целью избежать международного вмешательства в тайваньскую проблему Китай относит ее к сфере внутренних вопросов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

4. АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР УКРЕПЛЕНИЯ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ТАЙВАНЕМ И КИТАЕМ

В качестве примера ШОС выбрана не случайно, ведь именно Китай является одной из сторон участия в двусторонних переговорах и реально принимает участие в создании мер укрепления доверия. Изменения в МУД легли в основу данной Организации сотрудничества в сфере региональной безопасности. Реализация данных мер в отношении Тайваня и Китая может стать эталонным примером развития регионального сотрудничества в Восточной Азии (Азиатско-Тихоокеанском регионе).

Прежде всего, первый этап образования Шанхайского механизма мер укреплению дове-

рия связан с началом советско-китайских переговоров. МУД должны были способствовать переговорам по определению юрисдикции и разрешению пограничных вопросов. По примеру советско-китайских переговоров, обе стороны должны были разрешать вопросы с опорой на международное право. Поэтому, если стороны воспользуются данным принципом, чтобы определить границы юрисдикции, это значительно уменьшит споры и сократит время переговоров.

На втором этапе мер укрепления доверия в военной сфере в пограничных регионах сторонам либо не хватает элементарного доверия, либо они считают, что события развиваются слишком быстро. Можно применить описанную выше европейскую трехэтапную модель по МУД, то есть продвигать развитие мер на основе Хельсинского заключительного акта, Стокгольмского и Венского документов. В 1996 году государства – члены ШОС подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы, содержание которого включало в себя три этапа европейских МУД, а именно: 20 лет их развития – с начала «холодной войны» в 1970 году до ее окончания в 1990 году. За это время страны – члены ШОС смогли пройти каждый этап развития мер укрепления доверия. Данную европейскую модель можно использовать в развитии МУД между Тайванем и КНР, однако копировать при этом ее не обязательно. Обе стороны могут достичь консенсуса в следующих областях: военная деятельность, развернутая в приграничных регионах, не направлена на взаимное нападение; стороны не проводят военные учения, направленные против другой Стороны; Сторонам необходимо ограничивать масштабы, географические пределы и количество войсковых учений; географическими пределами применения Соглашения является географический район, расположенный на глубину в 100 километров по обе стороны от линии границы; Стороны будут поддерживать обоюдные обмены наблюдателями во время войсковых тактических учений и предотвращать опасную военную деятельность; Стороны будут взаимно укреплять дружественные обмены между пограничными войсками и другими вооруженными силами в приграничных районах.

Третий этап можно соотнести с подписанием странами – участницами ШОС в 1997 году Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Этот этап продолжил укреплять доверие в военной сфере, а также переговоры по сокращению вооружений в приграничных районах. Китай и Тайвань могут обратиться к следующим механизмам: к сокращению вооруженных сил в приграничных районах до минимального уровня, существующих в мирное время, которые будет носить оборонительный характер; обоюдное неприменение военной силы или угрозы применения военной силы; Стороны не будут стремиться к одностороннему военному доминированию; расположенные в приграничных районах вооруженные силы не направлены на нападение; Стороны будут сокращать количество основного военного персонала и вооружения, включая пехоту, ВВС, войска ПВО и пограничные войска, расположенные на глубину в 100 километров по обе стороны от линии границы; они определяют размер сокращений и продолжительность; регулярный обмен данными о военных силах в приграничных районах, а также контроль за исполнением обязанностей по договору.

Согласно данной статье, итог третьего этапа – это достижение цели создания механизма МУД. Майкл Крепон обозначил эти три этапа как «предотвращение конфликтов, укрепление доверия и укрепление мира». Укрепление мира он понимал как «возможность преодоления препятствий в разрешении вооруженных столкновений и начала консультаций по подписанию мирного договора». Главная цель этого этапа заключается в расширении и углублении существующих форм сотрудничества и создании наступательного движения. Однако Шанхайская организация сотрудничества имеет намного больше форм сотрудничества. Так, кроме укрепления взаимного доверия и обоюдного разоружения, как Организации она базируется на сотрудничестве в сфере региональной безопасности, фокусируется на разработке программ действий по вопросам, представляющим общий интерес. Формулу мер укрепления доверия в качестве примера между китайской и тайваньской стороной необходимо применять в сотрудничестве с сопредельными государствами в рамках ШОС, таким образом, механизм МУД распространится на весь регион Восточной Азии (Азиатско-Тихоокеанский регион).

ON THE POSSIBILITY OF «CONFIDENCE-BUILDING MEASURES» IMPLEMENTATION WITH REGARD TO CHINA AND TAIWAN

*Liang Hongyi, Assistant professor, Department of Diplomacy,
Zhengzhi State University (Taiwan).*

Summary:

The article describes the process which took place before establishment of Shanghai Cooperation Organization. Under analysis are negotiations between USSR and China on the issue of border delimitation which resulted in strengthening of mutual trust and creation of control mechanism in the sphere of armaments. The said cooperation in the sphere of regional security can be considered as a model for establishment of the similar mechanism of mutual trust between two shores of Taiwan strait. SCO is a proper model because China is a side of bilateral talks and takes real part in working out confidence-building measures as a foundation of security cooperation. The usage of these measures in the relations between Taiwan and China could become a model for development of intraregional cooperation in the East Asia (Asia-Pacific region)

Keywords: *confidence-building measures. SCO, cross-strait relations, Russian-Chinese relations.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

На китайском языке (перевод)

1. Государственный Совет КНР, «Национальная оборона», 21 доклад Государственного Совета КНР, 1998 г.
2. Дэн Сяопин. Речь во время расширенного заседания военного совета. Собрание избранных произведений Дэн Сяопина. — Пекин, 1993.
3. Сюй Тао, Ли Чжун. ШОС: новая концепция безопасности и новый механизм работы. — Пекин, 2002.
4. Чжан Яцзюнь. Практическая оценка 40-й внешней политики КПК // Широкие китайские исследования. — Тайбэй, 1991.

Периодические издания на китайском языке (перевод)

5. Сяо Чаоцин. Меры укрепления доверия по обе стороны пролива // Фонд перспектив. Вып. 3. 2003. Январь.
6. Тан Жэньцзюнь. Позиция КНР по мерам укрепления доверия: практический опыт и применение стратегии // Исследования КНР. Вып. 47. 2004. Март.
7. Ян Юнмин, Тан Синьвэй. Меры укрепления доверия и безопасность в АТР // Проблемы и исследования. Вып. 38. 1999. Июнь.

Газеты на китайском языке (перевод)

8. Антитеррористические военные учения КНР и РФ: очевидные стремления расширить военную мощь // Молодежная газета. 2007. № 5. 31 июля.
9. Военные учения ШОС: очевидные планы гегемонии КПК // Юнайтед Дэйли Ньюс. 2007. № 5. 9 августа.
10. Начало военных учений ШОС: НОАК встает в строй // Молодежная газета. 2007. № 5. 10 августа.
11. Российско-китайские совместные военные учения: глобальная стратегия планирования Азиатских игр // Юнайтед Дэйли Ньюс. 2007. № A16. 31 июля.
12. Ху Цзиньтао лично встретится с Путиным на саммите ШОС // Китайская газета. 2007. № A15. 15 августа.

Интернет-источники

13. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества, ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectsco.org/html/00090.html>.
14. «Хельсинский заключительный акт», документы «Стокгольмской и Венской конферен-

ций», официальный сайт ОБСЕ, «Меры укрепления доверия и безопасности». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/docs/english/csbme.htm>.

15. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectesco.org/html/00091.html>.

На английском языке

16. *Krepon M.* A Handbook of Confidence-Building Measures for Regional Security. – Washington, D.C.: The Henry L. Stimson Center, 1998.
17. *Pillsbury M.* Chinese Views of Future Warfare. – Washington, DC: National Defense University Press, 1998.
18. *Roy D.* «Restructuring Foreign and Defence Policy: The People's Republic of China,» in McGrew, Anthony and Brook, Christopher, eds., *Asia-Pacific in the New World Order*. – London: Routledge, 2000.

На китайском языке

1. 中華人民共和國國務院編, 「中國的國防」, 中華人民共和國國務院公報第21號, (1998)
2. 鄧小平, 「在軍委擴大會議上的講話」, 鄧小平文選 (北京: 人民出版社, 1993)
3. 許濤、李志業, 上海合作組織—新安全觀與新機制 (北京: 時事出版社, 2002)
4. 張雅君, 「四十年中共外交政策實踐的評估」, 張煥卿、段家鋒、周玉山主編, 中國大陸研究 (台北: 三民書局, 1991)

Периодические издания

5. 蕭朝琴, 「兩岸信心建立措施芻議」, 遠景基金會季刊, 第四卷第一期, (2003年1月)
6. 唐仁俊, 「中共對信心建立措施之立場、實踐經驗與策略運用」, 中國大陸研究, 第47卷第1期 (2004年3月)
7. 楊永明、唐欣偉, 「信心建立措施與亞太安全」, 問題與研究, 第38卷第6期 (1999年6月)

Газеты

8. 「中俄反恐軍演武擴野心昭然若揭」, 青年日報, 2007年7月31日, 第5版
9. 「上合軍演中共稱霸圖謀昭然若揭」, 聯合報, 2007年8月9日, 第5版
10. 「上合軍演展開共軍戰鬥群入列」, 青年日報, 2007年8月10日, 第5版
11. 「中俄聯手軍演中亞運籌全球戰略」, 聯合報, 2007年7月31日, 第A16版
12. 「胡錦濤出席上合峰會將晤普丁」, 中國時報, 2007年8月15日, 第A15版

В. И. ДЕНИСОВ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КНДР И ИХ ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Валерий Иосифович Денисов, д.и.н., гл.н.с. Центра исследований
Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО,
Чрезвычайный и Полномочный Посол.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: valery_denisov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные события в политической жизни Северной Кореи после прихода к власти Ким Чен Ына, его борьба с военной верхушкой и попытки укрепить руководящую роль Трудовой партии Кореи и продолжить соответствующую идеологию населения. Оцениваются основные проблемы экономического развития страны и перспективы внедрения рыночных механизмов. Неустойчивость режима и попытки Южной Кореи, Японии и США оказывать давление на Северную Корею при неурегулированности корейской ядерной проблемы автор рассматривает как одну из главных геополитических угроз на пространстве Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Ким Чен Ын, КНДР, ядерная проблема, права человека, политическая борьба.

События, происходящие в Корейской Народно-Демократической Республике и вокруг нее: внутренние катаклизмы (разборки с противниками правящего режима), стихийные бедствия (засухи, наводнения, неурожаи), введение чрезвычайных и получрезвычайных положений, пуски баллистических ракет, взрывы ядерных устройств, военные столкновения в районе демилитаризованной зоны, — практически всегда оказывают влияние как на ситуацию на Корейском полуострове, так и на обстановку в Северо-Восточной Азии в целом. Зачастую это приводило к всплескам напряженности между Северной и Южной Кореей, последний из которых был отмечен в августе 2015 года. В результате корейские стороны не раз стояли на грани военного конфликта с трудно предсказуемыми последствиями.

На протяжении 70-летней истории северокорейский режим демонстрирует способность к выживанию, преодолению острых кризисных ситуаций. Это связано прежде всего с глубоко укоренившимися в обществе традициями конфуцианства, умением вождей и их помощников вовремя разглядеть надвигающиеся опасности и принять меры к их устранению. Это

также связано с особенностями северокорейской ментальности. Характерной чертой корейцев всегда была и остаётся строгая иерархичность как способ существования общества, преданность господину, каковыми в КНДР являются вождь-отец (Ким Ир Сен), вождь-сын (Ким Чен Ир), вождь-внук (Ким Чен Ын).

Ким Ир Сену пришлось пройти наиболее трудный путь к вершине власти, в бескомпромиссной борьбе за лидерство одолеть своих политических противников. Его сын Ким Чен Ир не сталкивался со столь острыми внутренними препятствиями на пути к высшей власти, так как Ким-отец создал условия для передачи ему верховной власти. У Ким Ир Сена было достаточно времени, опыта и сил, чтобы подготовить Ким Чен Ира к управлению страной, убедить политическую элиту поддержать выдвижение Ким Чен Ира в качестве своего преемника. Несогласные с намерением вождя были репрессированы, либо на долгие годы сосланы в лагеря.

Ким Чен Ын в отличие от своего отца не успел получить необходимый объём знаний и практических навыков по руководству страной (Ким Чен Ир скончался внезапно в декабре 2011 года, не дожив до 70 лет). Заметный пробел – отсутствие у Ким Чен Ына опыта в подковёрной борьбе, столкновении лбами сторонников и противников различных точек зрения и подходов к решению конкретных вопросов развития страны. Этим искусством в совершенстве владел Ким Ир Сен. За долгие годы нахождения на вершине властной пирамиды вождь совершил немало ошибок и даже преступлений перед собственным народом, но приобрёл ценный для тоталитарного лидера опыт политического управления. Ким Чен Ир в этом отношении не идёт в сравнение с отцом, несмотря на то, что Ким Ир Сен 20 лет готовил его в качестве своего преемника. Полководец-сын оказался посредственным учеником и слабым педагогом. Внук, как показывает практика его недолгого пребывания главой КНДР, пока не продемонстрировал особых успехов. Страну продолжают сотрясать внутриэлитные конфликты, частые смены среди военно-политического руководства. Политическая ситуация в Северной Корее остаётся напряжённой и трудно предсказуемой.

Смерть Ким Чен Ира обнажила неподготовленность молодого лидера к решению сложных проблем КНДР. Военная верхушка попыталась подмять под себя неопытного вождя, ещё больше усилить позиции военных во всех сферах жизни страны. Попытки Ким Чен Ына несколько потеснить военных, отодвинуть от выполнения несвойственных им задач вызвали сопротивление с их стороны. Первое серьёзное столкновение с генералами вылилось в отставку начальника Генерального штаба Корейской народной армии (КНА) вице-маршала Ли Ен Хо, а затем и его физическое устранение. Среди генералов были произведены аресты и отставки. Трижды меняли начальника Генштаба, пять раз отправляли в отставку министра обороны, причём последний раз глава военного ведомства был расстрелян. Полностью заменены командующие родами и видами вооружённых сил.

Кризис затронул также самый верхний эшелон власти. Многолетний соратник Ким Чен Ира, к тому же его родственник (женат на родной сестре Кима), Чан Сон Тхэк был казнён за попытки «разрушить единство революционных рядов». В поведении и деятельности Чана Ким Чен Ын усмотрел реальную угрозу собственной власти и пошёл на то, чтобы физически устранить опасного соперника, который, кстати говоря, имел поддержку китайского союзника КНДР.

На данном этапе молодому лидеру удалось выиграть схватку у старой гвардии отца. Ким Чен Ын предпринял ряд срочных мер по стабилизации обстановки, усилению партийного контроля на всех уровнях общественно-политической жизни, в особенности в отношении армии, высшего генералитета. Была откорректирована линия «сонгун» (приоритет военного дела). Это, конечно, не означает, что ему удалось полностью отстранить армейские круги от влияния на внутренние политические процессы в стране и экономику. Военный истеблишмент продолжает исподволь оказывать сопротивление новому курсу Ким Чен Ына, стремится сохранить и укрепить политику «сонгун». Это, в частности, подтверждает практическая деятельность нового руководителя. В КНДР осуществляются активные запуски баллистических ракет. В стране идет интенсивная пропаганда военных лозунгов. Время от времени в СМИ появляются заявления северокорейских чиновников о возможности использования ядерного оружия для защиты суверенитета КНДР.

Ким Чен Ын сталкивается сегодня с серьёзными вызовами и угрозами внутри страны и

вовне, на которые необходимо найти соответствующие ответы. Эти ответы могут иметь разноплановые последствия как для политического режима КНДР, так и для общей ситуации на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии в целом.

Сложнейшая внутренняя задача для Пхеньяна – как решить неотложные экономические проблемы, накормить, обути и одеть население, обеспечить более или менее сносные условия жизни людей. Эта задача в числе приоритетной стояла в период правления Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, но так и не была решена. Всё ограничилось пропагандой кимирсеновского постулата о необходимости «поклоняться народу как небу».

Ким Чен Ын и его команда пытаются осуществить ряд мероприятий по стабилизации политической и экономической жизни Северной Кореи.

Во-первых, приняты меры по сплочению клана Кимов, ослабленного и деморализованного в результате расправы с Чан Сон Тхэком. В срочном порядке на важный пост руководителя секретариата ЦК ТПК была назначена родная сестра Ким Чен Ына Ким Ё Чжон. Этот пост может стать для неё хорошим трамплином для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице.

Во-вторых, проводятся чистки в партийно-государственном и военном аппаратах, из которых изгоняются все, кто замечен в симпатиях к Чан Сон Тхэку или в недостаточно лояльном отношении к новому лидеру. Наиболее близкие к Чану люди расстреляны, другие посажены в тюрьмы, третьи направлены в трудовые лагеря для перевоспитания. Кое-кому удалось покинуть страну, скрыться за границей. Южнокорейские источники утверждают, что среди таковых есть весьма важные фигуры, имена которых не разглашаются.

В-третьих, Ким Чен Ын стремится укрепить позиции и авторитет партии в обществе, особенно в армии. На различных партийно-политических форумах он постоянно подчёркивает необходимость повышения ответственности партийных кадров за выполнение решений ЦК ТПК, которая была в значительной степени подорвана в период правления Ким Чен Ира, когда доминировал лозунг «армия – это и партия, и нация, и государство». Не отказываясь от политики «сонгун», Ким Чен Ын пытается установить «единую систему руководства» наподобие той, которая существовала в период правления его деда и отца. Суть системы – беспрекословное выполнение указаний и распоряжений только высшего руководителя. Неожиданная смерть Ким Чен Ира прервала процесс формирования «системы руководства Ким Чен Ына», что стало одной из причин кризиса в правящей верхушке.

В-четвёртых, новый лидер обратился к испробованному его предшественниками средству воспитания населения – мощной индоктринации всех слоёв общества. Наиболее интенсивной идеологической обработке подвергаются чиновники всех уровней, а также офицерский состав вооружённых сил, органы безопасности. Идеологической доктриной партии и государства объявлен «кимирсенизм-кимчениризм», в основу которого положены националистические идеи «чучхе» (самостоятельность, независимость, человек сам себе хозяин).

Власти КНДР проводят на протяжении текущего года широкую пропагандистскую кампанию по случаю 70-летия образования Трудовой партии Кореи (10 октября), которая, судя по всему, призвана создать в обществе образ молодого, энергичного, умного вождя, достойного величию своего деда и отца. В стране выпущены новые значки с изображением «трёх Кимов» – вождя, полководца и Ким Чен Ына, которые вручаются наиболее преданным сторонникам молодого руководителя. Новый значок, как полагают эксперты, символизирует, что Ким-внук получил статус, аналогичный статусу деда и отца, то есть стал вождём граждан Северной Кореи.

В последнее десятилетие северокорейское общество заметно заразилось идеологически вредными с точки зрения властей целями и привычками. Из Китая и Южной Кореи в страну по разным каналам, в том числе путём запуска с Юга воздушных шаров, проникают материалы антисеверокорейского содержания. Такие материалы обнаружены даже в армейских подразделениях. Власти повсюду принимают меры по ужесточению контроля. По указанию Ким Чен Ына, из представителей органов безопасности и партийных пропагандистов сформированы специальные группы, которые занимаются изъятием антиправительственных материалов. В Пхеньяне и других городах проведены аресты распространителей идеологически вредной продукции.

В-пятых, Ким Чен Ын, отдавая дань заслугам деда в создании северокорейского государства, стремится особо выделить «величайший вклад» отца в развитие страны, превращение

её в ракетно-ядерную державу, что, как считают в КНДР, гарантирует не только выживание, но и процветание Северной Кореи. Здесь нельзя не отметить, что при всех трудностях жизни население испытывает большее уважение к Ким Ир Сену, чем к его сыну. В кимирсеновский период люди жили лучше, получали более высокие нормы продовольственного обеспечения. «Эпоха Ким Чен Ира» связывается в сознании людей с массовым голодом, унёсшим жизни миллиона граждан КНДР.

В-шестых, несмотря на экономические и финансовые трудности, режим Ким Чен Ына продолжает направлять значительные по стандартам Северной Кореи средства на военные цели. Провозглашённая Ким Чен Ыном политика одновременного развития экономики и ядерных сил (аналог кимирсеновского курса 1960-х годов на параллельное развитие экономического и оборонного строительства) объявлена здесь чуть ли не панацеей от всех бед. Северокорейская пропаганда утверждает, что развитие ядерного комплекса будет способствовать быстрой модернизации всей экономики.

Власти направляют усилия на то, чтобы накормить народ, ускорить развитие сельскохозяйственного производства. В последние годы здесь осуществляются так называемые «меры 28 июня 2012 года», суть которых состоит в создании вместо кооперативов фермерских хозяйств. Нововведения дают определённый положительный результат. В последние два года увеличилось производство зерновых (более 5 млн тонн), что позволило несколько снизить напряжённость в обеспечении населения продовольствием. Однако страна по-прежнему нуждается в импорте продовольственных товаров. Международные поставки продуктов питания продолжаются, хотя их объёмы заметно сократились. Многие страны ввели против КНДР санкции из-за её ракетно-ядерной деятельности, прекратив оказание гуманитарной помощи. В текущем году продовольственная ситуация осложнилась. Страну захлестнула засуха. По оценкам экспертов, недобор зерна в Северной Корее может составить более 20 % (1 млн тонн), что потребует срочной международной помощи. С июля 2015 года норма продовольственного пайка урезана с 400 г до 310 г на человека в сутки.

В промышленном секторе КНДР осуществляются так называемые «меры 30 мая 2014 года», согласно которым руководители предприятий наделены правом распоряжаться произведённой продукцией. После расчётов с государством директор завода самостоятельно решает, как использовать оставшуюся продукцию.

Наблюдаемое в КНДР оживление рыночных отношений способствовало некоторому росту валового национального дохода на душу населения (ВНД), который, по оценкам южнокорейцев, превысил 1 200 долл. (в Южной Корее – более 28 тыс. долл.). Показатель этот в сравнении с южнокорейским достаточно скромный. Однако курс на продолжение внедрения рыночных механизмов, судя по всему, взят новым руководителем КНДР всерьёз и надолго, если, конечно, не случится что-то такое, что заставит Ким Чен Ына отказаться от нововведений. Ким Чен Ир, как известно, тоже начинал так называемые «государственные мероприятия», но провалы в финансово-экономической области, ужесточение внешнего давления на Пхеньян вынудили его отказаться от рыночных экспериментов. Под давлением этих обстоятельств и под влиянием консервативного крыла своих соратников полководец пришёл к выводу об угрозе политической системе КНДР, суверенитету государства. Скромные рыночные реформы были свёрнуты.

Проблема неустойчивости нынешнего режима в Северной Корее таит в себе серьёзную угрозу для ситуации в Северо-Восточной Азии. Аналитики пытаются просчитать возможные варианты развития обстановки в КНДР, но сделать это достаточно трудно, учитывая практически полную закрытость северокорейского общества. Тем не менее специалисты не исключают возможность открытого недовольства населения, отказа северокорейской армии выполнять приказы по силовому подавлению народного бунта. Такой сценарий может спровоцировать ввод вооружённых сил Южной Кореи на территорию КНДР, а также спецподразделений армии США для взятия под контроль северокорейского ядерного арсенала. При таком развитии событий нельзя исключать вовлечённости Китая, который связан с КНДР военно-политическим договором. Пекин не может допустить поглощения Северной Кореи сеульским режимом. Для Китая КНДР имеет важнейшее стратегическое значение, сдерживая приближение военных структур США к его границам (протяжённость линии северокорейско-китайской границы составляет 1 367 км.). Здесь также нужно учитывать то, что

в состав Корейской народной армии входят элитные подразделения, находящиеся в непосредственном подчинении Ким Чен Ына. Эти подразделения хорошо экипированы, вооружены и воспитаны в духе «беспредельной преданности Верховному главнокомандующему». Они готовы защищать маршала «ценою собственной жизни». Иными словами, это — камикадзе, «закалённые идеями кимирсенизма-кимчениризма». Именно на эти части в основном делает ставку режим в случае дестабилизации обстановки в стране.

Вмешательство Южной Кореи во внутривластные неурядицы в КНДР может спровоцировать военный конфликт между корейскими сторонами, что повлечёт за собой массовый исход людей из Северной Кореи на Юг, в Китай, а также в Россию. В КНР и РК прогнозируется такое развитие событий, и там готовятся к возможному приёму немалого количества беженцев. Китайцы и южные корейцы выделили специально подготовленные территории для расселения северокорейских беженцев. В Приморском крае РФ или в других регионах Дальнего Востока, насколько известно, такая работа не проводится.

В случае серьезного военного конфликта на полуострове нельзя исключать применение северокорейской армией ядерного оружия. Угроза его использования возрастает в условиях хаоса и потери управляемости государством и вооружёнными силами. Это — наиболее опасный вариант развития ситуации в КНДР, вероятность которого на сегодняшний день невелика.

Серьёзная угроза северокорейскому режиму исходит от РК, США, Японии, практически от всего западного мира, оказывающего нарастающее давление на Пхеньян и требующего прекращения ракетно-ядерных программ, отказа от ядерного оружия, возвращения в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), выполнения договорённостей, зафиксированных в Совместном заявлении 2005 года участников шестисторонних переговоров (РФ, КНР, США, Япония, КНДР, РК). Вашингтон, Сеул и их союзники ввели строгие санкции в отношении Северной Кореи. Санкционный режим введён также Советом Безопасности ООН. Попытки Пхеньяна ослабить международное давление не дают желаемых результатов. Руководство КНДР неоднократно заявляло, что оно не отступит от своей линии на укрепление ракетно-ядерного потенциала, так как США стремятся сменить политическую систему КНДР и ликвидировать её государственность.

Вашингтон не скрывает своих планов добиться ликвидации КНДР с политической карты мира и делает всё возможное, чтобы северокорейский режим рухнул под тяжестью собственных проблем. Теоретически это возможно, если Китай оставит своего союзника один на один с США, прекратит оказание помощи. Однако это вряд ли случится. Пекин не бросит Северную Корею, геополитическое положение которой жизненно важно для Китая, его интересов в Северо-Восточной Азии.

Противники КНДР усиливают политическое давление на неё по проблеме прав человека. Если быть объективным исследователем, то надо признать, что эта проблема действительно существует в Северной Корее. Вся юридическая система КНДР построена на указаниях вождя о необходимости твёрдо и последовательно защищать политический строй, ни под каким предлогом не допускать проникновения чуждой «кимирсенизму-кимчениризму» идеологии, взглядов, привычек. За нарушение этих основополагающих установок граждане подвергаются жестоким репрессиям, включая расстрелы. Уголовный кодекс и другие законодательные акты КНДР содержат около десятка статей, предусматривающих самые серьёзные наказания. В северных районах КНДР, куда нет доступа иностранцев, созданы лагеря для политических заключённых. Международные правозащитные организации заявляют, что в Северной Корее насчитывается от 100 до 150 тыс. политзаключённых. Согласно южнокорейским источникам, с 2000 года по настоящее время в КНДР казнено около 1 400 человек. Эти сведения получены в основном от северокорейских перебежчиков, которым удалось покинуть КНДР и переселиться в Южную Корею, США, страны Западной Европы, и опубликованы в «Белой книге по правам человека в Северной Корее», изданной в РК в июле 2015 года.

Пхеньян категорически отвергает как наличие лагерей, так и политзаключённых. Если ранее северокорейские власти старались не обращать должного внимания на призывы международных правозащитных организаций, требовавших прекращения преследования инакомыслящих, всячески открещивались от обвинений в нарушении прав человека, то в

последнее время Северная Корея стала активно противостоять нарастающему давлению извне по правозащитной тематике. Власти КНДР сильно озабочены докладом ООН о состоянии дел с правами человека в Северной Корее, обсуждением этого вопроса на Генассамблее и в СБ ООН, особенно содержащимся в докладе предложении привлечь к уголовной ответственности руководителей страны. КНДР противопоставила жёсткой пропагандистской атаке против неё не только официальные протесты, но и активные дипломатические демарши. Министр иностранных дел КНДР Ли Су Ён принял личное участие в сессии Совета ООН по правам человека (март 2015 года). В выступлении на сессии Ли потребовал аннулировать резолюцию по правам человека, принятую Генассамблеей ООН, так как она, по его словам, «очерняет северокорейскую действительность и призывает к смене власти в КНДР».

В настоящее время тема прав человека в КНДР стала одним из главных рычагов политического давления на неё. Пхеньян огрызается, обещает «расправиться с США и их марионетками на Юге». Особую ярость в КНДР вызвало открытие в Сеуле офиса ООН по правам человека на Севере.

Серьезное влияние на внутривнутриполитическую обстановку оказывает тесное сотрудничество Южной Кореи с США и Японией по северокорейской проблематике. Фактически против КНДР сформирован мощный трехсторонний альянс в составе США, РК и Японии, призванный в конечном итоге ликвидировать северокорейский режим и объединить Корею под эгидой Сеула. При этом единая Корея мыслится как союзник США, где будут сохранены американские вооруженные силы. Отношение к Северной Корее – это тот вопрос, который не вызывает противоречий, а, напротив, объединяет РК и Японию. Сеул и Токио рассматривают КНДР как реальную угрозу собственной безопасности.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Первое. За четыре года правления Ким Чен Ына политическая обстановка в КНДР оставалась напряжённой. Ким столкнулся с противодействием со стороны военных и части бюрократии, пытавшихся сохранить в неприкосновенности привилегии и властное положение в обществе. Молодому лидеру удалось достаточно быстро взять под контроль ситуацию, устранить противников, освободиться от некоторых соратников отца, осуществить ряд мероприятий по повышению роли партии, укрепить собственную команду, ускорить обновление политической элиты. Для Кима особенно важно сегодня добиться того, чтобы народ увидел в его лице «нового Ким Ир Сена», способного придать динамизм северокорейскому социализму, улучшить жизнь народа.

Второе. Частичное внедрение рыночных механизмов позволило несколько оживить экономику. Процесс этот идёт непросто. Партийные и государственные органы строго следят за тем, чтобы не допустить недовольства населения, в зародыше ликвидируют любые его проявления. При этом власти понимают, что если народ будет накормлен и сыт, то он, естественно, потребует больших свобод и прав. Поэтому делается все, чтобы «не переборщить» с благосостоянием населения.

Несмотря на всю осторожность при проведении преобразований, в стране появились богатые по местным меркам люди (владельцы мастерских, ресторанов, хозяева частных магазинов и т. д.), которые наряду с благополучным партийно-государственным чиновничеством вызывают зависть и даже ненависть у простых корейцев. Доходы богатой прослойки общества, хотя и медленно, но растут, а основная масса населения продолжает едва сводить концы с концами. Пропась между богатыми и бедными становится все более глубокой. Власти опасаются, что страна может превратиться в пороховую бочку и пытаются поддерживать «регулируемое благосостояние» народа, что означает жесткий контроль за политическими настроениями населения, неспешное увеличение, если, конечно, появятся дополнительные ресурсы, норм потребления основных продуктов питания.

На протяжении всей истории КНДР, правления Ким Ир Сена, Ким Чен Ира и нового лидера Ким Чен Ына в стране не отмечены крупные массовые вспышки недовольства населения, которые ставили бы под угрозу существование политического режима. Отдельные случаи выступлений людей с требованиями улучшить продовольственное обеспечение

имели место, но были жестоко подавлены властями. В период правления Ким Чен Ира в северных районах КНДР люди взбунтовались из-за того, что местные власти не выдали обещанные подарки ко дню рождения полководца (16 февраля). Бунт был подавлен, провинциальное партийное и государственное руководство было заменено новыми людьми.

Третье. Неурегулированность северокорейской ядерной проблемы остаётся одним из главных факторов перманентной нестабильности в регионе. Шестисторонние переговоры, к сожалению, не привели к решению проблемы, хотя и создали задел для продвижения мирного процесса. Для возобновления переговоров необходимы, по крайней мере, три условия: 1) США должны отказаться от попыток сменить власть в Северной Корее; 2) КНДР должна быть убеждена в том, что Вашингтон не намерен ликвидировать северокорейскую государственность; 3) КНДР должна иметь право на мирный атом в соответствии с международными соглашениями и нормативами МАГАТЭ. Вашингтон время от времени заявляет, что не собирается свергать северокорейскую власть, но Пхеньян не доверяет американцам и отказался от диалога с ними. Если КНДР и США не удастся договориться, то кризис затянется на долгие годы, что, естественно, негативно отразится не только на обстановке на Корейском полуострове, но и на ситуации во всей Северо-Восточной Азии. Кроме того, это ослабит международный режим ядерного нераспространения.

В сложившейся ситуации следует, на наш взгляд, попытаться использовать опыт разрешения иранского ядерного кризиса, имея в виду возможность размена северокорейской ядерной программы на пакет договорённостей, приемлемых для всех заинтересованных государств и прежде всего для корейских сторон. В пакет можно было бы включить такие положения, как отказ США от смены власти в КНДР, снятие политических и экономических санкций с Северной Кореей, право Пхеньяна на мирное использование атомной энергии, оказание КНДР международного экономического и инвестиционного содействия. Кроме того, необходимо выработать и принять дорожную карту, в которой зафиксировать последовательность действий КНДР и других стран – участниц шестисторонних переговоров по выполнению взятых на себя обязательств.

Четвёртое. Все более серьёзным фактором, который имеет целью дестабилизацию северокорейского режима, становится активно раскручиваемая США и их союзниками проблема прав человека в КНДР. Вашингтону, Сеулу и Токио удалось сформировать в международных организациях – ООН, Совет ООН по правам человека и др. – устойчивое мнение о грубых нарушениях прав человека в Северной Корее. США и Южная Корея, судя по всему, ведут дело к тому, чтобы вынести эту проблему на обсуждение международного уголовного суда в Гааге и в конечном итоге добиться осуждения северокорейского руководства. В КНДР понимают исходящую для нее опасность и заметно активизировали усилия по противодействию этой американской затее.

Пятое. Для России очень важно, чтобы все, что происходит внутри КНДР, все изменения, которые там намечались и которые могут произойти в будущем, не привели бы к дестабилизации обстановки, а, наоборот, способствовали бы укреплению внутренней стабильности, решению острых социально-экономических проблем, разрядке напряженности вокруг Северной Кореи, в целом на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

Решение главного на сегодняшний день вопроса Корейского полуострова – ядерной проблемы, как представляется, следует искать на основе Соглашения 2005 года, возобновления шестистороннего переговорного процесса, который является наиболее подходящим форматом урегулирования кризиса. При этом важно использовать стремление Пхеньяна к активизации сотрудничества с нами с тем, чтобы убедить его сосредоточить внимание и имеющиеся ресурсы на решении неотложных задач развития. Следует также укреплять российско-китайское взаимодействие в урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова как в рамках шестисторонних переговоров, так и на двусторонней основе.

HOME POLICY CHANGES IN NORTH KOREA AND ITS POSSIBLE IMPACT
ON THE SITUATION IN NORTH-EAST ASIA

*Valeriy Denisov, Chief Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute of
International Studies, MGIMO-University*

Summary:

The article describes main events in the political life of North Korea after Kim Chen-In rise to power, his struggle with military leadership and attempts to strengthen the role of North Korea Labour Party accompanied by further indoctrination of the people. Main problems of economic development and the prospect of market regulation implementation are being assessed. Instability of the regime and attempts of South Korea, Japan and US pressurize North Korea along with nuclear problem being far from settlement is considered as one of main geopolitical threats in the North-East Asia.

Keywords: *North Korea, Kim Chen- In, nuclear problem, human rights, political struggle.*

М. А. КОНАРОВСКИЙ

АФГАНСКИЕ ВЫЗОВЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕКОНФИГУРАЦИЮ ИНОСТРАННОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ

*Михаил Алексеевич Конаровский, к.и.н., ведущий научный сотрудник
ИМИ МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный посол.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: takonarovsky@gmail.com*

Аннотация: *Размах терроризма Исламского государства на Ближнем Востоке подпитывает нестабильность в южном подбрюшье России. Террористическая активность в ИРА начинает все больше диверсифицироваться и за счет экспансии в северные районы страны идеологии и боевиков ИГИЛ. Реконфигурация пребывания войск США и НАТО после вывода их основного контингента не способствовала стабилизации в ИРА, которая продолжает сталкиваться со всем комплексом нерешенных проблем. Это обстоятельство вынудило Вашингтон продлить до 2017 года военное присутствие в Афганистане на фоне новых шагов по закреплению своих позиций в Центральной Азии.*

Ключевые слова: *терроризм, ИГИЛ, Афганистан, талибы, Центральная Азия, Россия, Китай, США.*

При всей многочисленности, сложности и взрывоопасности проблем современного мира на первый план уже совершенно определенно вышла проблематика терроризма. В этом контексте от международного сообщества требуется, срочно отбросив имеющиеся разногласия, сколь бы велики они ни были, создать единый фронт для бескомпромиссной борьбы с этим разрушающим мировой порядок и всю человеческую цивилизацию явлением.

Хватит ли на это политической воли и мужества, покажет время, хотя надежды на это, очевидно, невелики. Более того, действия Турции, сбившей над Сирией российский бомбардировщик, наиболее наглядно высветили многочисленные факты двойных стандартов и «скрытой повестки дня» в политике региональных государств и мировых держав.

Борьба с терроризмом для России – не просто слова. Страна уже неоднократно подвергалась его жестоким атакам. Последнее свидетельство этому – крушение в результате взрыва авиалайнера над Синайским полуостровом. Предпринятые Антитеррористическим комитетом страны дополнительные меры по обеспечению безопасности населения весьма акту-

альны в связи с тем, что лидеры ИГИЛ неоднократно открыто заявляло о претензиях на перенесение джихада на территорию России и включение ее территории в свой планируемый всемирный халифат. Периодические сообщения о раскрытии ячеек экстремистов в различных российских регионах, о вербовках граждан страны в ряды Исламского государства, о ликвидации боевиков на Северном Кавказе и т. д. свидетельствуют о том, что террористическая угроза, как и угроза наркотическая, и дальше будет стоять в приоритетном списке задач Кремля по обеспечению национальной безопасности государства.

В этом контексте весьма актуальным является вопрос о том, откуда воинствующий исламистский интернационал может, уже в ближайшей перспективе, нанести России ответный удар. Помимо весьма серьезного внутривосточного фактора, к которому в последнее время добавляется и кавказский регион, таким направлением может стать южное подбрюшье страны, где угрозы, прежде всего, идут через Центральную Азию из Афганистана. Многолетний кризис в этой стране, имея собственную внутреннюю динамику, одновременно тесно связан со стремительным развитием событий на Ближнем Востоке. Как отголосок обостряющегося противоборства с ИГИЛ в Сирии и Ираке в октябре 2015 года он отозвался неожиданным для центральных властей захватом талибами Кундуза, расположенного менее, чем в сотне километров от границы с Таджикистаном. Несмотря на то, что вскоре талибы оставили город, этой акцией они продемонстрировали твердое намерение продолжать линию на активное вооруженное противостояние с правительством. Кабульские власти были на грани паники, а президент США Б. Обама, признав «недостаточную боеспособность» афганской армии, был вынужден объявить о решении сохранить в ИРА нынешнюю численность американских войск и на будущий год¹. К 2017 году они могут быть сокращены почти вдвое, однако окончательное решение будет принимать уже следующий президент США. В этом же контексте уместно напомнить о том, что окончательный вывод американских войск из Афганистана был одним из главных пропагандистских лозунгов Б. Обамы еще в его первой предвыборной кампании. Перед тем, как в 2011 году объявить-таки о выводе войск, он увеличил их еще на 30 тыс. военнослужащих, доведя контингент до 150 тыс. (то есть фактически сравнявшись с контингентом войск СССР на пике его военного присутствия в Афганистане в 1980-х годах). Временно сохранить в ИРА свои контингенты Вашингтон призвал и другие страны НАТО, что поддержал и ее Генеральный секретарь Й. Столтенберг. Первым откликнулся Берлин, который, в том числе, в силу своих исторических связей с Афганистаном всегда отличался особой активностью в весь период пребывания иностранных войск в Афганистане после свержения в 2001 году режима талибов. Талибы же ответили готовностью продолжать боевые действия в Афганистане до тех пор, пока США и Запад не выведут все свои войска.

Год, прошедший после окончательного вывода из ИРА основной части иностранного воинского контингента, не привел к реализации слабой надежды на способность кабульских властей справиться со сложнейшими задачами по стабилизации обстановки и обеспечению мирного строительства в Афганистане. Перешагнуть через них страна, во всяком случае пока, оказалась неспособной. Все это, как бы ни хотелось думать иначе, на долгие годы предопределяет нестабильное будущее ИРА. При этом особых иллюзий на этот счет не питал никто, включая и Вашингтон, а вывод войск стал для него, по существу, вынужденной необходимостью, вызванной внутривосточной конъюнктурой. Этим можно объяснить и некоторую легковесность и непоследовательность в линии Б. Обамы на реализацию задачи вывода из ИРА американского и натовского контингентов. Западные рецепты, как ранее и советские, отказывались приживаться на афганской земле. За более чем десятилетний срок пребывания в ИРА войск США и НАТО, а также массивного финансово-экономического вливания страна все еще ассоциируется с термином «несостоявшееся государство». ИРА остается в плену трайбалистской этнорелигиозной раздробленности и средневековых предрассудков.

Проявлением провала миссии Вашингтона в ИРА была неспособность нанести решающий удар как по Аль-Каиде (место которой теперь все активнее занимает ИГИЛ), так и по вооруженным талибам. Принципиальный же вывод, который напрашивается по следам недавних событий на севере Афганистана – подтверждение слабости его центральной вла-

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/15/statement-president-afghanistan.

сти. Все это происходит на фоне перманентного экономического кризиса, когда Кабул продолжает ориентироваться, прежде всего, на массивную внешнюю помощь, а основой экономики остается выращивание и нелегальное распространение наркотиков. Эксперты признают, что вооруженные силы ИРА, хотя и лучше экипированы, тем не менее не способны нанести талибам фатального ущерба [4]. В связи с этим весьма чувствительным остается вопрос о внутренней мотивации солдат и офицеров национальной армии, в рядах которых царит низкий моральный настрой и традиционные настроения дезертирства. Все это вынуждены признавать и США, чем, по существу, и было вызвано последнее решение Б. Обамы, принятое, думается, без особого энтузиазма.

Как известно, еще задолго до вывода из ИРА иностранных войск эксперты просматривали несколько сценариев дальнейшего развития обстановки в стране. Наиболее пессимистичный связывался с возможным крахом существующих структур и приходом к власти талибов, а оптимистичный — с сохранением нынешнего режима, возможно, в несколько модифицированном виде и с определенным участием его нынешних оппонентов. Думается, что в долгосрочном плане именно такой вариант был бы наиболее приемлемым и реалистичным как для самой страны, так и для ее непосредственных соседей, а также крупных внешних игроков. Разрешение комплекса всех этих проблем возможно только на основе прочного консенсуса среди многочисленных элит страны, включая региональных авторитетов и разномасштабную вооруженную оппозицию. Вопрос заключается лишь в том, как достичь такого консенсуса? Сохранение общей неопределенности в ИРА, фактор традиционной взаимной настороженности и недоверия местных элит, перманентная война всех против всех только усугубляет ситуацию.

Год вывода из Афганистана войск США и НАТО ознаменовался также проведением в стране новых президентских выборов, которые завершили более чем десятилетнее правление президента Х. Карзая. Из когда-то малоизвестного в стране и за рубежом деятеля он со временем превратился в политического тяжеловеса, прошедшего эволюцию от полной поддержки политики США в Афганистане до одного из ее наиболее активных критиков. Последним жестом Х. Карзая перед уходом с поста был демонстративный отказ подписать с Вашингтоном *Соглашение о сотрудничестве в области безопасности и новом статусе пребывания в ИРА американских войск*, окончательное решение вопроса он оставил таким образом за своим преемником. Тем самым Х. Карзай окончательно развязал себе руки для дальнейшего политического маневрирования, вплоть до возможных претензий на возвращение во власть. Процесс же выборов нового президента в 2014 году в очередной раз продемонстрировал глубину и запутанность всех афганских проблем. В результате политической сделки, совершенной под давлением США, новым главой государства стал пуштун А. Гани, а «главным исполнительным лицом» правительства национального единства — его многолетний политический оппонент, бывший министр иностранных дел, наполовину таджик А. Абдулла. Однако слабость и конституционная сомнительность новой коалиции была предопределена с самого начала, поскольку последняя должность не предусмотрена конституцией страны. Более того, длительный и болезненный процесс назначения руководителей основных ведомств, особенно силового блока, стал очередным проявлением всех афганских неопределенностей.

Талибы же, вдохновленные начавшимся выводом из ИРА иностранных войск, стремились всемерно закрепить свои позиции, и в настоящее время, по оценкам ООН, они уже присутствуют почти в двух третях афганских провинций. Тем не менее энергичное внешнеполитическое маневрирование новых лидеров Кабула завершилось проведением под эгидой Пекина и Исламабада (а также негласно Вашингтона) двух раундов переговоров с талибами, которые вновь зашли в тупик. Основной проблемой вооруженной афганской оппозиции, впрочем, как и центрального правительства, всегда являлось отсутствие единства. Многие полевые командиры талибов перманентно стремились и стремятся к максимальной «свободе рук» как на военном, так и на политическом поприще. Смерть многолетнего формального лидера талибов — муллы М. Омара летом 2015 года (во всяком случае, именно тогда ее официально признали ближайшие соратники муллы) привела к новой расстановке сил. Кандидатура нового предводителя — муллы А. Мансура устроила не всех, в том числе в первую очередь ближайших родственников бывшего главного талиба. Поэтому нельзя было исключать, что

именно для консолидации своей власти тот сразу же занял особо жесткую позицию в отношении Кабула, продемонстрировав свои возможности и на примере событий в Кундузе. Гибель и самого А. Мансура в начале декабря 2015 года в результате вооруженного конфликта с собственными сторонниками стала красноречивым подтверждением сохраняющегося глубокого кризиса в движении Талибан и отсутствия единого консолидирующего начала среди противников Кабула. С одной стороны, теоретически это должно было бы облегчать правительству борьбу со своими вооруженными оппонентами, а с другой — продолжает затруднять поиск среди талибов той реальной силы, с которой можно было бы вести диалог в отношении будущего страны.

Тем не менее неуклонный рост влияния талибов не только в восточных, но и северных регионах страны является отличительной особенностью развития ситуации в Афганистане всех последних лет. Свою лепту продолжали вносить и воевавшие многие годы на стороне противников кабульских властей боевики военно-политической оппозиции в республиках Центральной Азии. Среди основных — «Исламское движение Узбекистана» и транснациональная «Исламская партия освобождения», которая уже официально ассоциирует себя с т. н. Исламским государством. В последнее время с ними начинали все больше смыкаться и террористы из Синьцзян Уйгурского автономного района Китая. С прошлого года растущей «головной болью» для Кабула становится и террористическая деятельность самого ИГ. Его идеология, методы и средства достижения поставленных задач, фанатизм, агрессивность и непримиримость — все это в немалой степени напоминает само движение Талибан образца 1990-х годов. А некоторые из нынешних руководящих деятелей Исламского государства проходили подготовку в афганских лагерях подготовки террористов Аль-Каиды и, соответственно, имеют длительные контакты и с талибами. При этом, если к началу 2000-х годов Афганистан был одним из основных очагов международного терроризма постсоветской волны, то сегодня уже активисты из ИГ оказывают возрастающее влияние на развитие обстановки в самой этой стране. Территория Афганистана включилась ими в так называемый Хорасанский эмират (от Туркменистана до северо-западного Китая), к которому стали примыкать и талибы из числа тех, кто ретроспективно не нашел себя в трансформирующейся иерархии собственного движения. Ситуация в значительной мере вновь напоминает середину 1990-х годов, когда набиравшие силу талибы активно рекрутировали моджахедов, недовольных своим положением при дележе пирога власти после свержения ими в 1992 году правительства НДПА. Стремясь подмять под себя талибов, лидер ИГ Аль-Багдади весной нынешнего года выступил с нападениями на муллу М. Омара, что не могло не вызвать энергичных протестов, а также требований прекратить на территории Афганистана рекрутирование добровольцев в Исламское государство. Однако, несмотря на то, что сегодня обе группировки находятся в состоянии джихада против друг друга, тем не менее их деятельность, как совокупная, так и по отдельности, представляет растущую опасность для стабильности как в этой стране, так и в соседней Центральной Азии.

Вместе с тем тот факт, что большинство афганских талибов вряд ли готовы уступать ИГ свои позиции в стране, предоставляет властям Кабула возможности использовать ситуацию в свою пользу и выработать сценарии по углублению их взаимных идеологических и иных противоречий. При этом такой возможности содействовали очередные кровавые столкновения между талибами и боевиками ИГ в ряде афганских провинций. Практически одновременно состоявшаяся в октябре 2015 года в Кабуле грандиозная (по афганским масштабам) демонстрация протеста в связи с казнью боевиками семерых заложников вновь со всей определенностью поставила перед властями вопрос о принятии срочных жестких мер против террористов Исламского государства. В противном случае «правительство национального единства» может столкнуться с прямой угрозой распада.

Наибольшую обеспокоенность вероятностью террористической угрозы с территории Афганистана, как политико-идеологической, так, возможно, и военной, проявляют в Центральной Азии (хотя угрозы прямого массированного вторжения сюда исламских боевиков с юга, скорее всего, ожидать не следует). Межгосударственные отношения между странами этой части бывшего СССР отягощены застарелыми проблемами водопользования, территориальными претензиями, непростой этнорелигиозной ситуацией и т. д., и именно они представляют главную опасность для их стабильности. Вместе с тем на ситуацию не может

не оказывать негативного влияния и взрывоопасная ситуация в Афганистане. Особые опасения высказываются в Таджикистане, в том числе, в связи с резким осложнением в последнее время внутренней обстановки в этой стране. В Узбекистане приняты меры для плотного прикрытия участка границы с ИРА. Непростая обстановка складывается в Киргизии, где экстремистские группировки срачиваются с организованной преступностью и некоторыми силовыми структурами. Повышенную нервозность в отношении намерений афганских талибов и других террористических группировок начали проявлять и в Туркмении, что было вызвано активизацией связанных с талибами афганских туркмен, выступающих под лозунгами об отторжении некоторых южных районов Туркмении.

После распада СССР политико-экономические интересы России в Афганистане существенно сократились. Ситуация в этой стране рассматривается и продолжает рассматриваться главным образом через призму ее воздействия на обстановку в южных регионах бывшего единого большого государства, а также нелегального потока афганских наркотиков. Перманентная нестабильность обстановки в ИРА, создающая питательную среду для самовоспроизведения терроризма и религиозного экстремизма (а последние события вновь подтверждают такую вероятность), неизбежно сказывается не только на «южном подбрюшье» РФ, каким является Центральная Азия, но и на самой стране. Нельзя исключать, что именно это обстоятельство будут максимально эксплуатировать лидеры Исламского государства для реализации своих угроз в адрес России и в качестве реакции на ее последние акции в Сирии.

На очередном саммите СНГ в Казахстане президент В. Путин вновь обозначил чувствительность обстановки в Афганистане для стабильности в регионе, назвав ситуацию в ИРА «близкой к критической» и призвав к готовности «согласованно реагировать на такой сценарий»². О сотрудничестве государств — членов ШОС в пограничных вопросах шла речь на ее саммите в Уфе в июле 2015 года, а для решения возможных практических вопросов по прикрытию (в случае необходимости) южных рубежей СНГ необходимые меры предприняты по линии ОДКБ. В последнее время не исключается возможность возобновления участия российских пограничников в охране таджикско-афганской границы. При этом было бы трудно согласиться с предостережениями ряда наблюдателей о некой «сверхреакции» Москвы на угрозу терроризма с географического юга. Факты и практика показывают, что она есть, с этим надо считаться, и как переоценивать, так и недооценивать ее было бы весьма недальновидно.

На фоне нынешнего обострения отношений между Россией и Западом нетрудно предположить, что некоторые внешние силы, прежде всего в США, могут быть заинтересованы в открытии ею еще одного, достаточно удаленного фронта. Теперь это может быть географический юг, и расчет связан с тем, что в таком случае страна увязнет в новых проблемах, которые неизбежно будут сопутствовать такому шагу. Тем не менее предпринимать любые шаги на афганском направлении следует крайне осмотрительно, всемерно избегая односторонних действий, прежде всего силовых. Что же касается поставок Кабулу боевой техники, то они должны решаться при взаимопонимании сторон и без какой-либо политизированности. В этой связи явно провокационно звучали спекуляции западных СМИ о том, что российская сторона воспользовалась фактом очередного запроса афганских властей, прежде всего, как еще одной возможностью для наращивания конфронтации с США. Однако у России вряд ли есть корысть через афганское направление дополнительно усугублять серьезно осложнившиеся отношения с Вашингтоном. Наоборот, именно сотрудничество здесь в нынешних кризисных условиях могло бы стать продуктивным примером их совместной деятельности по решению вызывающих взаимную озабоченность важных международных вопросов. А афганская проблема уже давно перестала носить как внутреннее, так и региональное измерение.

Пока же сотрудничество между Россией и США, в том числе, на афганском направлении прервано односторонними акциями из-за океана, на которые накладываются также и принятые против России санкции. Хотя координация между ОДКБ, под зонтиком которой, по существу, проходят все превентивные контртеррористические и антинаркотические мероприятия в центральноазиатском регионе, с одной стороны, и американцами и натовцами в Афганистане — с другой, безусловно, была бы практически полезной как сегодня, так и на перспективу. Однако на фоне своего нынешнего стремления наносить максимальный урон

² [Электронный ресурс]. URL: www.cis.minsk.by/news.php?id=5623

внешнеполитическим интересам России Вашингтон может попытаться разыграть против Москвы и афганскую карту. В этой связи достаточно показательным может служить практическая линия США в ИРА в начале нынешнего века. Тогда, на достаточно благоприятном в целом фоне российско-американских отношений и проявленной Москвой солидарности с антитеррористическими действиями антиталибской коалиции США, Вашингтон тем не менее не только активно препятствовал восстановлению и развитию отношений между Москвой и Кабулом (в том числе, военно-технических), но и противодействовал любым попыткам привлечения России к экономическому восстановлению Афганистана на многосторонней основе. А ведь такого рода многосторонние усилия могли бы давать и четкие сигналы о решимости международного сообщества действовать эффективно и сообща также и в отношении талибов и всего международного интернационала террористов. Если такового не произошло в начале 2000-х годов, то ожидать изменения принципиальных установок Вашингтона в отношении России в настоящее время, которое характеризуется беспрецедентной враждебностью США по отношению к Москве, не приходится.

В последние годы растущую обеспокоенность обстановкой в Афганистане проявляет и Китай. Предмет его особой нервозности – приграничные с ним афганские регионы и возможное распространение оттуда деструктивного влияния турбулентной ситуации на северо-западные анклавы КНР с традиционно мусульманским населением. Подтверждением этого является периодически возникающая нестабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, всплески там сепаратистских настроений, в том числе, как результат деятельности экстремистского «Исламского движения Восточного Туркестана». Повышенное внимание Пекина к ИРА вызвано и заинтересованностью в освоении и эксплуатации ее полезных ископаемых. Занимая осторожную позицию в отношении талибов, КНР выступает за их диалог с правительством и пытается его стимулировать. При этом рост ангажированности Китая в Афганистане позитивно рассматривают в США, и обе стороны уже наладили определенное сотрудничество в подготовке афганских национальных кадров. Нельзя исключать, что такого рода маневрированием Вашингтон преследует цель, в том числе, посеять недоверие между Москвой и Пекином не только в отношении Афганистана, но и Центральной Азии, чтобы расчистить поле для проведения там собственной линии на перспективу.

Экономические и политические интересы КНР в регионе, в том числе реализация выдвинутой ею в 2013 году идеи «Экономического пояса Шелкового пути», к которой в какой-либо форме может быть вовлечена и ИРА, неизбежно подтолкнет Пекин к дальнейшей активизации политики на афганском направлении. При этом высокий уровень взаимопонимания между Россией и Китаем в Центральной Азии (где, по мнению экспертов, КНР «прикрывает» экономическую нишу, а РФ берет на себя обеспечение безопасности) как на двустороннем уровне, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества является хорошей основой для дальнейшего наращивания их координации и в решении афганской проблемы. Все более актуальным становится и вопрос о перспективной роли ШОС в конкретном содействии решению афганского вопроса. Тем более что на ее саммите в Уфе летом 2015 года Кабул подал заявку на получение статуса полноправного члена с явной надеждой на то, что в нынешних непростых для него условиях эта Организация «подставит» Кабулу свое плечо. Целесообразность принятия ею дополнительных решений по обеспечению региональной безопасности предопределяют такие факторы, как новая фаза международных отношений на фоне актуализации вопроса о решительном противодействии международному терроризму и его авангарду – Исламскому государству; вступление ШОС в фазу дальнейшего укрепления и расширения своего влияния за счет процесса вступления в нее Индии и Пакистана и открытия соответствующих перспектив для Тегерана; турбулентная внутривосточная ситуация в ИРА, в том числе, на фоне беспрецедентного давления со стороны воинствующего исламизма.

На фоне последних осложнений в Афганистане и не ослабляющихся противоречий между Россией и США по наиболее «горячим» проблемам, в том числе Сирии и ИГИЛ, весьма примечательным был и предпринятый в начале ноября 2015 года визит госсекретаря США Дж. Керри в Центральную Азию, где он встречался с президентами Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана и Киргизии, а также с министрами иностранных дел этих стран, в том числе, впервые в формате «С5+1». Волнующие всех афганская тема и вопросы региональной безопасности в контексте нынешней обстановки в ИРА были в числе приоритетных. Основной

итог встреч — демонстрация готовности Вашингтона не только продолжать, но и всемерно расширять многоплановое политическое взаимодействие с «Центрально-азиатской пятеркой» по ключевым региональным вопросам, включая борьбу с терроризмом и экстремизмом. При этом Таджикистану и Туркмении было обещано содействие в укреплении их южных границ и в противодействии возможной эскалации насилия с территории ИРА (с Ашхабадом состоялись договоренности о предоставлении площадки для возможного приема американских боевых самолетов). Подтверждена также готовность к активному сотрудничеству в Центральной Азии в экономической сфере, в том числе в такой чувствительной, как водно-энергетическая. Участие госсекретаря в открытии нового здания американского посольства в Бишкеке как бы символизировало и новые намерения Вашингтона в отношении Киргизии, после вступления которого в Евразийский экономический союз его отношения с Россией вызывают повышенную чувствительность США. В последнее время со стороны Белого дома наблюдается также повышенный интерес к подготовке будущей элиты Казахстана — этого наиболее динамичного регионального государства, обладающего значительным экономическим потенциалом и внешнеполитическими амбициями, от отношений которого с Россией и Китаем в значительной степени зависит стратегическая стабильность во всем центрально-азиатском регионе. Через эту же призму некоторые наблюдатели расценивали и состоявшуюся следом поездку в Астану президента Афганистана А. Гани, в ходе которой он заявлял об особой заинтересованности Кабула в сотрудничестве с Казахстаном [1].

Свой визит Дж. Керри охарактеризовал как «весьма своевременный», и он прозвучал конкретной заявкой Вашингтона на сохранение своего активного присутствия в регионе и после завершения нынешней, все еще «горячей», фазы развития ситуации в Афганистане. В политическом плане это был также и своего рода ответ на активные действия Российской Федерации в Сирии и на центрально-азиатском направлении, а также на перспективы превращения ШОС в главный региональный многосторонний механизм сотрудничества в области безопасности. В экономическом же измерении — это была реакция на предположения о якобы потере США интереса к региону, что вряд ли соответствует действительности, в том числе, и в свете внимания Вашингтона к средневосточному и южно-азиатскому флангу китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» [2, с.101].

Во всем этом контексте особо показательным стал и новый министерский формат консультаций «С5+1», который, как сообщают СМИ, задумывался Вашингтоном в качестве нового инструмента проникновения в Центральную Азию, в том числе и за счет поисков здесь надежных проамериканских политиков. (Некоторые аналитики не исключают косвенного американского антироссийского следа и в последней дестабилизации обстановки на севере Афганистана, хотя это представляется маловероятным) [3]. По итогам встречи «С5+1» были приняты Совместная декларация о партнерстве и сотрудничестве и Решение о регулярности проведения таких встреч. Нельзя исключать, что при определенных обстоятельствах Вашингтон может инициировать дальнейшее закрепление «шестерки», в том числе, и для того, чтобы попытаться в некотором смысле противопоставить ее структурам другой «шестерки», то есть ШОС, за деятельностью которой Вашингтон продолжает следить с нарастающим вниманием и в свете начавшегося процесса расширения этой Организации за счет Индии и Пакистана.

В эту же матрицу вполне логично встраивалась и поездка в Центральную Азию японского премьера С. Абэ накануне визита туда же Дж. Керри (и тоже впервые) и аналогичный, как и у госсекретаря США, формат встреч. Поездка носила преимущественно экономический характер (подписаны соглашения «всего» в несколько миллиардов долларов, в том числе об участии Японии в известном газовом проекте ТАПИ из Туркмении через Афганистан и Пакистан в Индию. Тем не менее контакты обоих деятелей в Кабуле вполне можно рассматривать и как некий новый совместный политико-экономический проект Вашингтона и Токио в Центральной Азии, основанный на общих позициях политического сдерживания Москвы и экономического — Китая. Такой расклад предоставил бы странам региона новые возможности для лавирования в треугольнике Китай — Россия — Запад в интересах получения максимальных политических и иных дивидендов, в том числе, и при возможных неожиданных разворотах и в лабиринтах афганских событий.

Вместе с тем конкретно предсказать, как они будут развиваться, — задача весьма непро-

стая. Возможны самые невероятные и внешне, казалось бы, противоречащие друг другу и логике варианты, коалиции, временные договоренности и союзы. Но, именно так бывало в Афганистане всегда. Единственное, в чем, к сожалению, сомневаться не приходится, так это в том, что в ближайшем обозримом будущем в этой стране вряд ли наступит умиротворение, а афганский котел страстей остынет еще не скоро. Ключ к решению проблемы стабильности в стране, безусловно, находится у самих афганцев. Именно они должны принять решение, как жить дальше и как строить свою страну с учетом законных интересов и обеспокоенности соседей. Очень многое будет зависеть и от соседей, от других внешних сил, в том числе от «больших дядей», которые своими согласованными действиями могли бы смягчить остроту афганской проблемы, не допустить ее «перегрева». Тем самым был бы внесен значительный вклад как в восстановление в ИРА мира, так и в предотвращение распространения с ее территории разномастного терроризма, будь он от талибов, ИГИЛ или кого-либо иного.

AFGHAN CHALLENGES AND THEIR IMPACT ON RECONFIGURATION OF FOREIGN MILITARY PRESENCE

Mikhail Konarovskiy, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

Summary:

Against the background of wide range of the “Islamic state” terrorism in the Middle East, the aggravating civil war in Afghanistan does not reduce the threat of destabilization beyond Russia’s southern borders. The Taliban’s terrorism in IRA is recently becoming even more diversified through the infiltration of the IS ideology and militancy to IRA northern enclave. Reshaping of the US and NATO military presence in that country did not help to stabilize the situation that is facing the whole complex of unresolved problems. This reality urged Washington to prolong the military presence till 2017 amid new efforts to strengthen its positions in Central Asia.

Keywords: *terrorism, “Islamic state” (IS), Afghanistan, the Taliban, Central Asia.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гани диверсифицирует афганскую политику через Казахстан. [Электронная версия]. URL: www.Afghanistan.ru/doc/91956.html 23.11.2015
2. Сафранчук И. А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. Август.
3. Хоррам Ф. К. Дестабилизация севера Афганистана была шагом, предпринятым США в целях ослабления России. [Электронная версия]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/91007.html> (25.10.2015).
4. Sarwar A. R. and Madadi M. S. The Plight of Afghanistan’s Soldiers. URL: www.aiss.af. Oct 10, 2015.

И. А. САФРАНЧУК

ОБ ИТОГАХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В АФГАНИСТАНЕ В 2014 ГОДУ И СУДЬБЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА*

*Сафранчук Иван Алексеевич. к.пол.н., доцент кафедры Мировых политических процессов
МГИМО МИД России, профессор Академии военных наук,
член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: And6958@yandex.ru*

Аннотация: Работа посвящена одному из сложнейших вопросов региональной политики на Среднем Востоке – выборам президента Афганистана в 2014 году. Рассматриваются итоги президентских выборов, политические и правовые дилеммы вокруг этих итогов, их последствия для так называемого «политического транзита» в Афганистане.

Ключевые слова: Афганистан, президентские выборы 2014 года, политический транзит.

21 сентября 2014 года А. Гани был объявлен победителем президентских выборов и 29 сентября вступил в должность. Этому предшествовал мощный политический кризис, который, по мнению экспертов, поставил стану на грань «горячей» гражданской войны, когда соперники не сдерживали себя в заявлениях и грозили перейти к решительным действиям. Обострение обстановки в Афганистане предсказывалось многими экспертами в последние годы [18, с. 112–117; 19, с. 159–172; 20, с. 2–5]. И тем не менее для многих доноров Афганистана и международных организаций кризисное развитие событий стало неприятным сюрпризом. Потребовались международные посреднические усилия, чтобы разрешить кризис.

Соседям Афганистана и многим внерегиональным странам, кто искренне желает ему мира и развития, в разгар кризиса 2014 года казалось, что любое мирное решение, лучше гражданской войны. Поэтому Соглашение между А. Гани и А. Абдулло от 21 сентября 2014 года встретило широкое международное одобрение. После того, как кризис миновал,

*Настоящая статья – расширенная версия двух ранее опубликованных статей: Сафранчук И. А. К вопросу об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 году и судьбе политического транзита // Вестник «Таджикистан и современный мир». № 2 (45). 2015, С. 31–48; Сафранчук И. А. Переговоры А. Гани с талибами: решение или путь к новому кризису? // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. № 3 (42). 2015. С. 2–5.

международное сообщество вздохнуло с облегчением. Оно имеет тенденцию забывать о некоторых деталях прошедших событий. Теперь, когда эмоции спали, можно спокойно разобратить итоги второго тура президентских выборов в Афганистане в 2014 году.

ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Для начала обратимся к оценкам международных наблюдателей, которые присутствовали на аудите второго тура. Своих наблюдателей на аудит прислали ЕС (EU Election Assessment Team, EU EAT) и два НПО демократической направленности – «Национальный Институт Демократии» (National Democracy Institute, NDI) и «Креэтив Ассоэйтс Интернайшнл» (Creative Associates International, CAI).

NDI на протяжении всего выборного процесса (и в первом, и во втором турах) делал заявления о его успехах. Например, в заявлении от 16 июня 2014 года о втором туре голосования, который прошел 14 июня, NDI в целом положительно оценил его проведение. Конечно, отмечались отдельные проблемы и недостатки. Но в целом тон заявления был абсолютно положительным [1]. Наблюдатели от этой организации не заметили ничего из того, на что потом жаловался лагерь А. Абдуллы (на массовые фальсификации), причем, как заявлял этот кандидат, при участии НИК. NDI, наоборот, весьма положительно характеризовал работу НИК. В общем наблюдатели от NDI не заметили, судя по заявлению организации от 16 июня, ничего, что позволяло бы говорить о масштабных фальсификациях и отмене итогов второго тура. Впрочем, NDI, видимо, в дальнейшем не настаивал на своих позитивных оценках проведения второго тура, так как решил наблюдать и за аудитом второго тура [2].

24 сентября (через несколько дней после заключения политического соглашения между А. Гани и А. Абдуллой) NDI выпустил очень короткое заявление, которое начиналось следующим образом: «NDI приветствует завершение процесса 2014 года по выборам президента и политическое соглашение, которое делает возможным первую в истории Афганистана демократическую передачу власти». Вроде бы, NDI наблюдал за процессом выборов, а не за политическим процессом вообще в Афганистане, поэтому от NDI было бы логичным услышать комментарии именно по поводу аудита и итогов выборов. Однако сам процесс выборов NDI комментирует очень скупое. В заключительном параграфе заявления говорится: «...граждане Афганистана заслуживают полного и публичного подведения итогов выборов 2014 года, в том числе своевременного обнародования всех результатов аудита второго тура. Хотя фальсификации в ходе самих выборов и некоторые проблемы в ходе аудита не позволяют итоговым результатам в точности отразить волю избирателей, но также не было обнаружено свидетельств, которые бы изменяли итоги выборов» [3]. Из этого можно понять, что NDI считает, что большинство избирателей проголосовало за А. Гани, полностью признает его победу и уверено в ее достоверности, но при этом не отрицает наличия фальсификаций и невозможности точно установить результат выборов (что, впрочем, все равно, по мнению NDI, не дает оснований сомневаться в победе А. Гани).

Группа CAI не сделала никакого официального заявления по итогам аудита – ни до, ни после заключения политического соглашения. Поэтому остается непонятным, каковы итоги миссии этой группы наблюдателей. Впрочем, 9 сентября, когда политический кризис еще был в разгаре, но аудит голосов уже был завершен (4 сентября поздно вечером была закончена проверка в рамках аудита последних бюллетеней, однако еще оставалась работа по анализу всех данных аудита и подведению его итогов), высокопоставленный сотрудник CAI Джеффри Карсон опубликовал статью на сайте организации, которую можно считать неофициальным мнением CAI по поводу афганских президентских выборов. Статья была формально не об Афганистане. Она называлась «Лечение болезни выборных фальсификаций». Но дата ее публикации (после окончания аудита второго тура выборов в Афганистане) и фотография, сопровождавшая статью (на ней были коробки с бюллетенями второго тура афганских выборов), не оставляли сомнений, что статья все-таки связана с Афганистаном. Начиналось это выражение неофициального мнения CAI по поводу афганских выборов следующим образом: «Недавние случаи системной фальсификации выборов имели место в таких странах, как Афганистан, Россия и Зимбабве. Отдельные случаи фальсификаций до сих пор встре-

чаются в США, Германии и Великобритании» [4]. Дальше в статье шли общие, сглаженные рассуждения о том, что фальсификации – это плохо, и с ними нужно бороться серьезно, систематически и т. п. Подытожить неофициальную позицию САИ можно таким образом: фальсификации в Афганистане были, о результатах выборов организация ничего сказать не может, и, вообще, фальсификации – это общемировая проблема.

На фоне таких заявлений настоящей сенсацией должно было стать заявление EU EAT, выпущенное 21 сентября, сразу в день объявления итогов выборов и подписания соглашения между А. Гани и А. Абдуллой. Озаглавлено это заявление так: «Серьезные вопросы остаются по поводу избирательного процесса в Афганистане после публикации НИК официальных итогов президентских выборов» [5] (подчеркнем, что в основной, англоязычной, версии этого заявления выбраны жесткие слова, хотя все тоже самое можно было сказать и более «обтекаемо»). Хотя сам текст заявления начинается с приветствия политического соглашения, однако сразу после этого EU EAT всего лишь «принимает во внимание» объявленный итог выборов; выражено сожаление, что не обнарудутся полные результаты голосования. И далее в заявлении приводятся слова главы миссии EU EAT в Афганистане: «Политическое соглашение было достигнуто о будущем правительстве и разделении полномочий между двумя кандидатами, это последовало после неудовлетворительного процесса аудита. Я приветствую и глубоко уважаю политическую волю к сохранению безопасности в стране. Однако ставшие явными большие масштабы фальсификаций показывают неприемлемый недостаток уважения к множеству афганцев, женщин и мужчин, которые свободно пошли голосовать, иногда с огромным риском для себя». Далее признается, что попытка отделить настоящие голоса от сфальсифицированных была неудачной: «EU EAT признает, что даже после этого полного аудита остаются вопросы и по поводу выборного процесса, и по поводу финального результата, особенно потому что аудит не смог внести полную ясность в вопрос финального результата». Подчеркнем при этом, что наблюдателей от ЕС было больше, чем от NDI и САИ, вместе взятых. 410 наблюдателей ЕС присутствовали на аудите голосов с половины всех избирательных участков и вели подробные анкеты, что позволяло делать обоснованные выводы. И эти выводы таковы: имели место массовые фальсификации, аудит не позволил исправить фальсификации в полной мере, итоговый результат вызывает вопросы.

Впрочем, это заявление настоящей сенсацией не стало, утонув в потоке комментариев, восхваляющих политическое соглашение двух соперников. Его практически не цитировали мировые и региональные СМИ, оно во многом осталось незамеченным (или вернее, проигнорированным). Сам Евросоюз тоже не стал заниматься широкой пропагандой этого заявления (хотя не вызывает сомнений, что если Евросоюз захочет, то способен организовать широкую поддержку своей позиции в СМИ, экспертном сообществе и широких кругах мировой общественности, в конечном счете сделать свою позицию хорошо известной). В данном случае, насколько можно судить, Евросоюз сознательно оставил «в тени» заявление миссии своих наблюдателей в Афганистане. Обратим внимание, что заявление EU EAT больше, чем наполовину состоит из прямой речи – цитат главы миссии наблюдателей ЕС, Тейса Бермана (голландский политик, в 2008–2014 годах депутат Европейского парламента). По всей видимости, с его мнением, пусть и вошедшим в официальное заявление, в Брюсселе и европейских столицах были согласны не все. Миссия наблюдателей ЕС была, как уже отмечалось, обширной. Ее сотрудники непосредственно наблюдали за аудитом примерно половины бюллетеней второго тура, они вели при этом подробные анкеты. Это дает техническую возможность европейским специалистам провести параллельный подсчет половины голосов избирателей на втором туре афганских президентских выборов. Однако нет никаких признаков того, что ЕС собирается обнаружить эти подсчеты.

ИТОГ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ, ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Поясним один терминологический момент. Под «итогами» выборов автор понимает объявление одного из кандидатов победителем выборов. Это итог выборов. «Результаты» выборов – это данные о количестве принявших участие в голосовании и распределении голосов между двумя кандидатами на втором туре выборов президента Афганистана. Итог выборов

объявлен: А. Гани стал президентом. Однако окончательные результаты второго тура выборов не были официально объявлены.

Второй тур президентских выборов 2014 года в Афганистане состоялся 14 июня. Сразу после этого между НИК, командами А. Гани и А. Абдулло разгорелись споры относительно заявленных командой А. Абдулло нарушениях при самом голосовании и подсчете голосов. В конце июня НИК провела две проверки. Сначала были проверены 299 избирательных участков. На 21 из них были выявлены нарушения и ошибки, в результате чего были аннулированы 250 голосов из числа, поданных за А. Гани, и 684 из числа, поданных за А. Абдулло. Такие результаты проверки только усилили протесты команды А. Абдулло (он жаловался на фальсификации и у него же в ходе проверки аннулировали больше голосов). Тогда НИК провела вторую, более масштабную проверку. Были проверены 1 930 избирательных участков в 30 провинциях (проверки проводились в самих провинциях без доставки бюллетеней в штаб-квартиру НИК в г. Кабуле). На этот раз нарушения и ошибки были обнаружены на 114 избирательных участках, в результате чего были аннулированы 6 474 голосов из числа, поданных за А. Гани, и 4 428 из числа, поданных за А. Абдулло. В общей сложности эти две проверки затронули около 15 % от всех поданных на втором туре голосов избирателей (использованных бюллетеней). Формально это можно считать достаточно масштабной проверкой, однако в ее ходе были выявлены нарушения в менее чем 1 % проверенных голосов, что фактически не меняло результаты: менялись только сотые доли процента. На этом основании НИК проигнорировала продолжавшиеся протесты команды А. Абдулло и 7 июля объявила официальные предварительные результаты второго тура: А. Гани – 4 485 888 голосов, или 56,44 % (от числа действительных бюллетеней), А. Абдулло – 3 461 639, или 43,56 % [6]. Результаты были предварительными, так как НИК объявила их не для всех 100 % действительных бюллетеней, а для 99,68 %. Было объявлено общее количество участвовавших во втором туре (количество использованных избирательных бюллетеней), количество голосов, признанных действительными и недействительными, а также количество голосов в пользу каждого кандидата, но последнее не полностью – не были объявлены подсчеты для 25 200 бюллетеней (из разных провинций).

Объявленные 7 июля официальные предварительные итоги выборов обострили политический кризис в Афганистане, переведя его в острую фазу – фактически внеправового противостояния команд А. Гани и А. Абдулло. В тот период обсуждались различные варианты внеконституционного (в том числе, силового) продолжения или, наоборот, разрешения кризиса. Многие комментаторы говорили, что Афганистан встал на грань открытой гражданской войны. Однако рассмотрение собственного политического кризиса не является предметом настоящей статьи.

При посредничестве внешних сил команды А. Гани и А. Абдулло договорились о полной проверке второго тура выборов – аудите при поддержке ООН всех бюллетеней второго тура.

Такой аудит формально стартовал 17 июля 2014 года, но прерывался буквально каждые несколько дней (20, 22, 24 июля). Потом был объявлен перерыв на религиозный праздник. Полноценно аудит заработал с 2 августа 2014 года и продолжался до середины сентября. Аудит проходил по согласованным командами двух кандидатов правилам, юридически оформленным как решения НИК. Необходимо понимать, что аудит 100 % голосов не означал полного пересчета всех голосов. Аудит определялся как «проверка процесса и процедур при самом голосовании и дальнейшем подсчете голосов». Это означает, что целью аудита было определить: имели ли место серьезные нарушения, и если имели, то в этом случае провести пересчет голосов на том избирательном участке, где такие нарушения были выявлены. По согласованным кандидатами и утвержденным НИК правилам в ходе аудита проводилась проверка материалов с каждого избирательного участка (каждому участку соответствовала одна коробка с бюллетенями) по 16 параметрам, и для каждого параметра были согласованы свои правила. При этом не любое выявленное нарушение вело автоматически к пересчету голосов и фиксации нового результата для избирательного участка. Например, проводился осмотр ограниченного количества бюллетеней в коробке – 100 – для каждого кандидата, а общее количество бюллетеней на каждом избирательном участке было 600; таким образом, в ходе аудита могло быть проверено от 100 % бюллетеней избирательного участка (если на нем проголосовало только 30 % и менее избирателей, в абсолютных цифрах – 200 и менее

человек) до 6 % (если проголосовали все 600 человек этого избирательного в пользу одного кандидата). При такой проверке бюллетеней выявлялось: правильно ли они оформлены и заполнены, не испорчены ли, правильно ли они подсчитаны за каждого из кандидатов и главное (именно по этому пункту возникало больше всего споров) – нет ли признаков заполнения множества бюллетеней одним лицом (схоже помеченные бюллетени). По каждому из этих параметров должна была набраться «критическая масса» нарушений, и для каждого параметра она была своя. Например, если среди проверяемых бюллетеней (не всех, как было сказано, а частично, в ходе аудита) обнаруживалось 10 испорченных бюллетеней и/или неправильно оформленных (без печати или с несоответствующими номеру участка серийными номерами), и/или неправильно помеченных (были согласованы правильные и неправильные пометки), тогда назначался пересчет всех бюллетеней с данного избирательного участка, а если менее 10, тогда не назначался. То есть в худшем случае могло быть так. На избирательном участке 100 использованных бюллетеней и все в пользу одного кандидата; проверяются 100 из них и обнаруживается: 9 – неправильно оформленных (без печати), еще 9 – испорченных (с чернильными пятнами на месте для пометки и т. д.), еще 9 неправильно помеченных (написано имя и т. д.); казалось бы 27 из 100 должны были аннулированы, что существенно меняет результат по такому участку (минус 27 %), но на самом деле по каждому из параметров нет «критической массы» нарушений, поэтому пересчета не проводится, результат не меняется. Приведен только пример, в реальности такие «особые» случаи могли встречаться, но не были массовыми. И вообще, было множество участков, в разных провинциях страны, где голосование и оформление избирательных материалов было проведено очень добросовестно и честно. Но повторим, было 16 параметров, по которым проводился аудит каждого избирательного участка, по 15 из них мог быть назначен пересчет голосов с последующим изменением результата (если пересчет давал изменение результата). Для каждого из этих параметров устанавливались свои правила. Полностью их пересказывать здесь не имеет смысла (в полном виде они занимают десятки страниц решений НИК), к тому же в ходе аудита правила несколько раз уточнялись (а по сути, менялись, то есть часть голосов были проверены по одним параметрам, а часть по другим). Автор лишь пытается показать, что аудит был нацелен на выявление не всех, а только существенных нарушений. Экспертная оценка настоящего автора сводится к тому, что выявленные фальсификации/ошибки, если они не превышали в среднем 5–6 % от общего количества использованных бюллетеней на участке, считались приемлемым уровнем и не вели к изменению результата. Однако были и такие случаи, когда явные фальсификации/ошибки составляли десятки процентов от использованных бюллетеней, а результат по согласованным правилам все равно не менялся (хотя такие случаи были явно редки).

Таким образом, 5–6 % фальсификаций/ошибок признавались, по сути, приемлемым уровнем. При этом надо уточнить, что каждый из кандидатов подал список из 3 000 подозрительных избирательных участков, которые требовали особенно тщательной проверки: для них не было аудита, а проводился сразу полный пересчет голосов. Таким образом, из 22 828 избирательных участков 6 000 были полностью пересчитаны без аудита. На оставшихся 16 828 участках был проведен аудит, по итогам которого были полностью пересчитаны еще 3 677 избирательных участков. На 13 151 избирательных участках был проведен только аудит без изменения первоначального результата (даже если были выявлены фальсификации/ошибки, они фиксировались в специальном протоколе, но результат голосования на участке все равно не менялся).

Не будем здесь рассуждать о том, можно ли считать уровень в 5–6 % фальсификаций/ошибок, действительно, приемлемым или он завышен (в абсолютных цифрах получается, что до примерно четверти миллиона голосов могли быть фальсифицированы безнаказанно с правовой и политической точек зрения). Настоящий автор считает общий подход правильным – необходимо было выявить массовые фальсификации, если они имели место, а не переделывать всю работу НИК, проводя тотальный пересчет голосов. И поэтому установление какого-то критического уровня нарушений – это правильно. Сами же правила в том виде, в каком они применялись и были согласованы кандидатами, и если два кандидата с ними согласились, то почему нам с ними не соглашаться? Другое дело – сработали ли эти согласованные правила так, как задумывалось? Как было показано выше, мнения на этот

счет разные. НИК и А. Гани, например, считают, что аудит позволил установить реальные результаты выборов. А. Абдулло и миссия наблюдателей ЕС сомневаются, что аудит второго тура выполнил свою задачу и дал достоверный результат, который позволяет подвести итог выборов – объявить победителя президентских выборов.

Но вернемся к результатам выборов. После завершения аудита (проверка избирательных бюллетеней была закончена 4 сентября, а последующая обработка данных и принятие соответствующих решений на этой основе сотрудниками НИК – к середине сентября) споры между кандидатами продолжились: в публичном пространстве они обменивались жесткими заявлениями, но одновременно вели переговоры при посредничестве ООН и западных дипломатов. 20 сентября был согласован текст «Соглашения между двумя предвыборными командами по поводу структуры правительства национального единства», которое завершало политический кризис вокруг итогов президентских выборов. На следующий день, 21 сентября, это Соглашение было официально подписано А. Гани и А. Абдулло. И в тот же день НИК объявил А. Гани победителем на выборах и вновь избранным Президентом Афганистана. 29 сентября прошла инаугурация А. Гани, он официально и полностью вступил в должность президента.

Однако 21 сентября НИК, объявляя итог президентских выборов – победу А. Гани, не объявил результаты (второго тура) выборов – окончательное распределение голосов между кандидатами по итогам аудита. Правда, в заявлении НИК 21 сентября говорилось, что полные подсчеты результатов второго тура переданы двум кандидатам и НИК их «опубликует в ближайшем будущем» [7]. Международные наблюдатели в своих заявлениях также отмечали необходимость обнародовать полные результаты выборов. Напомним, в заявлении NDI от 24 сентября говорилось: «...граждане Афганистана заслуживают полного и публичного подведения итогов выборов 2014 года, в том числе своевременного обнародования всех результатов аудита второго тура» [3]. В заявлении EU EAT от 21 сентября не было прямого призыва опубликовать финальные результаты, однако говорилось: «EU EAT сожалеет, что не обнародованы точные результаты голосования» [5]. Поскольку заявление EU EAT появилось 21 сентября спустя несколько часов после заявления НИК, которым А. Гани объявлялся победителем выборов, то позицию EU EAT можно понимать однозначно: европейские наблюдатели предпочли бы видеть объявление итогов выборов одновременно с объявлением их детальных результатов. Обращает на себя внимание то, что ООН, а ее офис в Кабуле, делал официальные заявления и 21 сентября [8] (после заявления НИК об объявлении А. Гани избранным президентом) и 29 сентября [9] (после инаугурации А. Гани), приветствуя в своих заявлениях официальное объявление победителя предвыборной компании, ни коим образом не комментировала отсутствие оглашения полных результатов.

Таким образом, после 21 сентября были ожидания, что НИК, как и обещала в заявлении об объявлении А. Гани победителем на выборах, в ближайшее время опубликует итоговые результаты второго тура – распределение голосов между кандидатами по итогам аудита.

26 сентября НИК утвердила результаты второго тура выборов. Но необходимо отметить два важных момента в этой связи. Во-первых, НИК утвердила результаты выборов (насколько известно) только для одного кандидата, а также общее количество голосов, признанных действительными. Во-вторых, эти результаты не были официально объявлены. Вернее, представитель НИК даже озвучил их устно журналистам, и они появились в афганской печати [10] (7,12 млн – действительные бюллетени, 3 935 567 из них, или 55,27 % – за А. Гани), но не было официального (письменного) заявления НИК с этими результатами. Возможно, эти результаты так и не получили бы хоть какого-то официального статуса. Однако 25 октября UNAMA (офис ООН в Афганистане) выпустил «Информационную записку (background note) об участии ООН в аудите президентских выборов в Афганистане 2014 года» [11]. В этой записке кратко описывалась история афганских выборов 2014 года, но самым примечательным в ней было следующее сообщение: 26 сентября НИК удостоверяла (certified), что А. Гани получил 55,27 % (от голосов, признанных действительными по итогам аудита), это 3 935 567 голосов в абсолютных цифрах, при общем количестве признанных действительными бюллетеней 7,12 млн. И по настоящее время UNAMA является единственным, зато вполне авторитетным источником, где были опубликованы результаты второго тура.

Правда, эти данные опубликованы не полностью, а только для одного кандидата. Но этого

вполне достаточно, чтобы восстановить полные результаты для обоих участников второго тура афганских президентских выборов. В таблице № 1 сведены данные о результатах второго тура выборов.

Итак, результаты второго тура афганских президентских выборов 2014 года по итогам аудита таковы: 1) действительными признаны 7 120 620 голосов избирателей, 2) А. Гани набрал 3 935 567 голосов, 55,27 % от всех действительных голосов, 2) А. Абдулло набрал 3 185 053 голосов, 44,73 %.

Каковы же были масштабы фальсификаций? Этот вопрос ставился командой А. Абдулло, и на него должен был дать ответ аудит. Как было показано ранее, мнения наблюдателей разделились: все признали наличие фальсификаций, но в оценки их масштабов серьезно разошлись: NDI не считает их существенными (влияющими на результат), САI их признало (но оговорилось, что это случается везде в мире, но в разных масштабах — в общем как бы приняло их за данность). Миссия EU EAT признала фальсификации масштабными и влияющими на конечный результат. ООН признала, что аудит подтвердил «значительные фальсификации и слабость избирательного процесса».

Но оценки могут быть разными: то, что для одного «существенно», для другого — «нормально». Поэтому обратимся к цифрам (тем более что обозначенные выше авторитетные источники, заочно поспорив о масштабах фальсификаций, так их и не назвали). По итогам аудита были признаны недействительными 988 873 бюллетеней. Учтем, что 136 766 бюллетеней были признаны недействительными еще самой НИК до аудита. Поэтому все признанные аудитом недействительные бюллетени нельзя принимать автоматически за масштаб фальсификации, надо вычесть то количество бюллетеней, которые сама НИК признала недействительными (хотя это тоже некоторое упрощение, так как были случаи, когда бюллетени, признанные НИК недействительными, при аудите оказывались действительными; но это можно отнести и к ошибкам, а не обязательно фальсификациям). Таким образом, можно признать сфальсифицированными 852 107 голосов (внутри этого количества может быть некоторое число ошибок, а не намеренных фальсификаций). Много это или «нормально»? Это 10,5 % от всех использованных на выборах бюллетеней (то есть проблемы с каждым десятком). Вряд ли можно сказать, что это мало или несущественно. У А. Гани таких бюллетеней почти в два раза больше, чем у А. Абдулло: из признанных недействительными в ходе аудита бюллетеней около 65 % — это голоса за А. Гани, 35 % — за А. Абдулло.

Учтем также, что на аудите фильтр «приемлемых нарушений» был примерно 5–6 %. Как говорилось ранее, такой порог означает, что до примерно четверти миллиона сфальсифицированных голосов могли пройти аудит без последствий для итоговых результатов. Если прибавить их к обозначенным выше 852 107 фактически установленных фальсификаций, то общее количество сфальсифицированных голосов становится больше миллиона — примерно 13–14 % от всех использованных бюллетеней.

Можно подытожить: масштабы фальсификаций на втором туре афганских президентский выборов составляли от 10 до 14 %, то есть каждый 10 или каждый 7 голос был подделан.

ПРАВОВЫЕ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ А. ГАНИ?

А. Гани стал президентом на основе политического соглашения с А. Абдулло? Если так, то можно считать, что он стал президентом на основе политической процедуры — соглашения со своим конкурентом. Или А. Гани стал президентом на основе результатов выборов? Если так, то можно считать, что он стал президентом на основе правовой процедуры — выборов.

Приводившиеся ранее заявления международных наблюдателей не дают ответа на эти вопросы. В двух заявлениях ООН (от 21 сентября, когда НИК объявила А. Гани избранным президентом, и от 29 сентября — после инаугурации) говорится, что ООН приветствует объявление итогов выборов и потом вступление А. Гани в должность, но не уточняется на каком основании (правовом или политическом). В заявлении от 21 сентября говорится об объявлении НИК А. Гани избранным президентом, а сразу после этого констатируется, что это объявление следует за подписанием политического соглашения. Подобные формулировки

сохранились и в дальнейшем (например, в докладе Специального представителя Генсека ООН для Совета Безопасности ООН от 18 декабря 2014 года [12]). Но это оставляет открытым вопрос: какова причинно-следственная связь между политическим соглашением (политическая процедура) и объявлением А. Гани избранным президентом (правовая процедура)?

А. Гани, насколько можно судить, считает, что основа его власти правовая, он объявлен президентом решением НИК. Политическое соглашение в таком случае не является основанием для решения НИК, оно лишь обеспечило мирное согласие соперника на такое решение.

В своем заявлении от 21 сентября НИК Афганистана объявила А. Гани избранным президентом именно по итогам выборов. В этом заявлении НИК вообще ничего не говорится о соглашении А. Гани и А. Абдулло. НИК подвел итоги выборов, объявил А. Гани избранным президентом, затем вручил ему удостоверение президента (инаугурация). Все это указывает на то, что для НИК А. Гани — это президент на основе подведения итогов выборов.

Но для того, чтобы считать А. Гани именно избранным президентом, чье право на должность проистекает из результатов выборов, недостает объявления этих самых результатов выборов. В заявлении НИК 21 сентября говорилось, что они будут объявлены в ближайшее время, но этого уже долгое время не происходит (и, скорее всего, не произойдет).

А. Абдулло, судя, по его заявлениям, считает, что А. Гани стал президентом на основе политического Соглашения [14; 15, с. 16–26]. В рамках этой точки зрения А. Гани стал президентом, потому что об этом он договорился с А. Абдулло в политическом Соглашении. Объявление же НИК является производной от этих договоренностей и без них было бы невозможно, так как выборы не выявили победителя. Впрочем, для того чтобы это было именно так, нужно было бы, чтобы в решении НИК от 21 сентября была ссылка на политическое Соглашение (что, правда, выглядело бы очень странно с юридической точки зрения).

Невозможно отрицать связь между политическим Соглашением и объявлением НИК о победе А. Гани. Также очевидна последовательность этих событий — сначала Соглашение, потом объявление НИК. Так было хронологически. Поэтому в Соглашении А. Гани выступает не как избранный президент, а как один из двух кандидатов (это следует и из названия документа и из всего его содержания). Вроде бы все это указывает на то, что Соглашение и решение НИК от 21 сентября взаимосвязаны, и в основе решения НИК лежит Соглашение. Однако «здравый смысл» в данном случае никак не подкреплён документально: решение НИК оформлено таким образом, что оно совсем не связано с Соглашением.

В самом Соглашении не сказано прямо о том, как этот документ связан с итогами выборов. Заключительная статья Соглашения, посвященная вступлению документа в силу, гласит: «Уважая свои обязательства по Техническому и Политическому рамочным соглашениям от 12 июля 2014 года, а также по Совместной декларации от 8 августа 2014 года, как это отражено в настоящем Соглашении, стороны подтверждают свои обязательства относительно итогов выборов и имплементации настоящего Соглашения...». Итак, в части вопроса признания итогов выборов, Соглашение отсылает к более ранним договоренностям. Обратимся к ним.

В Декларации 8 августа нет четкого положения о признании результатов выборов. Но по «духу» документ может, при несколько расширительном толковании, пониматься именно как согласие на признание итогов выборов после аудита. Во-первых, полностью документ называется так «Совместная декларация предвыборных команд относительно законного завершения второго раунда президентских выборов и формирования правительства национального единства». То есть стороны намерены завершить выборы законно: это, скорее всего, надо понимать так — в рамках правового поля. А если так, то нужно признание итогов выборов обоими кандидатами. Впрочем, можно было бы считать, что слово «законный» означает не «в рамках правового поля», а вообще что-то законное, политическое же соглашение тоже законно. Однако этот аргумент не работает из-за следующего пункта. Во-вторых, пункт 1 Декларации 8 августа гласит: «признание и уважение конституции ИРА, следование установленным ей рамкам и правилам будет основой для всех мер и реформ сейчас и в будущем». То есть все должно быть по конституции и в рамках тех процедур, которые ей предусмотрены. И это только усиливает предыдущий пункт: не просто законно (а политическое соглашение тоже законно), а именно в рамках правового, конституционного поля. Это невозможно без признания итогов выборов. Итак, Декларацию 8 августа можно трактовать как

согласие кандидатов признать итоги выборов после аудита (впрочем, любая расширительная трактовка «по духу» открыта и для оспаривания).

Политическое и Технические соглашения 12 июля не были подписаны А. Гани и А. Абдулло, поэтому отсылка к ним как к самостоятельным документам в Соглашении 21 сентября выглядит несколько странно. Эти рамочные соглашения приобрели четкий статус только, когда стали приложениями к подписанной кандидатами 8 августа Декларации, поэтому их было бы правильно определять именно как приложения к Декларации, а не как самостоятельные документы. Политическое рамочное соглашение 12 июля начинается со слов «В соответствии с результатами заслуживающего доверия и полного аудита выборов, описанного в части один (технические рамочные договоренности – Прим. авт.), кандидаты обязуются имплементировать политическое соглашение, при этом победитель выборов займет пост президента и незамедлительно сформирует правительство национального единства на основе следующих параметров...». Из этого четко следует, что выборы должны быть признаны, победитель становится президентом и после этого реализуется политическая договоренность о компромиссном правительстве. Тут текст четкий. Именно так эти договоренности понял и посредник – госсекретарь США Дж. Керри. Он публично заявил в статье для афганской прессы: «12 июля два кандидата пожали друг другу руки и согласились уважать результаты аудита» [13]. Любые рассуждения о том, что «уважать» – не значит «признать» и т. д., нельзя рассматривать всерьез.

Однако серьезным является тезис, что согласие на признание итогов выборов 12 июля не было безусловным. Его условием было не только само политическое соглашение о правительстве, но и качество аудита («заслуживающий доверия»). Обращение к заявлению миссии наблюдателей EU EAT от 21 сентября с серьезной критикой аудита, где сказано, что его итоги вызывают вопросы, может служить основанием для А. Абдулло не признавать аудит «заслуживающим доверия», а значит и не признавать итоги выборов именно как результат подсчета голосов (но при этом он может признавать А. Гани как президента, ставшего таковым в силу политического Соглашения).

Трудно не обратить внимание на то, что только в документе 12 июля А. Абдулло выразил явное согласие признать итоги выборов по итогам аудита (с оговоркой о его качестве). В последующих документах он избегал такой четкой формулировки. Что это означает? В дальнейшем он не был согласен с формулировками 12 июля? Но в любом случае они были узаконены и Декларацией 8 августа и Соглашением 21 сентября.

Таким образом, Соглашение 21 сентября (через отсылки к Декларации 8 августа и Политическому рамочному соглашению 12 июля) предусматривает признание итогов выборов по итогам аудита. Это значит, что не политическое соглашение является основанием для объявления А. Гани президентом (политические основания), а итоги выборов (правовые основания). А. Абдулло может считать, что А. Гани стал президентом на основе Соглашения, а не подведения итогов выборов, только если четко не признает итоги аудита и объявленные на их основе итоги выборов.

Резюмируя, можно сказать, что четкого ответа на вопрос – на каком же основании А. Гани вступил в должность президента? – нет. Можно обосновать, что на основании подведения итогов выборов (правовые основания). Но также можно обосновать, что на основании Соглашения 21 сентября (политические основания). Всем тем, кто следил за выборным кризисом и его разрешением, здравый смысл подсказывает, что Соглашение и объявление А. Гани президентом взаимосвязаны, объявление А. Гани президентом произошло и стало возможным только после подписания Соглашения, а значит, вытекает из этого Соглашения. Это следует из всей логики развития событий после второго тура президентских выборов, из логики переговоров между двумя кандидатами. Но это политическая реальность, которая учитывает контекст всех событий. В правовой, более технической, реальности, где существуют только сами документы и их буквальный смысл, оказывается, что этот здравый смысл не оформлен должным образом. По документам получается, что А. Гани стал президентом на основании решения НИК от 21 сентября, формально никак не связанным с Соглашением 21 сентября, и это соответствует буквальному тексту Политического рамочного соглашения 12 июля (а также Декларации 8 августа и Соглашению 21 сентября, которое имеет отсылку в части признания результатов выборов к Политическому рамочному соглашению 12 июля).

Действительно, существовало два трека разрешения выборного кризиса в Афганистане — политический и юридико-технический. Политическое рамочное соглашение 12 июля закладывало политический трек, а Техническое рамочное соглашение от того же числа — юридико-технический. В Декларации 8 августа по этому поводу говорилось (п. 3): «Как в случае с техническим треком, где две стороны создали свои рабочие команды для того, чтобы двигаться вперед в процессе аудита [...], две стороны подтверждают свою приверженность честному сотрудничеству также и на политическом треке». Соглашение 21 сентября стало результатом работы именно на этом политическом треке. И вот здесь необходимо отметить один момент, который нам представляется важным и объясняет возникшие противоречия.

Политический и юридико-технический треки были заложены одновременно соглашениями 12 июля. Однако в дальнейшем скорость движения по этим, как тогда предполагалось, взаимосвязанным трекам оказалась разной. В июле аудит голосов в рамках технического трека стартовал, а споры между двумя кандидатами по разделению политической власти нарастали. Получалось, что политический трек отстает от юридико-технического, соответственно, команда А. Абдулло стала «тормозить» технический трек. Международные посредники помогли вновь подтолкнуть политический трек (Декларация 8 августа). Но также для международных посредников в тот момент было очень важно обезопасить технический трек от неминуемых политических разногласий. Поэтому практическое выполнение Декларации 8 августа шло таким образом, чтобы максимально развести технический и политический треки, как бы для того, чтобы обезопасить технический (объективный) процесс от политического (субъективного). С позиций международных посредников это было оправдано и даже, наверное, эффективно. Однако в конце требовалось вновь свести эти два трека, чтобы не возникло разрыва между политической и юридико-технической реальностями. И вот именно этого в конце не сделали. Вернее, формально вроде бы сделали: Соглашение 21 сентября содержит отсылки к Декларации 8 августа, к соглашениям 12 июня; это можно понимать таким образом, что Соглашение урегулирует вопросы по обоим трекам. Однако на самом деле Соглашение 21 сентября так и не дает ответа на вопрос: по итогам какого трека А. Гани стал президентом — политического или юридико-технического? Или по обоим? А если по обоим, то почему решения НИК, завершающие юридико-технический трек, не содержат ссылок на Соглашение? Формально, действительно, А. Гани стал президентом по обоим трекам, но в самом конце сложного процесса разрешения выборного кризиса, не были должным образом эти два трека увязаны. А это значит, что остается политическая свобода у оппонентов А. Гани признавать его президентство, вытекающим только из одного трека — политического, на основании Соглашения (и не признавать его президентом, чьи полномочия основываются на подсчете голосов избирателей).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ЗАВЕРШИЛИСЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ — НЕТ

Политический транзит преподносился последние два года как чрезвычайно важный этап в истории Афганистана. Предполагалось, что по итогам президентских выборов 2014 года в Афганистане власть перейдет к новым законным и дееспособным властям, которые будут достаточно политически сильны и технически способны к реформам. Большинство доноров Афганистана собираются снизить поддержку этой стране, поэтому они рассчитывали на появление правительства, которое будет достаточно сильным и дееспособным, чтобы пережить такое сокращение поддержки.

В таком виде, в каком задумывалось, политический транзит точно не состоялся. По результатам выборов разразился мощный кризис, он урегулирован на условиях, которые оставляют возможность для споров и различных трактовок, противоречия в обществе обострились.

Можно считать, что политический транзит продлен до 2016 года, когда должна собраться Лоя Джирга для внесения изменений в Конституцию Афганистана. Очень важными этапами этого продленного политического транзита станут парламентские выборы 2015 года и переговоры с талибами. И парламентские выборы, и переговоры с талибами могут способствовать политическому транзиту, а могут и, наоборот, разрушить его.

Много вопросов остается и по поводу политики США в Афганистане. И дело даже не в продолжающейся неясности относительно масштабов и сроков пребывания в стране американского военного контингента. Не вполне понятны не только будущие действия США, но и совсем недавние, в том числе в период урегулирования выборного кризиса. Факт – США играли очень активную роль в его урегулировании [20, с. 44]. Однако для многих участников афганских событий так и остались непонятными их цели и намерения в этом процессе. Американцы испугались быстрого перехода к новому витку гражданской войны и ради того, чтобы не допустить этого (по крайней мере, прямо сейчас), способствовали формированию коалиции, заставив избранного президента А. Гани поделить власть со своим соперником? Или американцы не хотели видеть А. Гани сильным и успешным президентом и, чтобы сдержать его, «втиснули» его в коалицию со сторонниками А. Абдуллы? Если расширить эти вопросы, то они становятся такими: политический транзит был на грани полного провала, и американские дипломаты – хоть в каком-то, пусть и ущербном виде – его спасали; или политический транзит уже не столь важен, и все идет по какому-то другому плану?

События 2015 года подтверждают актуальность этих вопросов. Еще до президентских выборов считалось, что двумя главными приоритетами нового президента будут – экономический транзит и переговоры с талибами. А. Гани многими своими сторонниками внутри Афганистана и иностранными друзьями представлялся как идеальная фигура для решения этих задач. Особенно подчеркивали его опыт в экономической области, от него ожидали решительных и масштабных экономических реформ. Но именно в экономической области А. Гани пока мало что сделал. Надо признать, что А. Абдулла как глава исполнительного комитета тоже несет ответственность за экономическую сферу. Отсутствие серьезных шагов в экономической области можно объяснить тем, что А. Гани и А. Абдулла гораздо дольше, чем планировалось, формировали правительство. Вместо одного месяца это заняло у них фактически полгода (и даже по состоянию на июль 2015 года министр обороны до сих пор не назначен). Правда, при формировании правительства больше споров разгорелось вокруг фигур силовых министров, чем экономического блока. Можно согласиться с тем, что сам процесс формирования правительства стал сложным политическим процессом, который отвлекал время и силу, что должно было мешать решительным экономическим реформам.

Но вместе с тем надо признать, что в вопросе переговоров с талибами А. Гани взял инициативу в свои руки и резко активизировал усилия в этом направлении. Несмотря на неоконченный процесс формирования правительства, а также вопросы со стороны ряда афганских политиков по поводу переговоров, А. Гани решительно их проводил. В первой половине 2015 года из двух приоритетов – экономические реформы и переговоры с талибами – А. Гани явно уделял главное внимание переговорам.

Как стало понятно к середине 2015 года, А. Гани ведет переговоры во многом по своему усмотрению. Высший совет мира, который в 2010 году был сформирован специально для переговоров и национального примирения, в настоящее время отодвинут от процесса переговоров с талибами. А. Абдулла, второе лицо в государстве, тоже не в курсе всех деталей переговоров с талибами. Можно говорить о том, что президент А. Гани полностью взял процесс переговоров с талибами в свои руки и именно на это тратит основные свои усилия в течение 2015 года. Такая сконцентрированность А. Гани на переговорах вызывает некоторые вопросы.

До президентских выборов предполагалось, что переговоры с талибами будут вестись по итогам политического транзита, то есть с позиций абсолютно законной и дееспособной официальной афганской власти. И в этом случае, считалось, что у официальных властей будет превосходство над талибами в вопросе легитимности. Законные власти должны были вести переговоры с повстанцами. И для того, чтобы это было именно так, было важно вести переговоры именно после политического транзита.

Однако политический транзит в 2014 году не был окончен. Фактически он продлен до 2016 года, когда должна собраться Лоя Джирга и утвердить изменения в конституцию. Конечно, нельзя прервать переговоры с талибами на два года просто для того, чтобы получить необходимое время для окончания политического транзита. В этих условиях переговоры с талибами становятся очень непростой задачей: их надо как-то согласовать с продолжающимся процессом политического транзита [19, с. 3].

Действия А. Гани в 2015 году выглядят таким образом, что он прекрасно понимает проблему ведения переговоров с талибами в условиях неоконченного политического транзита, но старается использовать это по-своему.

Пока ситуация выглядит таким образом, что А. Гани активизирует переговоры с талибами, но политический транзит фактически застопорился. Нет даже ясности с тем, будут ли осенью 2015 года проведены парламентские выборы, как это предусмотрено конституцией, поскольку полномочия нынешнего состава афганского парламента истекают в октябре 2015 года. Комиссия по подготовке изменений в конституцию тоже работает не очень активно.

Таким образом, вместо того, чтобы договариваться с талибами с позиций оконченого политического транзита, А. Гани делает выбор в пользу того, чтобы договариваться с ними в процессе политического транзита. И даже может оказаться, что это договоренности – вместо политического транзита.

Летом 2014 года, по итогам второго тура президентских выборов, Афганистан погрузился в глубокий внутривнутриполитический кризис, который, как считали многие политики в самом Афганистане и международные наблюдатели, поставил страну на грань гражданской войны. И в этих условиях казалось, что разрешить кризис надо любой ценой. В результате для разрешения кризиса пришлось выйти за правовые рамки и заключить Политическое соглашение 21 сентября 2014 года. Тем самым политический транзит вышел из юридической процедуры и перешел в политическую плоскость. Но вместе с тем, тогда обе стороны его подписавшие, А. Гани и А. Абдулла, а также международные посредники, имели общее понимание – политический транзит надо вернуть в юридические рамки. И именно поэтому Соглашение 21 сентября предусматривало проведение Лоя Джирги и внесение изменений в конституцию: достигнутые договоренности, политические по своей сути, должны были быть оформлены как часть правовой системы. Таким образом, предполагалось, что политический транзит должен вернуться в правовые рамки.

Однако то, что происходит в 2015 году уводит политический транзит в совсем другом направлении. Создается впечатление, что А. Гани не спешит возвращать политический транзит в правовые рамки, а ведет его все дальше в политическую плоскость – в направлении переговоров с талибами. И в этом случае успешные переговоры с талибами могут стать для президента А. Гани возможностью отказаться от Соглашения 21 сентября 2014 года или существенно его изменить.

Если предположить, что А. Гани сможет заключить серьезное соглашение в ближайший год с руководством талибов, то это станет масштабным событием, которое тоже может быть вынесено на обсуждение Лоя Джирги. И тогда Лоя Джирга 2016 года будет обсуждать не согласованные изменения в конституцию, которые вытекают из Политического соглашения 21 сентября 2014 года между А. Гани и А. Абдуллой, а совсем другие – предложенные талибами в ходе их договоренностей с А. Гани. Что тогда будет с самим Соглашением 21 сентября 2014 года? Продолжит ли оно действовать даже без изменений в конституцию? Или А. Гани от него откажется в одностороннем порядке? И если А. Гани откажется от него в одностороннем порядке, то будет ли он признаваться после этого президентом командой А. Абдуллы? Ведь А. Абдулла и его сторонники считают, что А. Гани стал президентом именно на Основании политического соглашения.

Переговоры и договоренности с талибами должны быть процессом национального примирения. Они не должны вести к новому кризису и новым разделительным линиям в обществе. Поэтому важно, чтобы эти переговоры не подрывали основ той политической и политической системы, которая уже существует в Афганистане. В противном случае часть политических сил современного Афганистана оказывается не заинтересована в договоренностях с талибами. Если же А. Гани затеет игру по выбору для себя партнера (талибы или команды А. Абдуллы), то это может привести к новому серьезному кризису. Причем это уже будет пусть не острый, но все-таки политический кризис по поводу дележа власти, как было в 2014 году по итогам президентских выборов. На этот раз Афганистану будет грозить кризис его государственности как таковой.

Таблица

**РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ТУРА ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА АФГАНИСТАНА,
2014 ГОД [20, с. 45-46]**

		Явка и фальсификации		Предварительные итоги***				Окончательные результаты после аудита****			
		% избирателей		А. Гани		А. Абдулло		А. Гани		А. Абдулло	
	Всего	Всех	Голосовавших	Всего	%	Всего	%**	Всего	%	Всего	%
Всего избирателей (человек)	13000000*	100	62,38	–	34,51	–	26,63	–	30,27	–	24,5
Голосовало (всего бюллетеней использовано во втором туре)	8109493***	62,38	100	–	55,32	–	42,68	–	48,53	–	39,28
Действительные бюллетени (предварительные итоги)	7972727***	61,32	98,31	4485888	56,44	3461639	43,56	–	–	–	–
Недействительные бюллетени (предварительные итоги)	136766***	1,05	1,68	–	–	–	–	–	–	–	–
Действительные бюллетени (результаты аудита)	7120620****	54,77	87,81	–	–	–	–	3935567	55,27	3185053	44,73
Недействительные бюллетени (результаты аудита)	988873	7,61	12,19	–	–	–	–	550321	6,79	276586	3,41

Обычным шрифтом приведены данные, официально опубликованные. Курсивом приведены данные, которые не публиковались. Они определены автором на основе официально опубликованных данных.

Примечания:

* Точное количество граждан Афганистана, имеющих право голоса, неизвестно. Однако афганская НИК и международные организации оценивают общее количество избирателей в Афганистане примерно в 13 млн человек. Именно столько бюллетеней было напечатано для второго тура президентских выборов 2014 года.

** Проценты не от общего числа избирателей, принявших участие в выборах, как обычно публикуются данные на выборах в разных странах мира. В Афганистане на втором туре давались данные как процент от голосов, признанных действительными.

*** Заявление НИК от 7 июля, которым официально объявлялись предварительные итоги второго тура. Необходимо учитывать, что данные этого заявления не учитывают 25 200 бюллетеней (поэтому это и были предварительные итоги). Однако, каким бы не было решение по этим бюллетеням (они уже были признаны действительными, засчитаны все одному или другому кандидату, или как-то распределены

между ними), они могли изменить в обнародованных результатах только сотые доли процентов. Обратим внимание, что эти официальные предварительные итоги НИК никогда не отменяла. В заявлении НИК от 21 сентября, которым А. Гани был объявлен президентом, есть ссылка на заявление от 7 июля.

**** Информационная записка об участии ООН в аудите президентских выборов в Афганистане 2014 года (Оригинал на английском: Background note on United Nations involvement in audit of Presidential election 2014). UNAMA, Кабул, 25 октября 2014 года. Необходимо только уточнить, что в этом документе говорилось, что общее количество бюллетеней, признанных действительными, составляет 7,12 млн. Это явно округление до второй цифры после запятой. Пересчет имеющихся данных позволяет вычислить точную цифру – 7 120 620, она и приведена в Таблице.

THE OUTCOME OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN AFGHANISTAN AND THE FUTURE OF POLITICAL TRANSIT

*Ivan Safranchuk, Candidate of political sciences, Associate professor,
Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia.*

Summary:

This article is devoted to one of the most complicated issues of the regional politics in the Central and South Asia – the presidential elections in Afghanistan in 2014. The article studies the outcome and results of the presidential elections, political and juridical dilemmas around these results, the consequences of so called «political transit» in Afghanistan.

Keywords: *Afghanistan, presidential elections 2014, political transit.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Preliminary Statement Of The National Democratic Institute's Election Mission For Afghanistan's Presidential Election. NDI, Kabul, June 16, 2014.
2. NDI Observers Monitoring Audit of Afghanistan Presidential Runoff Ballots. NDI, July 24, 2014.
3. Robust And Public Review Needed For Afghanistan Electoral Reform. NDI, July 24, 2014.
4. *Jeffrey Carlson*. Curing The Disease Of Electoral Fraud. Creative, September 9, 2014.
5. Strong interrogations on the Afghan election process remain, after publication of the outcome of the Presidential election by the IEC. EU EAT PRESS RELEASE. Date: 21/09/2014.
6. IEC announces preliminary results of the 2014 Presidential Election run-off. EIC. Kabul, Afghanistan, 7 July 2014.
7. IEC announces results of Presidential run-off, after extensive audit of all (100%) ballots. EIC. Kabul, Afghanistan, September 21, 2014.
8. PRESS STATEMENT: UN welcomes completion of presidential elections 2014. UNAMA, KABUL, 21 September 2014.
9. PRESS STATEMENT: UN congratulates President Ghani on inauguration. UNAMA, KABUL, 29 September 2014.
10. "IEC presents President-elect with winner certificate", Tolo News, 26 September 2014.
11. Background note on United Nations involvement in audit of Presidential election 2014. UNAMA, Kabul, 25 October 2014.
12. Briefing to the United Nations Security Council by the Secretary-General's Special Representative for Afghanistan, Nicholas Haysom [as delivered]. UN. New York, 18 December 2014.
13. "Op-Ed From Secretary Kerry", Tolo News, 30 July 2014.
14. *Искандаров К. И.* К итогам президентских выборов 2014 г. в Афганистане. Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 05(38), 2014.
15. *Искандаров К. И.* Проблемы формирования правительства в Афганистане. Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 01(40), 2015. С. 11–17.

17. Сафранчук И. А. Военно-политическая ситуация в Афганистане в связи с выводом Международных сил содействия безопасности // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД России № 2 (4), 2013. С. 34–38.
18. Сафранчук И. А. Афганистан в поисках баланса // Россия в глобальной политике № 4, 2012.
19. Сафранчук И. А. Исламистская угроза для Центральной Азии: Афганистан и глобальный контекст // Индекс безопасности № 3, 2014.
20. Сафранчук И. А. Переговоры А. Гани с талибами: решение или путь к новому кризису? // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии № 03(42), 2015.
21. Сафранчук И. А. К вопросу об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 г. и судьбе политического транзита // Вестник «Таджикистан и современный мир». 2015. № 2 (45). С. 31–48.

◆◆▶▶◀◀◆◆

NIVEDITA DAS KUNDU

CONTINENTAL, MARITIME AND AERIAL ASPECT OF THE 'ONE BELT ONE ROAD': INDIA'S PERSPECTIVE

*Dr. Nivedita Das Kundu, Senior Research Advisor,
Center for Strategic Studies and Simulations, United Service Institution of India,
New Delhi, India. E-mail: dr.niveditadaskundu@gmail.com*

Summary: *The “One Belt One Road” initiative, is mainly to increase the regional cooperation and develop trade and economic collaboration. Nonetheless, with the OBOR initiatives China is also seen using commerce as a tool to expand its geopolitical and geostrategic influence. This article tries to highlight various aspects on “One Belt One Road”. The article would try to bring forth the insights, which helps in understanding the debates on new geo-political reality and trade and economic development through possible regional cooperation.*

Keywords: *OBOR initiative, connectivity, regional cooperation, China, India, Pakistan, transport corridors.*

The *One Belt One Road* (OBOR) is an omnibus word for a series of Transport Corridor initiatives made by China primarily, but not limited to China, but to the Eurasian, South Asian and South East Asian region too as well as towards the Indian Ocean Region, connecting East with the West trying to revive the ancient silk road connectivity. Like other Chinese projects in recent times, this is also a gigantic proposal. The “One Belt, One Road,” (OBOR) initiative has enabled China to become the epicentre of regional as well as global economics and geopolitics. This initiative has two major elements: the initiatives on “Land” and initiatives at “Sea” called the ‘Silk Road Economic Belt’ and the “Maritime Silk Road”, respectively. However, the “aerial and space connectivity”, is also developing in recent times under the OBOR initiative. These Transport connectivity and Transport Corridors aim to connect the nations increasing communication and network system. In today’s international environment, commonality of the key national interest and good economic relations creates possibility for cooperation.

OBOR: Concept

One Belt One Road (OBOR) is also called *Belt and Road Initiative* (BRI) by China, has caught the attention of scholars and statesmen alike. Converting the recall value of the ancient Silk Road, China has proposed this idea of physical networks spanning continents oceans and even space. Apart from its

physical vastness, the idea incorporates a gamut of interactions be it culture, transportation, trade and economy. “The Belt and Road Initiative’s”, (BRI’s) physical segments to the North is the *land Route* that cuts across Eurasia and to the South there is the *Maritime Silk Road*, commencing in the Chinese Coast passing through South East Asia into Indian Ocean touching several ports en route before terminating in Europe [12].

Ariel route is also playing an important role in enhancing the OBOR network. Presently, China is investing heavily domestically (approximately US \$ 82 billion) for undertaking around 193 projects for improving areal route, out of these, 51 strategic projects (costing approximately US \$ 32 billion) would directly serve the OBOR initiative¹. New regional Institutions, such as the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and New Silk Road Fund (NSRF), are designed in part to complement and support the Belt and Road’s development purpose too. There have been debates across the world regarding different facets of the Belt and Road initiative. The view and vision expressed by the Chinese White Paper on the OBOR/BRI is that it is primarily economic in nature, even though there are parallel initiatives in culture, education, technology advancement, healthcare and other domains [17]. From the economic perspective, it is clear that OBOR/BRI is the next major step to spur the growth of Chinese Economy. However, it is natural that such a vast and ambitious network invariably requires certain degree of security guarantees even though it has not been articulated in the ambitious OBOR vision document.

Land Silk Road

The land Corridors formulating under the OBOR/BRI initiative has ensured new regionalism and it is expected that this initiation will be a successful outcome of the deep neighbourhood integration policy and network diplomacy. New regionalism can be established by reviving connectivity through transport network. All the three basic components i.e. geographical proximity, technological feasibility and economic viability favours formation of new regionalism [4]. However, proper access between or among the countries for economic integration and regional cooperation needs to be maintained. It is a known fact that the ‘Silk Road’ is the oldest network known to mankind since 2nd century BC that has played greater role for the regional development. Through this network of roads goods, people and cultural exchanges took place which helped people of the region to understand their history, culture and thought process. The Silk Road represents a phenomenon of the political and cultural integration. The conceptual as well as the practical challenge was to devise a framework to create channels and mechanisms for interaction and cooperation that would accelerate economic development and widen the sphere of connectivity[1, pp.113–116]. Many regional countries are involved now in the revival process of the Silk Road and there is a wave of enthusiasm for revival of the ancient Silk Roads. Hence, it is expected that under OBOR the on land corridor projects can help in the regional cooperation by improving the connectivity playing a significant role in bringing down the gaps while promoting regional integration.

Maritime Silk Road

The Maritime Silk Road which is the southern route or the sea route of the “Belt and Road Initiative”, was announced by President Xi Jin Ping in the Indonesian Parliament in Oct 2013 [22]². During the ancient period, technology permitted only non-perishable, light, luxury goods of high value to be transported as a commodity. Chinese Silk as well as Indian Spice fit those requirements perfectly, besides tea, jade etc. The southern sea route offered lesser friction, could carry larger loads and faced lesser uncertainties barring storms and pirates.

The southern route was also more multimodal; with the sea based transportation aided by predictable monsoon winds of Indian Ocean taking goods via ships right up to Berenike in Red Sea, from where an overland camel caravan transported them to Nile. The riverine route was used to transfer them to Mediterranean Littorals [2, p. 66]. This multimodality continues to-date and achieves a different scale

¹ During the last two years, China has built 15 airports and expanded another 28 in provinces along the routes of the OBOR. China is now working on increasing direct aerial connectivity with Eurasian states to increase the linkages under OBOR mission. Over the last few years in the satellite technology arena, China has made phenomenal progress, various real-time inputs provided by their multiple satellite constellations are also expected to support significantly in conducting various traffic planning and management activities on land and sea routes under OBOR initiative.

² A month earlier he had announced the idea of the Silk Road Economic Belt or the land route at Nazarbayev University in Kazakhstan

with containerisation of global commerce, where the ubiquitous standard ‘boxes’ carry goods with in, seamlessly traversing on ships.

The contemporary *Maritime Silk Road* (MSR) has two branches according to the OBOR vision document. One that leads from Chinese Coast to the Pacific and another that commences in the Chinese Coast that goes through South China Sea, through Indian Ocean to Europe [21]. MSR passes through South China Sea where competing claims exist between nations regarding island territories and the seas themselves. Then it passes through the narrow Strait of Malacca’s, where they are perceived to be vulnerable. This adds a certain unique security dimension to this route. Through Malacca’s it enters Indian Ocean Region (IOR). IOR is the global superhighway in trade, acting more as a connector between Atlantic and the Pacific. This is a sea line through which 80 % of Oil and 30 % of LNG needs arrive on the Chinese Coast [19]. This is also the line through which 30 % of global trade passes. In Indian Ocean Region, at sea there is relative calm, albeit with troubled littorals in Afghanistan and ISIS in Middle East³. Maritime Roads have also affected global history in several ways. Trade has always been associated with flag. The arrival of western maritime mercantilists also heralded colonisation in the past. India and China both were affected by the arrival of mercantile western empires in Asia⁴. Today, at a juncture in history when the centre of gravity of the globe is shifting to the East, this also has a unique maritime dimension- the “Westline” a fictional line that traces the shift of the global hub of maritime commerce has shifted too, to East Asia from Mesopotamia where it originally started five thousand years ago. As the new *Maritime Silk Road* takes shape five hundred years later from the hub of maritime commerce, it is going to be more economical and political in nature [10]. India would like China to participate in India’s *Maritime Silk Road* projects like Project *Mausam* and *Sagar Mala* Project.

Aerial Silk Road

The “Space-based Silk Road” is likely to encompass many powerful communications satellites and high resolution remote-sensing satellites. The *Beidou* system would be an inevitable component of this infrastructure. China is also collaborating with the service providers for the Russian satellite navigational system called GLONASS. Currently, GLONASS Union and Chinese manufacturing company Norinco have proposed joint development and production of a multisystem receiver module for satellite navigation systems⁵. Their idea is to launch Russian-Chinese receivers for satellite navigation systems on the Silk Road Economic Belt (SREB) and the Eurasian Economic Union (EEU) markets⁶.

To promote international services for Chinese satellites, important aerospace enterprises and research institutes like the China Great Wall Industry Corporation, China Satellite Communication Co Ltd, etc. have collaboratively formed an International Alliance of Satellite Application Service (ASAS) in August 2014 and have initiated the “Space Silk Road” programme to coordinate international cooperative research in space-based satellite technology for the “Silk Road Economic Belt” strategy. Apart from the governmental and private agencies, a few interdisciplinary non-profit NGO’s are also involving themselves in this project; the China Satellite Global Services Alliance (CSGSA) is one such agency. They are investing in developing ground facilities. Launching satellites is only one aspect of data collection. Currently, CSGSA has established trial satellite receiving bases in Xinjiang, Ningxia, Hainan and Fujian, all important locations for the B & R projects. Subsequently, for establishing receiving stations they propose to move westwards over land, through Central Asia [3].

The idea of the “Space Silk Road” appears to be taking a definitive shape. On May 29, 2015, the CSGSA and the International Trade Centre (ITC) jointly held the 2nd China Satellite Global Services

³ Only the chaotic horn of Africa has pushed the pirates into the oceans, which the comity of nations has been able to push back to a great degree. What has kept the oceans safe and maritime roads practical thus far is the United Nations Conventions on the Laws of the Sea (UNCLOS). This international law upholds the principle of *Mare Liberum* or open nature of the seas. From this emerges the freedom of navigation which enables maritime trade which carries 90 % of global trade in volume

⁴ Vasco’s arrival at Calicut in 1498 followed several unpleasant events for the next 400 years in Indian Sub-Continent. History rhymed in China a little later, when some of these events were repeated with the Macartney’s mission. These maritime explorations were mounted because both India and China were economic and commercial magnets of that time. These ventures never remained economic alone, as they acquired a political nature quickly

⁵ URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-06/24/c_134352983.htm, accessed on October 18, 2015

⁶ The Institute of Space & Earth Information Science (ISEIS) of the Chinese University of Hong Kong (CU) along Dong Fang Teng Fei (DFTF, a subsidiary of the Beijing Xiangzhi company) also joined “Space Silk Road” for developing global satellite services.

International Cooperative Talks where international experts discussed the construction of the Space Silk Road. With increase in global aviation traffic in general and increase in traffic in the region owing to OBOR network. China proposes to use the “Space Silk Road” system to create a live-feed “black box” which would provide constant global coverage of all air, shipping and overland routes. The system is also expected to enable planes and satellites to communicate with each other. China proposes to use Beidou navigational network as one of the important component in this system⁷.

Seamless internet connectivity would be a necessity for the success of OBOR initiative. The main satellite company in China, China Satellite Communications, has plans to launch a new satellite using Ka-band frequency (offers higher speeds and requires a smaller satellite dish for operations) that is supposed to cover the B & R initiative regions. For China, OBOR initiative is a long-term strategy designed for it to assume a bigger role in global affairs through the business route. Various aerial and space-based platforms will play an important role in making this strategy successful. Such platforms hold a larger promise than being merely labelled as transportation (passenger and cargo) and information provider platforms [13]. Aircrafts and satellites have commercial, political/diplomatic and strategic significance. In the years to come, China is expected to make more investments both technologically and financially in these sectors.

India is proposing to launch a satellite for SAARC (South Asian Association for Regional Cooperation) countries. This satellite would be launched during 2016 with an aim to assist the region in education, health and communication⁸. In 2016, India is also expected to operationalize its own navigational system called IRNSS (Indian Regional Navigation Satellite System) and is proposing to offer navigation, tracking and mapping services to its neighbours by using IRNSS platform. Today, India has one of the biggest remote-sensing satellite networks in place⁹. India can use all these services to connect with the region and beyond and in this endeavour India would look forward China’s participation in such projects under OBOR space network initiative.

OBOR: India Connect

Many roads of the “belt” under OBOR initiative are inching towards India. Throughout the history of Silk Road many scholars and businessmen from India visited China and vis a vis. Beijing is urging New Delhi to jointly develop a trans-Himalayan economic zone of cooperation with Nepal and Bhutan. India, Nepal, Bangladesh, Pakistan, has already started regular bus services, that not only enhance trade but also work as an important tool to promote people-to-people contacts between the four immediate neighbours, of course, security issues are addressed simultaneously to avoid the regional confrontation.

Beijing has also been talking to New Delhi about the so-called BCIM (Bangladesh, China, India and Myanmar) corridor to link the Yunnan province in south-western China with Myanmar, Bangladesh and with eastern India. It is no secret that the India till date didn’t show much enthusiasm in joining the OBOR initiatives but India is now taking a fresh look on this. Upon deeper reflection today India is now upgrading its connectivity, modernising border management, building new ports and developing better coordination between the government and corporate entities on taking up these projects [20]. India is willing to cooperate with China on increasing regional connectivity, as India does not want marginalisation from the unfolding geo-economic transformation in Asia and in the Indo-Pacific region.

BCIM route is reportedly discussed between the Indian and Chinese leaders regularly since May 2013. BCIM route is going to start from Kunming to Kolkata, linking Mandalay in Myanmar further connecting Dhaka and Chittagong. Pursuant to the understanding reached between the two countries in May 2013, India and China have established a Study Group on the BCIM Economic Corridor [18]. With joint efforts by China, India, Myanmar and Bangladesh, this route is expected to become important trade connectivity, however, security issues need to be addressed simultaneously.

India is interested in exploring the opportunities coming through OBOR. India’s interest is to sup-

⁷ URL: <http://sputniknews.com/business/20151013/1028464826/glonass-russia-norinco-tech.html#ixzz3ohh0aaAN>, accessed on Oct 16, 2015

⁸ URL: <http://www.hkengineer.org.hk/program/home/articlelist.php?cat=update&volid=174>, accessed on October 16, 2015

⁹ URL: <http://defence.pk/threads/china-planning-new-satellites-to-back-its-belt-and-road-initiative.372693/>, accessed on October 16, 2015

port the project and also to get the economic benefits from this. Further considering security concerns on the road, the regional cooperation could be beneficial for tracking regional terrorism and developing capabilities to respond to future uncertainties. Reports show that the regional countries would prefer India to be in the OBOR due to ancient linkages and for improving connectivity prospects. Hence, for India it'll be a prudent approach to creatively join OBOR. India also cannot ignore the significance that Silk Route brought to Indian through trade, cultural integration and sharing philosophy (Buddhism) and ideologies. That is why the silk route is also known as the "road of dialogue" [14]. The idea of connecting with OBOR could serve advantageous for India, helping to open-up a new path for formulating India's long-term domestic as well as foreign policy strategy.

India is ideally positioned today to expand the volume and direction of trade. The concept of regional transport network is developing as a contemporary version of multipolarity at the macro and micro regional level and is not restricted to the boundaries of the state, projecting local features directly to the global world. In fact, India has initiated the route revitalization process in view of globalization and economic integration. India has already started renewing the age-old relations with its extended neighbours in Eurasia for reviving Silk Road connectivity. This is essential for the development of the region, however, some potential branches are yet to be revived to realize the regional cooperation and for the overall development.

Nubra Valley in Ladakh is the gateway to Eurasia for India; it has two Silk Road branches connecting India with Pakistan and China. Both the trade arteries contributed for centuries as an Institution of dialogue. The route from Kashmir after crossing Kahrdung-La, the motorable roads, bifurcates near Khalsar. Crossing river Shyok near Tirth and takes the northwards bend almost parallel to Siachen river upto Ullan Pati Nallah. This stream is a few kms ahead of the Panamik, (the hot-spring zone and just short of Siachen glacier), and after this the route turns north-west to cross Saser La reaching Yarkahnd and other markets of China and the Central Asian region and the Karakoram Pass through Dispang Plain. Another route moves towards west, parallel to Shyok River, via Diskit – Turkut – Kapalu – Skardu to connect India with Pakistan. This route was used till the mid 20th century; however, restoring this route will be of great value [5].

India is also looking into the possibility of extending cooperation and brings the connectivity with the Caucasus reviving the ancient silk route. Azerbaijan was a significant hub during the Silk Road trading days. Even today, Ateshgah Temple and *Saries* (Motels) used by the traders are preserved as a reminder of Silk Route connectivity between India and Azerbaijan. The construction of Ashkelon-Eilat pipeline to India has got the potential to bring Caucasus closer to India and in the process Azerbaijan's oil could be brought via tankers from Ceyhan to Ashkelon further, oil could fed into the Ashkelon–Eilat pipeline, which could bring it to Eilat on the Gulf of Aqaba, from there, Eilat tankers could bring Azerbaijan's oil to Mumbai [7]. The advantage in this route is that it avoids the Suez Canal, which is highly congested and not accessible to super tankers, reducing the time taken for oil tankers to reach India from around 40 days to 19 days and would open up the vast energy reserves of the Caspian Sea to India.

Turkmenistan – Afghanistan – Pakistan – India (TAPI) gas pipeline project is significant connectivity project that has already started and an important connectivity project to meet the growing energy needs of South Asia. TAPI proposes to deliver gas from Dovletabad gas fields of Turkmenistan to Pakistan and India via Afghanistan. TAPI gas pipeline project has been described as modern days "Pipeline for Peace" and a "Reflection of Desire". The implementation of TAPI project has enabled to bring Central Asia and South Asia much closer through enduring energy project, integrating regional countries for development and prosperity [8]. TAPI can support by providing natural gas for fulfilling the economic development plans and for implementing clean energy program. TAPI is expected to become a best example of growing regional integration process.

International North-South Transport Corridor (INSTC) is significant regional transport corridor project which is extremely promising is trying to revive the silk route connectivity connecting east with the west and link the regional countries by rail, ship and even by road ways for moving freight from South Asia through Central Asia, South Caucasus and Russia to Europe. India signed an agreement mainly with Russia and Iran in 2001 to develop this route. The route primarily involves moving goods from India via ship to Iran, from Iran; the freight moves by ship across the Caspian Sea or by truck or rail to Southern Russia, goods are transported by truck or rail along the Volga River through Moscow to Northern Europe [9, pp. 31–34]. India has taken a major step by coordinating with the countries

like Iran, Russia and the countries of Central Asia, as well as Bulgaria, to push the idea of this project and for its implementation.

Currently, INSTC project includes regional countries such as Azerbaijan, Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Turkey, Syria, Ukraine, Belarus and also Oman. India emphasized on the need to increase cooperation and connectivity between the regional countries for mutual benefit. North-south corridor intends to facilitate this prospect and bring the powers of the region together. This project envisages a multi-modal transportation network that connects ports on India's west coast to Bandar Abbas in Iran, then overland to Bandar Anzali port on the Caspian Sea. Through Rasht and Astara moves further towards Russia and through Mediterranean to the Ukrainian ports of Odessa and Kiev and then onwards to Russia [9, pp. 31–34].

The INSTC route also has the rail connectivity of about 200 km from Iran to the Caspian Sea region. There is a possibility that in near future this network can be further expanded towards the South East Asia. While the Suez Canal route takes about 45–60 days, this *Green Corridor* project (INSTC) through Iran will significantly reduce transportation time and cost. It is expected that the INSTC route will take about 25–30 days reducing the transportation time significantly. INSTC will also reduce the transportation costs and eliminate the problems related to the legal issues such as vehicle weights, dimensions and operating permits, inconsistent documentation and inspections etc. INSTC is also expected to move through Nhava Sheva port in Mumbai (India) Bandar Abbas (Iran) – Tehran-Bandar Anzali (Iran) – Astrakhan (Russia). India is now keenly looking into the fast construction of Gazvin – Rasht-Astara (Iran) – Astara (Azerbaijan) railway route for connecting the railway lines of INSTC [9, pp. 31–34]. It is expected that the trade and tourism prospect will increase through this regional transport Corridor. India welcome China's participation in INSTC and expand the route connecting East with the West.

OBOR: Indian Discourse

In India there are various opinion and views floating on OBOR. Some consider this a as a significant regional project where as some are not much enthusiastic about this.

Views expressed by India's Foreign Minister Sushma Swaraj in June 2015, calling the OBOR's China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) project "unacceptable" since it crosses through Indian Territory.

Views expressed by India's Foreign Secretary Dr. S. Jaishankar at Fullerton Lecture on 22 July 2015, is that

China's 'One Belt, One Road' initiative need to link China to countries, cities and ports across the Eurasian landmass, China would need to obtain broader approval for the projects from other countries in the region for moving forward... and where India stand is that... if this is something that China want a larger participation in OBOR, then there would be a need for a large discussion and that hasn't happened yet!

However, India's former Foreign Secretary Shyam Saran mentioned during his lecture at ICS, New Delhi, on October 9th 2015

Currently, India has neither the resources nor the economic weight to put in place competitive and alternative connectivity networks on a global scale....therefore, now, it may be worthwhile to carefully evaluate those components of the OBOR which may, in fact, improve India's own connectivity to major markets and resource supplies and become participants in them just as India chose to do with the AIIB & NDB.

OBOR: India's Concern

Given the opaque nature of the OBOR, it doesn't pose an open threat to India's national security. But unravelling the details of the OBOR suggests subtle security concerns and challenges for India [11]. India has shown concern over OBOR's China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) project and as per Indian policy makers; CPEC might yield far-reaching economic benefits but can have serious security implications too. The discourse in India is such that the Karakoram (land) with Gwadar (sea) alignment has both commercial and military significance to serve as a strategic chokepoints vis-à-vis India. Some strategic analysts are of the opinion that CPEC might also prevent Af-Pak region from potentially becoming a safer place once US troops leaves Afghanistan[16]. Moreover, reports suggest that Pakistan is now working on raising the constitutional status of Gilgit-Baltistan (G-B) region in a bid to provide legal cover to the ambitious China-Pakistan Economic Corridor (CPEC). The Pakistan's move could signal a historic shift in the country's position on the future

of the wider Kashmir region. The proposal would see the mountainous region mentioned by name for the first time in the country's constitution, bringing it a step closer to being fully absorbed as an additional province [6]. Islamabad has historically insisted that the parts of Kashmir it controls are semi-autonomous and has not formally integrated them into the country, in line with its position that a referendum should be carried out across whole of the region¹⁰. Looking into the PoK's (Pakistan occupied Kashmir's) location, some views India are such that CPEC could have serious ramifications for India which needs cautious approach.

As per Chinese officials the CPEC is considered as a "livelihood project"; not being "political", they are just "commercial" in nature. The CPEC project is designed to connect Kashgar in China's Xinjiang Province with the strategic port of Gwadar in Pakistan¹¹. The CPEC, runs through a territory that is historically Indian territory and considered disputed. India has always maintained that Gilgit-Baltistan is part of the princely state of J&K, which had acceded to India¹². India's concern over China-Pakistan understanding on the Gwadar Port is noteworthy. Though India is now considering to seriously looking into the Chabahar Port development with Iran; yet the volume of financial backing that Gwadar Port receives from China is far superior to what India can match. It portends that China may emerge as a "direct party" in the Kashmir dispute in future¹³. Even though China has maintained a somewhat "neutral" position on the Kashmir issue in recent years particularly since the Kargil war, terming it as a "bilateral historical dispute". However, the Chinese pursuit of the CPEC project may impel it to revisit its position on Kashmir in future. CPEC is expected to be connected with the Gwadar port in four key areas, namely, port, energy, infrastructure and industrial cooperation.

However, India's policy making and academic circles are of the opinion that while China defends CPEC, calling it a "commercial" or "livelihood" project. Then India's "commercial" activity for oil and energy exploration in the SCS (South China Sea) should not come under doubt. The debate in India is such that the Chinese explanation with regard to CPEC rises the prospect that it may, in future, emerge as a more directly involved "third party" with major stakes in the dispute even though China has publicly maintains the position that the "Kashmir" dispute is a bilateral one between India and Pakistan¹⁴. CPEC is estimated to involve an initial \$ 46 billion investment in infrastructure development programme. Reports indicate that China will now run the Karot Hydropower project, which is roughly estimated to cost \$ 1,65 billion, for the next 30 years before handing it over to Pakistan. This project is likely to be operationalized by 2020 [15]. As far as the opinion in the military circle in India is concerned they consider this as a stratagem that points to a "Three Warfare's Strategy", where psychological superiority, public opinion and legal application are integral parts of the strategy. Through the CPEC investments in POK, China is seemingly attempting to gain a "psychological" edge over India, influence public opinion in Pakistan and China might even get involved in the Kashmir dispute at a future date. Until now, China has maintained a "neutral" position on the Kashmir dispute in recent

¹⁰ The G-B area of Jammu and Kashmir occupied by Pakistan covers 85,793 sq km. It was further divided in 1970 into two separate administrative divisions, Mirpur-Muzaffarabad (which Pakistan calls Azad Jammu and Kashmir, or AJK) and the Federally Administered Gilgit-Baltistan. G-B was earlier referred to as the "Northern Areas" in Pakistan. Both the regions have their own legislative assemblies and, technically, are not part of the Pakistan federation. Pakistan administers them through a special minister for Kashmir and joint councils. Pakistan maintained that Kashmir is a disputed region and that its status should be decided by a plebiscite under the UN resolution of 1948-49. Reportedly, the government of Pakistan-occupied Kashmir (PoK) has decided to lodge protest against any attempt to convert G-B into a province of Pakistan. Pakistan-occupied Kashmir (PoK) Prime Minister Chaudhry Abdul Majeed has warned Islamabad against any attempt to convert G-B into a federal province. PoK President Sardar Mohammad Yaqoob Khan warned that such a step would be more damaging than the dismemberment of Pakistan in 1971. The ministers are of the view that making G-B a province of Pakistan will dent the Kashmir cause. They maintain that G-B is part and parcel of the state of Jammu and Kashmir and any attempt to merge it into Pakistan will deal a fatal blow to their stance in the light of the UN resolution. They maintain that Pakistan has been given administrative control of G-B on a temporary basis only and Pakistan must not attempt to change its identity.

¹¹ Opinion shared by Professor Yang-minghong during the Conference attended by author on "One Belt One Road: Vision and Road Map of China India cooperation", Sichuan University, Chengdu, China on 28th November 2015, attended by author

¹² Opinion shared by Bring. Vinod Anand during a Conference attended by author on "One Belt One Road", Sichuan University, Chengdu, China on 28th November 2015, attended by author

¹³ Opinion expressed by Indian scholars during Round Table Discussion between Chinese and Indian scholars on "One Belt One Road", on August 9, 2015 at USI, New Delhi, attended by author.

¹⁴ Opinion Shared by Gen. Singh and Gen. Sandhu during the talk and discussion between Chinese and Indian scholars on "China Pakistan economic Corridor", on January 20, 2016 at USI, New Delhi, attended by author.

times, particularly after the Kargil conflict, terming it as a “bilateral historical dispute” between India and Pakistan, but the Chinese pursuit of CPEC might well encourage Beijing to re-look its position on Kashmir, a concern for India.

OBOR: Challenges and Recommendations

Any radical policy could increase the risk of chaos decreasing the scope of prospect. There is a challenge in number of sectors for smooth flow of trade and economic connectivity. Like there is a challenge to reduce the customs problems for easy trade and economic cooperation. There is a challenge in smooth and quick visa processing activities. There is a complication in simplifying the Banking procedures for conducting smooth trading and commercial activities. Lack of information poses another major challenge in communicating correct information. Therefore, to overcome the challenges, there is a need to conduct regular dialogue & interaction with decision makers, there is a need to discuss about the cooperation mechanism possibilities at regular interval with the concerned authorities of all the partner countries. There is also a need to implement collective security programme initiative. There is a need for greater transparency and sharing of information and the vision should be clear and unified. There is a need for better coordination and harmonize the strategies complimenting each other's requirement

Conclusion

There is a competitive advantage in the OBOR and OBOR initiative could realize the advantage of the regional countries. It is also important to note that in today's world, strategic and economic cooperation go hand in hand, hence, there is a need to formulate an intense economic and trade relationship for maintaining cooperation with each other. If successfully carried out then OBOR could make the entire region covered with a great infrastructure of highways, railways and logistics Centers as well as commercial hubs and these initiatives could take care of fast movement of both passengers and cargoes China through OBOR initiative has put forward its ambition and imaginations, however, should consider regional security issues and concerns while working on OBOR projects. To conclude must mention that there will be several obstacles and challenges but there will be a need to look into new diplomatic, economic and security realities on the ground to acquire the benefits and the expectations through OBOR.

СУХОПУТНЫЙ, МОРСКОЙ И ВОЗДУШНЫЙ АСПЕКТЫ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ИНДИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ*

*Ниведита Дас Кунду, старший советник по науке,
Центр стратегических исследований и моделирования,
Институт объединенных служб Индии (Нью-Дели)*

Аннотация: Проект «Один пояс, один путь» имеет главной целью углубление региональной кооперации и развитие торгового и экономического сотрудничества. Вместе с тем Китай стремится посредством этой инициативы сделать торговлю инструментом расширения своего геополитического и геостратегического влияния. В статье предпринята попытка осветить различные аспекты инициативы «Одного пояса, одного пути». Приводятся точки зрения, помогающие понять суть дискуссий относительно новой геополитической реальности и потенциальной региональной торгово-экономической кооперации.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь», Китай, Индия, Пакистан сопряженность, региональное сотрудничество, транспортные коридоры.

*Статья дается в авторской редакции.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

1. *Akiner Shirin, Ibrahimov Rovshan, Ariz Huseynov*, “Interregional cooperation in Eurasia: Transport and Logistic projects as an accelerator of Integration within and between the Black sea region, the South Caucasus and Central Asia”, Special double issue, Vol. 9–10, September 2013.
2. *Boulnois, Luce* (2005). *Silk Road: Monks, Warriors & Merchants*. Hong Kong: Odyssey Books.
3. *Han Bochen*, “China’s “Belt and Road” is also being forged through airports”, October 13, 2015, <http://thediplomat.com/2015/10/chinas-silk-road-takes-to-the-air/>, accessed on October 14, 2014.
4. *Hussain Moazzen, Lyanlur Islam, Reza kibra*, *South Asian Economic development: transformation opportunities and challenges*, Routledge, London, New York, 1999.
5. *Kaushik Devendra*, lecture given on *Eurasia and India*, on 11th November 2013 at ICSSR, New Delhi.
6. *Kumar Sanjay*, “Merger of Gilgit-Baltistan into Pakistan – Ramifications”, available at usiblog.in/author/sanjaykumar/ accessed on January 26, 2015.
7. *Kundu Das Nivedita* «Prospects for India-Azerbaijan Energy Cooperation», *CCEE Policy Brief*, Caspian Center for Energy and Environment, ADA University, Azerbaijan, June, 2014. also available at file:///C:/Users/rinku%20kundu/Downloads/CCEE%20Policy%20Brief-6%20(5).pdf
8. *Kundu Das Nivedita*, “Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India (TAPI) Pipeline Project from Dream to reality”, available at [valdai.club.com/TAP Pipeline Project from Dream to reality/](http://valdai.club.com/TAP%20Pipeline%20Project%20from%20Dream%20to%20reality/) December 16, 2015.
9. *Kundu Das Nivedita, Murat Yulek & Humbatov Mahir*, “Baku-Tbilisi-Kars Railroads : The Iron Ground For The Silk Road”, *Sam Review*, Volume 13, September 2014, Center for Strategic Studies, Baku, Azerbaijan
10. *Martin Stopford*, *Maritime Economics 3e*, 3 edition (London ; New York: Routledge, 2008).
11. *Panda Jagganath*, Does China’s ‘One Belt, One Road’ initiative poses any threat to India’s national security? <http://www.idsa.in/askanexpert/Q1887DoesChinasOneBeltOneRoad>
12. Report of National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People’s Republic of China, with State Council authorization, March 2015, Beijing, available at URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-03/28/c_134105858.htm, accessed on November 5, 2015.
13. Russian-Chinese Sat Nav System to Launch on Silk Road, EEU Markets, October 13, 2015, URL: <http://sputniknews.com/business/20151013/1028464826/glonass-russia-norinco-tech.html>, accessed on October 14, 2015.
14. *Sahoo Pravakar and Bhunia Abhirup*, “BCIM Corridor a Game Changer for South Asian Trade”, East Asia Forum, available at URL: <http://www.eastasiaforum.org/2014/07/18/bcim-corridor-a-game-changer-for-south-asian-trade/> accessed on November 7, 2015.
15. *Shyam Saran* “What China’s One Belt and One Road Strategy Means for India, Asia and the World”, available at URL: <http://thewire.in/2015/10/09/what-chinas-one-belt-and-one-road-strategy-means-for-india-asia-and-the-world-12532/> accessed on November 2, 2015.
16. *Sibbal Kawal*. Speech in December 9, 2015, on “China’s Growing Influence in India’s Neighbourhood and Implications for India”, USI, New Delhi, attended by author.
17. Space Silk Road’ to help aviation, shipping, disaster relief, URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20150603000007&cid=1101>, accessed on October 17, 2015.
18. *Stobdan P.* “Carving out a path on Chinas road”, available at URL: <http://www.thehindu.com/opinion/columns/world-view-column-carving-out-a-path-on-chinas-road/article7814833.ece>
19. “Stratfor,” available at URL: <https://www.stratfor.com/>, accessed on October 18, 2015.
20. *Vaid Manish and Singh Maini Tridivesh*, “BCIM: Can India Be a Driving Force?” *The Diplomat* available at URL: <http://thediplomat.com/2015/01/bcim-can-india-be-a-driving-force/>
21. “Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road”.
22. “Xi in Call for Building of New ‘Maritime Silk road’. chinadaily.com.cn,” accessed August 16, 2015, URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-10/04/content_17008940.htm

Раздел 3.

Международные организации в АТР

В. Я. ВОРОБЬЕВ

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Виталий Яковлевич Воробьев, старший научный сотрудник Центра исследования Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол. 119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: asia@mgimo.ru

***Аннотация:** Автор размышляет о перспективах развития ШОС согласно стратегии, намеченной на Уфимском саммите 2015 года, о ее возможной сопряженности с китайской инициативой Шелкового пути. Анализируются этапы глобальной стратегии Китая и ее принципиальные сдвиги в последние годы в сравнении с установками эпохи Дэн Сяопина.*

***Ключевые слова:** ШОС, Китай, Шелковый путь, стратегия развития, геополитика.*

Чем и как встретит Шанхайская организация сотрудничества своеобразный юбилей — свое 15-летие, которое приходится на 2016 год? В прошедший период Организация весьма уверенно экстенсивно росла. Запущены и лучше или хуже работают многочисленные и разнообразные механизмы, призванные стимулировать многостороннее взаимодействие по трем главным направлениям: обеспечение безопасности и стабильности, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное. Непредвиденно быстро разросся географический ареал ШОС. Помимо шести государств-основателей (Казахстан, Киргизия, Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан), теперь имеется шесть наблюдателей (Афганистан, Белоруссия, Индия, Иран, Монголия, Пакистан) и шесть партнеров по диалогу (Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция, Шри-Ланка). Организация пользуется значительным международным признанием, о чем, в частности, говорит статус наблюдателя при Генеральной ассамблее ООН.

В целом ШОС, исходя из формальных критериев, состоялась как самостоятельная межгосударственная региональная структура. О том, что этап становления Организацией пройден, свидетельствует факт одобрения на Уфимском саммите в июле 2015 года Стратегии развития ШОС до 2025 года. Ее старательно отфильтрованный текст не столько выдает новые серьезные целеполагающие ориентиры на будущее, сколько фиксирует сложившийся статус-кво. Иными словами, на предстоящий период предлагается сценарий скорее инерционного, чем инновационного движения. Ничего предосудительного и зазорного в таком выборе для мо-

лодой организации нет, если, следуя прозвучавшим разъяснениям, упор станут делать на улучшении качества многогранной деятельности ШОС и ее внешнего позиционирования, повышении коэффициента полезного действия всех ее органов и механизмов. Жизнь, конечно, будет вносить свои коррективы. На горизонте уже замаячил ряд серьезных вызовов для Организации.

* * *

Прежде всего притягивает к себе внимание абсолютно новый фактор, о котором в Стратегии упомянуто лишь вскользь.

Уфимский саммит принял наряду со Стратегией судьбоносное по своей сути решение, а именно: ядро ШОС не будет в дальнейшем сохраняться в неизменном виде, а станет пополняться новыми членами. В связи с этим ссылаются на положение об открытом характере Организации, содержащееся в Хартии ШОС. Оно получает безразмерно широкое толкование. Первые признаки вероятности подобной трансформации обозначились еще десять лет тому назад. Тогда было признано резонным повременить с рассмотрением, тем паче с удовлетворением, уже поступавших обращений, поскольку Организация только становилась на ноги. Процедурные аспекты приема новых членов требовали предварительной тщательной отработки, так как они практически отсутствовали в изначальной нормативной базе Организации.

Вокруг ядра, которое в течение нескольких лет справедливо отдавало приоритет задачам своей внутренней консолидации, стали складываться два пояса, состоящие из государств — «наблюдателей» и «партнеров по диалогу». Их наличие и поступление все новых заявок воспринималось в качестве зримого показателя авторитетности и притягательности ШОС. Правда, взаимодействие с ними до недавнего времени сводилось в основном к контактам протокольного порядка. Судя по тенденции, проявившейся в Уфе, когда одновременно Белоруссия повысила до «наблюдателя», а партнерство по диалогу предоставили Азербайджану, Армении, Камбодже и Непалу, группа симпатизантов ШОС имеет перспективу постоянного и, похоже, безлимитного увеличения, ибо поток желающих не иссякает. В официальном лексиконе стал употребляться весьма неоднозначный по смыслу термин «шосовская семья», имеющий скорее пропагандистско-саморекламный привкус.

Договоренности, зафиксированные в Уфе относительно начала процесса абсорбции Индии и Пакистана в основной состав ШОС, не просто означают, что следующей фазе ее существования будут присущи некие новые особенности. На деле они дают «зеленый свет» гораздо более существенным радикальным и далеко идущим переменам в жизни Организации. По существу речь можно вести о переходе ШОС в совершенно иное, чем до сих пор, состояние, при тех же внешне институциональных контурах функционирования. Важно видеть в соответствующих решениях по указанным двум странам прецедентный характер, чем наверняка захотят воспользоваться другие «соискатели». Существующие на сегодня критерии приема новых членов политически отнюдь не строги. Кроме того, каких-либо ограничений на количество членов Организации пока не установлено, а «новички», приходя в нее, формально сразу становятся «на одну ногу» с государствами-основателями.

Таким образом, ШОС теперь оказывается не перед альтернативой — идти ли по пути расширения основного состава, а перед необходимостью определяться стратегически, как далеко она может позволить себе зайти по этому пути, не допуская смещения своей региональной сфокусированности на проблематике Центральной Азии. Любые поползновения сбить заложенную в ШОС центровку, пусть даже де-факто, как представляется, будут вызывать раздражение и возражения у центральноазиатских участников, расшатывать консолидирующие начала в ШОС. Так или иначе, растущую актуальность приобретает вопрос о том, чтобы, не откладывая в долгий ящик, очертить в рамках существующего состава ШОС единое понимание оптимальной критической массы, которую может выдержать Организация в процессе расширения (все новые члены, наблюдатели, партнеры по диалогу), без опасности надломиться из-за собственной сверхтяжести или мутировать в нечто гигантское по размаху, но далеко отстоящее от первоначальных проектов 15-летней давности.

Интеграция новых элементов в уже налаженную и работающую систему всегда сопряжена с трудностями обоюдной притирки, несет в себе риски ослабления общефункциональной слаженности и усиления неповоротливости как в повседневном режиме внутренней бюрократии, так и особенно при принятии необходимых решений. При появлении новых интересов, которые будут не только спорадически декларироваться, но и уверенно продвигаться, неизбежно усложнится практика применения правила консенсуса, главенствующего в ШОС, хотя, наверно, добавит красок в искусство его построения.

Независимо от субъективных пожеланий и чьих-то предпочтений, возникающая непривычность ситуации сама по себе не может не порождать те или иные проблемы и трения текущего порядка. В том числе, по причинам, внешне кажущимся незначительными. Таким, например, как различия в артикуляции оттенков мнений в силу других стандартов и традиций формирования формулировок и лексико-грамматических приемов построения фраз, а также точности их передачи на русском и китайском языках. Двуязычность ШОС представляется одной из ее фундаментальных основ, которую, думается, не следует размывать.

Весьма важным на перспективу видится утвердившееся на саммите понимание, что получение членства в ШОС – это не одноразовое действие, а некий процесс, старт дается сообразно политическим критериям. Потому в Уфе воздержались от решения по Ирану. Содержательную и процедурную стороны определяет пакет документов, в окончательном виде принятый главами шести государств в 2014 году. Длительность этого процесса зависит главным образом от того, сколько времени у страны-заявителя в соответствии с собственным законодательством займет безоговорочное присоединение ко всем действующим в ШОС многосторонним соглашениям, которых на текущий момент насчитывается свыше трех десятков. Предстоит также урегулировать с виду технические, но на деле существенные и подчас чувствительные вопросы относительно долей, вносимых новыми членами в бюджет ШОС и прямо увязанных с ними квот персонала, направляемого соответствующим государством в постоянно действующие органы – Секретариат в Пекине и Исполком Региональной антитеррористической структуры в Ташкенте.

Подготовкой к приспособлению к новому состоянию придется заняться и самой Организации. Особенно это затронет постоянно действующие органы. Так сложилось, что они с точки зрения компоновки и бюрократической устойчивости привыкли и во многом приспособлены к формату «шестерки». Весьма непросто будет приноровиться Исполкому РАТС, ибо там работают не дипломаты, а эксперты специальных ведомств со своими специфическими правилами и порядками, в том числе касающимися доступа и обмена информацией, носящей во многом конфиденциальный характер.

Секретариат, насколько можно судить, еще набирает обороты в освоении и использовании предоставленных ему полномочий и возможностей. Он пока не дотягивает до того, чтобы быть функциональным интегратором и мониторинговым координатором всей полифонии деятельности ШОС. Очевидно, было бы оправданным в самое ближайшее время обратить приоритетное внимание на подстройку работы Секретариата с учетом уже назревших потребностей и грядущих новых реалий в жизни Организации.

Несмотря на имеющиеся недостатки, естественные для молодой и стремительно растущей Организации, постоянно действующие органы, как убедительно показывает практика деятельности ШОС, приобрели одно очень ценное свойство, которое необходимо беречь, укреплять и культивировать. Речь идет о положительном опыте и навыках повседневного конструктивного ровного доброжелательного общения представителей нынешних государств-членов, независимо от конъюнктуры отношений между ними, разных религиозных воззрений, различий в культурных традициях и бытовых укладах.

Выстраивание механизма плотного взаимодействия с наблюдателями также выдвигается в первые строки повестки дня ШОС (Индия, Пакистан и любые другие кандидаты на попадание в основной состав ШОС остаются в своем прежнем статусе до полного завершения процесса приема). Вряд ли здесь стоит изобретать какие-то новые любительские конструкции. Думается, наиболее подходящим было бы обратиться в качестве базы к давно освоенному и достаточно эффективному варианту «все государства-члены плюс один». Индивидуализация подхода к каждому наблюдателю поможет сделать сотрудничество взаимно практически заостренным. Такая схема могла бы вобрать в себя проведение встреч по формуле «госу-

дарства-члены плюс все наблюдатели». Видимо схожая формула могла бы быть применена и к партнерам по диалогу. Причем не следует упускать из виду, что статус наблюдателя и партнера не возбраняется запрашивать у ШОС другим международным организациям.

ШОС должна не только хотеть расширяться, но и быть адекватно подготовленной к этому. Прежде всего это касается увеличения ее ядра. Продуманность, взвешенность, эшелонированность необходимо поставить во главу угла в этом крайне ответственном начинании, дабы избежать появления каких-либо раздражителей, деструктивных девиаций или «мин замедленного действия», которые внезапно дадут разрушительно о себе знать впоследствии при быстрых и резких переменах в международной или региональной ситуации, что все более присуще современному миру.

* * *

Нетравматичность расширения — один из уже начавшихся экзаменов для ШОС. Крупной, исторически долговременной задачей, граничащей с вызовом, решение которой придется еще искать, является определение оптимальной диспозиции ШОС применительно к идее нового Шелкового пути.

Провозглашенные председателем КНР осенью 2013 года два призыва — создавать сухопутный и морской маршруты нового Шелкового пути — оказались отнюдь не дежурными красивыми фигурами речи. Они сразу были глубоко встроены в дипломатическую практику Китая, стали лейтмотивом масштабной пропагандистской кампании, хотя в значительной мере сохраняют контурный характер. Сейчас можно с большой долей уверенности говорить о том, что речь в сущности идет не просто о придании международному позиционированию Китая нового облика и стиля. Подоплекой инициатив китайского лидера видится стратегическая заявка нынешнего, пятого поколения китайских руководителей на то, чтобы приступить к третьей фазе осуществления базовой установки внешней политики на независимость и самостоятельность.

Первая фаза связана с утверждением данной внешнеполитической установки в период «культурной революции» (1960–1970-е годы), во многом затеянной Мао Цзэдуном именно в этих целях. Ее центральным посылом был демонстративный разрыв с предыдущей политикой «крена в одну сторону (ибяньдао)», то есть в сторону Советского Союза, символическим воплощением которой был заключенный в январе 1950 года в Москве союзный договор сроком на 30 лет. Подспудно в международной деятельности тогдашнего Китая приглушалась идеологическая риторика. Выдвижение «теории трех миров», полностью лишенной намек на партийно-коммунистические критерии, но наглядно демонстрировавшей разъединение КНР и КПК с СССР и КПСС, расчищало пекинскому руководству поле для новой «большой игры» под лозунгом независимости и самостоятельности без оглядки на условности недавнего времени. Ее показателем стала нормализация отношений с США, инициированная лично китайским вождем. Вашингтонская администрация уловила и правильно восприняла сигналы из китайской столицы, прагматично и рационалистически «прикрыв глаза» на репрессивные и разрушительные эксцессы «культурной революции». Именно в те годы начал складываться треугольник США — СССР — КНР. В нем Китай смотрелся уже отдельным статусным фактором в раскладе ведущих мировых сил. Показательно, что при всем критическом неприятии левацко-радикальных теоретических и практических моментов «культурной революции» в сегодняшнем Китае не вызывает нареканий то, что тогда удалось сделать в сфере внешней политики, и в этом контексте позитивно оценивается роль Мао Цзэдуна.

Следующая фаза, точкой отсчета которой можно принять конец 1970-х годов, длилась свыше 30 лет. В этот период Китай сумел внутренне резко настроиться на задачи хозяйственного развития, преуспел в проведении всесторонней модернизации и стал общепризнанной «главной мастерской мира», второй державой по целому ряду валовых экономических показателей, реально оказывающей все возрастающее воздействие на глобальную экономику и процессы, в ней происходящие. Подчинение внешней политики обеспечению достижения внутренних ориентиров потребовало реконфигурировать курс независимости и самостоятельности. От возникшего крена в сторону Запада, принесшего немалые дивиденды, но обнаружившего свои лимиты и неудобства, Пекин довольно быстро и эффективно перешел

к разновекторности и динамичной сбалансированности, что по сей день определяет суть внешних сношений КНР.

Называя заключение и вступление в военно-политические союзы реликтом мышления «холодной войны», Китай вместе с тем начал демонстрировать предпочтение формированию партнерских отношений с различными государствами, в том числе стратегического и всеобъемлющего характера. За 20 лет после первого такого рода прецедента с Российской Федерацией у Китая образовалась сеть или система разноуровневых партнерств более чем с 70 странами.

На этот раз показателем перенастройки курса стала полная нормализация отношений с СССР на рубеже 1990-х годов, включая исторически значимое урегулирование пограничных вопросов, постепенное превращение границы в полосу добрососедства и основу для развития доверия в военной области (все это, кстати, осуществлялось Китаем без ущерба для его политических и деловых контактов с Западом). Самоликвидация Советского Союза в 1991 году еще более укрепила убежденность Пекина в верности и необходимости продолжения уже взятой линии внутри страны и в международном общении. Образование новых государств на пространстве бывшего СССР было прагматически расценено как неожиданное возникновение дополнительного потенциального ресурса для решения внутренних модернизационных задач и расширения поля внешнеполитического маневрирования с учетом прекращения существования треугольника США – СССР – КНР в его прежнем формате. Развитие этих взглядов привело Пекин к решению дать согласие стать одним из учредителей ШОС. Тем более что она замышлялась и выстраивалась как своего рода многосторонний институт партнерства в сферах совпадающих интересов.

Бесспорна заслуга Дэн Сяопина в этой фазе политики независимости и самостоятельности, которая вытекала и опиралась на заложенную им же и действующую поныне модель китайского экономического устройства, по своей природе напоминающую римейк ленинско-бухаринских представлений о НЭПе, сильно подтянутых к современности и постоянно адаптированных к потребностям глобализованного и информатизированного мира. На многие годы она обеспечила Китаю очень высокие темпы роста и позволила ему утвердиться в ряду перворазрядных стран современного мира. Политическое наследие Дэна включает в себя, в том числе, известную внешнеполитическую стратегию из 24 иероглифов: «Наблюдать хладнокровно, реагировать сдержанно, стоять твердо, скрывать свои возможности и никогда не брать на себя лидерство».

Инициатива Си Цзиньпина насчет нового Шелкового пути, очевидно носящей глобалистский характер, а также новый почерк китайской дипломатии (планетарная всеохватность, гибкость при дозированной напористости в отстаивании «коренных интересов»), сдвиги в акцентах и оттенки тональностей комментаторской риторики, проявляющейся в самое последнее время, если их анализировать в совокупности, подводят к предположению: не подвергается ли дэнсяопиновская формула переосмыслению? В пользу такого умозаключения говорит назойливое подчеркивание целей «возрождения китайской нации», словно Китай вновь находится в преддверии каких-то серьезных поворотов в своей исторической судьбе. А какие мобилизующие интенции закладываются в лозунг осуществления «китайской мечты», если он все заметнее ассоциируется с постановкой амбициозной, но весьма неоднозначно звучащей цели «возвышения Китая»?

Фактор выхода Китая на позиции второй в мире экономической державы – явление, само по себе относящееся к сфере экономики, объективно не может быть предметом «сокрытия» даже в частностях, каковы бы ни были субъективные желания в Пекине. Соответственно, это распространяется и на военный потенциал Китая, который, будучи производным от этого фактора, не может не увеличиваться и не совершенствоваться. Следствием подобной эволюции становится проекция накапливаемой мощи в сферу геополитики. Иное было бы противоестественным для исторической логики. Почему собственно Китай должен составлять исключение из этой закономерности?

Как представляется, проблема состоит не столько в том, нужно ли это Китаю и сможет ли он в принципе занять адекватное военно-политическое место в мировом раскладе сил, образовать, так сказать, второй по значимости самостоятельный глобальный полюс, если использовать терминологию перспективы формирования нового миропорядка на основе

многополярности, в рамках которой, кстати, может образоваться свой ранжир — градация весомости полюсов.

В Пекине размышляют скорее о том, как более органично и безболезненно для нынешней в целом благоприятной для Китая международной имиджевой составляющей обставить эволюцию в указанном выше направлении, принимая во внимание распространенное сильное предубеждение не только к «моносверхдержавности», но и к «сверхдержавности» вообще в устоявшемся прежнем значении этого термина. Тем более что его сугубо негативное толкование было глубоко внедрено партийной пропагандой в свое время в сознание китайских масс.

Вызревающий переход Китая к занятию лидерских позиций в глобальном измерении, думается, составит основное целевое содержание новой фазы политики независимости и самостоятельности. Судя по всему, она, подобно предыдущей, займет продолжительный период времени, далеко выходящий за десятилетний предел нахождения у власти действующего китайского руководства. Ему придется во многом сосредоточиться на укреплении материальной базы перехода. Упор уже делается на формировании новой инновационной модели обязательного экономического роста в оптимальных пределах не ниже 6–6,5 % в год. В том числе, это остро необходимо для обеспечения социально-политической стабильности внутри страны. Берется курс на поощрение и расширение рыночных начал, еще более плотное встраивание Китая в процессы глобализации.

На место «сделано в Китае» (Made in China), хорошо знакомому всему миру бренду¹, должен прийти качественно другой: «создано» (изобретено) в Китае» (Created in China). Иными словами, смысловой нагрузкой искомой модели роста является следующий виток модернизации Китая. Его цель состоит в подтягивании экономики в целом, в первую очередь в сфере собственных суперсовременных технологических разработок, до уровня самых передовых западных стран, хотя по ряду позиций Китай в этом отношении уже сегодня вполне конкурентоспособен. Намечается форсирование использования возможностей центральных и особенно западных регионов Китая, в том числе, за счет перемещения многих мощностей из наиболее продвинутых прибрежных районов. Последние же будут превращаться в ведущие инновационные полигоны за счет канализирования соответствующих зарубежных инвестиций и дальнейшей либерализации режимов в свободных экономических зонах. Излишние производственные мощности (в различных базовых отраслях сегодня насчитывают до 30–50 %) предполагается выносить за рубеж. То есть Китай берет на вооружение методiku, примененную несколько десятилетий тому назад рядом развитых стран, в том числе Японией, в отношении проведения индустриализации молодых тогда развивающихся государств. Таким образом, принцип движения «с востока на запад» будет во многом определять лицо и сущность новой модели экономического роста, темпы которого были бы приемлемыми как для обеспечения внутренних потребностей, так и для упрочения за Китаем места второй экономической державы мира.

Формируемая модель, с одной стороны, призвана выступать в качестве основного источника и поставщика финансовых ресурсов и товарных потоков по «экономическому поясу» и «морскому маршруту» нового Шелкового пути. С другой стороны, в завершенном виде она может подаваться в Китае и перед международным сообществом в качестве наглядного показателя практического воплощения идеи Шелкового пути. При этом все же остается непроясненным, какие конкретные объекты можно отнести на счет ее реализации и по каким критериям их следует выделять из огромного массива двусторонних межгосударственных договоренностей. Ведь так можно навешивать ярлык нового Шелкового пути механически и произвольно на все более-менее заметные проекты, будь то внутри Китая или за его пределами, но с его участием — что, кстати говоря, уже широко практикуется.

Обращает на себя внимание непрерывная подвижность географических рамок пространства нового Шелкового пути. Еще недавно упоминались примерно 40 стран с населением около 3 млрд человек на Евразийском континенте. Теперь уверенно говорится почти о 70 государствах и о более чем 4 млрд жителей, включая северную часть Африки и Австралию. Все чаще пробрасывается тезис о самой широкой открытости китайского начинания.

¹ Строго говоря, это не бренд, а наименование места происхождения товара, но в некотором расширительном смысле определенное сходство с маркетинговой категорией бренда у такого наименования можно усмотреть. — *Прим. ред.*

Стоит напомнить, что Си Цзиньпин, намечая осенью 2013 года основные параметры своих предложений, на первое место поставил задачу не инфраструктурной взаимосвязанности, как это кажется многим, а политической объединенности всех участников на основе модернизированного переложения известных принципов мирного сосуществования с несколько экономическим уклоном. Впоследствии это было быстро соединено с его же призывом к формированию общечеловеческого «сообщества одной судьбы», первоначально прозвучавшего весной того же года в Москве на лекции в МГИМО МИД России.

Думается, выискивать несостыковки, недомолвки и неконкретности в китайской идее нового Шелкового пути, упрекать в затягивании ее концептуального оформления (в самом Китае понятие концепции официально не употребляют) и в отсутствии внятной «дорожной карты ее реализации» означает сводить все дело к частностям, бить мимо главной долгосрочной смысловой цели – выхода Китая на арену глобального проектирования.

Примечательно и то, что в Пекине изначально заявляют, что никакие из действующих на пространстве нового Шелкового пути международных объединений не рассматриваются в качестве помех для реализации выдвинутых идей. В таком случае Китай сам должен будет искать формат приспособления к таким структурам, о чем можно судить из прецедента начавшихся консультаций с Евразийским экономическим союзом.

Философия нового Шелкового пути во всем созвучна тому, что с самого начала исповедует и практикует ШОС. Этот факт определенно указывает на то, что реализация идеи нового Шелкового пути не может и не должна рассматриваться как нечто противостоящее ШОС. Наоборот, они вполне совместимы. В данном контексте ШОС, как представляется, не стоит впадать в повышенную активность с намерением найти для себя какую-то особую нишу. Ей надо оставаться тем, чем она уже является – сложившейся самодостаточной авторитетной межгосударственной структурой и действовать по собственным планам и предназначениям. Поскольку Китай для ШОС не сторонний актер, а страна-основатель, то его образ действий внутри Организации может помочь составить более объемное, четкое и непосредственное представление о том, как им мыслится реализация идей нового Шелкового пути.

В нынешних обстоятельствах для ШОС добавляются новые полезные возможности в виде международного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (его руководство отрицает версию, будто банк создан исключительно для обслуживания идеи Шелкового пути), различных крупных фондов, плодящихся в Китае под брендом Шелкового пути.

Для России, как убедительно показал год ее председательствования в ШОС и Уфимский саммит в июле 2015 года, площадка ШОС была и будет впредь важной составляющей ее внешней политики. Превратности международного климата требуют от России осуществления многоазимутной дипломатии, значительного повышения эффективности ее Восточного направления. А здесь смыкаются задачи укрепления ШОС и принятия действенного участия в реализации идей нового Шелкового пути.

THE JUBILEE YEAR OF SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Vitaliy Vorobiev, Senior Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

Summary:

The author contemplates about the prospects of SCO development according to the strategy formulated at the Ufa-2015 summit and its possible conjugation of this strategy with Chinese initiative of Silk Road. The stages of China global policy and the most recent shifts as compared with the political attitudes of Deng Xiaoping era are described.

Keywords: *SCO, China, Silk Road, development strategy, geopolitics.*

А. В. ЛУКИН, А. В. ИВАНОВ

О ЗАДАЧАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ ФОРУМА ШОС
(ПО МАТЕРИАЛАМ 10-ГО ЗАСЕДАНИЯ ФОРУМА ШОС)

*Александр Владимирович Лукин, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС
ИМИ МГИМО МИД России, руководитель департамента международных отношений
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», д.и.н.*

E-mail: a.lukin@inno.mgimo.ru

*Андрей Владимирович Иванов, ведущий научный сотрудник Центра исследований
Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России*

E-mail: tako57@mail.ru

Аннотация: В данной публикации содержится краткий обзор всех докладов и наиболее важных выступлений участников Форума ШОС в Ханты-Мансийске

Ключевые слова: ШОС, научный форум, сотрудничество, безопасность, экономика.

Десятое заседание Форума ШОС состоялось 11–12 марта 2015 года в г. Ханты-Мансийск (Россия).

Заседание открыл ректор МГИМО МИД России А. В. Торкунов. С приветствиями к участникам заседания обратились заместитель министра иностранных дел РФ И. В. Моргулов, Генеральный секретарь ШОС Д. Ф. Мезенцев и временно исполняющая обязанности Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Н. В. Комарова.

В заседании Форума приняли участие более 80-ти экспертов, в том числе делегации Национальных исследовательских центров ШОС государств – членов Организации, представители научных центров государств-наблюдателей (Индии, Монголии, Пакистана, Афганистана) и партнеров по диалогу ШОС (Белоруссии, Турции).

В соответствии с Регламентом Форума перед заседанием состоялась рабочая встреча руководителей Национальных исследовательских центров государств – членов ШОС, в которой приняли участие руководитель – ученый секретарь Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Е. А. Пастухов, исполнительный директор Китайского центра исследований ШОС Ли Фэн-линь, генеральный секретарь Китайского центра исследований ШОС Чэнь Юйжун, совет-

ник директора Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики Н. Момунов, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России А. В. Лукин, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан Х. Холикназар, руководитель проекта Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан А. Расулов.

На заседании состоялось всестороннее обсуждение следующих вопросов:

1. Основные достижения и проблемы сотрудничества в рамках ШОС в области безопасности.
2. Проблемы углубления экономического сотрудничества в рамках ШОС.
3. Гуманитарные проекты ШОС.
4. Перспективы расширения ШОС и отношения с другими международными организациями.

Обсуждение проблем безопасности не выявило существенных разногласий. Однако ряд участников высказал опасения относительно возможных последствий полного вывода сил Международной коалиции из Афганистана. В частности, представитель Узбекистана А. Расулов призвал к большей координации действий с силами МССБ. В то же время китайские и афганские специалисты выступили за то, чтобы афганцы сами решали свою судьбу.

Активно обсуждался на заседании и китайский план создания «Экономического пояса Великого шелкового пути». Большинство экспертов согласилось, что этот план не противоречит инициативам ШОС и работе Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Было подчеркнуто, что все три проекта необходимо тесно координировать между собой с тем, чтобы они дополняли друг друга.

По мнению главы китайской делегации, директора Института социального развития Евразии Центра исследований проблем развития Госсовета КНР Ли Фэнлиня, в настоящее время ШОС сталкивается с новыми вызовами, в числе которых: 1) ИГИЛ, в рядах которого воюют граждане некоторых стран – членов ШОС; 2) Афганистан, который может стать фактором нестабильности после вывода оттуда вооруженных сил США. Ли Фэнлинь выразил надежду, что ШОС и ЕАЭС выстроят отношения сотрудничества.

Касаясь китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути», китайский представитель отметил, что она не подменяет ШОС. По его мнению, экономические возможности пояса, ШОС и ЕАЭС дополняют друг друга, и тут нет проблемы выбора. Ли Фэнлинь призвал Россию отбросить подозрительность к Китаю, а Китай – уважать традиционные интересы России, в том числе в Центральной Азии. По его мнению, РФ и КНР необходимо создать благоприятную атмосферу для более тесного сотрудничества.

Директор Института Евразии Китайской академии международных проблем Чэнь Юйжун отметила, что ШОС приняла ряд документов, заложивших правовые основы обеспечения безопасности перед лицом «трех сил зла», быстро усиливающихся, особенно в регионе ЦА, где для религиозного экстремизма есть социальная база. По ее мнению, в Афганистане после вывода американских войск ситуация ухудшилась, вернулись экстремизм и терроризм. Кроме того, отметила она, НАТО не боролась против наркотиков, а геополитическая игра, отражением которой стали события на Украине, также ухудшает ситуацию с безопасностью.

Чэнь Юйжун подчеркнула, что в 2015 году большинство стран ЦА вступают в год выборов, что увеличит опасность «цветных революций». В этих условиях ШОС необходимо сыграть ключевую роль в решении проблем безопасности и усилить сотрудничество в этой области.

И. о. директора Института Дальнего Востока РАН С. Г. Лузянин внес ряд предложений по оптимизации модели ШОС. По его мнению, для повышения эффективности работы Организации ей необходимы: 1) проработка возможностей параллельного существования проектов ШОС, ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути» путем устранения конфликтных сценариев и недоверия; 2) усиление правовой базы военного сотрудничества ШОС при сохранении статуса ШОС как невоенной Организации; 3) создание на полях ШОС треугольника РФ – КНР – Монголия; 4) повышение экономической безопасности ШОС путем реализации многосторонних проектов; 5) создание финансовой базы ШОС; 6) обновление Делового совета ШОС.

Ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО М. А. Конаровский отметил, что в значительной степени двустороннее сотрудничество стран – членов ШОС все еще выдается за общешоосовское и что на международном уровне ШОС остается, прежде всего, декларативным институтом, за решениями которого не следуют конкретные практические шаги, способные (в отличие от ЕС и НАТО) реально влиять на развитие событий в региональном и тем более глобальном масштабе. Это вызвано огромной разницей в размерах, потенциалах и геополитических задачах стран-участниц, а также наличием достаточно глубоких противоречий практически между всеми членами ШОС. Эти факторы предопределяют пока еще сохраняющуюся внутреннюю слабость и недостаточную устойчивость ШОС. Российский эксперт отметил, что все большую актуальность будет приобретать проблематика обеспечения безопасности и стабильности, в связи с чем стоит подумать о создании в рамках ШОС регионального форума безопасности по примеру АРФ, всемерно привлекать к сотрудничеству на антитеррористическом треке государств – наблюдателей и партнеров по диалогу. Вместе с тем М. А. Конаровский считает нереалистичной идею создания совместной оборонной структуры ШОС, поскольку на это вряд ли пойдет Китай, а остальные члены Организации (за исключением Узбекистана) уже являются членами ОДКБ.

Заместитель директора Индийского института объединенных служб, генерал-майор в отставке Б. К. Шарма дал развернутый анализ ситуации в Афганистане и призвал к укреплению международного сотрудничества для борьбы с терроризмом. Он выразил готовность Индии активно участвовать в сотрудничестве в области безопасности в рамках ШОС.

В процессе обсуждения проблематики экономического сотрудничества в рамках ШОС некоторые участники критиковали позицию России, которая, по их мнению, сдерживает создание банка развития ШОС, из-за чего уже долгие годы не может начаться финансирование многосторонних экономических проектов. Высказывалось мнение, что китайские планы по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и «Экономического пояса Шелкового пути» связаны с желанием Китая действовать самостоятельно вследствие разочарования в возможности активного развития экономического сотрудничества в рамках ШОС. В результате России, вместо того чтобы участвовать в банке ШОС на паритетных началах, теперь приходится присоединяться к инициативам, выдвинутым в Пекине.

Были сформулированы и конкретные предложения о том, как создать Банк ШОС, как добиться того, чтобы в нем не доминировала одна из стран, а его средства работали в интересах всех членов Организации. В свою очередь руководитель программы «Россия в АТР» Московского Центра Карнеги А. Т. Габуев призвал согласиться на создание Банка ШОС на условиях формирования уставного капитала пропорционально размеру экономик. При этом, однако, следует четко прописать правила, согласно которым Банк будет осуществлять инвестирование, обеспечит доступ компаний к проектам, определит экологические стандарты и т. д.

Директор Центра исследований России Шанхайской академии международных исследований Ли Синь также посвятил свое выступление вопросам соотношения ШОС, «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза. Эксперт предложил создать валютный фонд ШОС, изучить возможность введения «супер-суверенной» валюты и содействовать государствам-членам в диверсификации валютных резервов. Он призвал также содействовать формированию общего денежного рынка и рынка облигаций, поддерживать использование в регионе национальных валют.

Временно исполняющая обязанности губернатора Ханты-Мансийского автономного округа Н. В. Комарова обозначила несколько направлений сотрудничества округа с ШОС. Первое – это развитие совместных инфраструктурных проектов, которые могут быть синхронизированы с планами Китая по созданию «Экономического пояса Шелкового пути». Она выступила за осуществление совместных проектов в области нефтегазсервиса, нефтегазхимии, IT-технологий, медицины; за развитие общей научной и образовательной среды, включая активизацию научных и гуманитарных проектов Университета ШОС; запуск крупных многосторонних проектов, связанных с экологией Иртыша и Амура, соединяющих отдельные страны ШОС и регионы входящих в ШОС стран. С особым интересом участники отнеслись к предложению Н. В. Комаровой активизировать сотрудничество между регионами государств-членов и создать Фонд исследований ШОС.

Научный сотрудник Института стратегических исследований при Совете национальной безопасности Монголии Сарантуяа Нансал говорила о заинтересованности Монголии в сотрудничестве со странами ШОС в разработке монгольских энергоносителей на основе новейших технологий, не причиняющих вреда окружающей среде. Эксперт призвала ШОС обратить внимание на проекты в сфере транспортно-логистического сотрудничества и на транзитные перевозки нефтегазовой продукции через территорию Монголии из России в Китай. Она также отметила заинтересованность Улан-Батора в создании транспортных коридоров, связывающих Монголию со странами Центральной Азии, а также в создании зоны свободной торговли стран ШОС в контексте реализации китайской инициативы и программы «Экономического пояса Шелкового пути». Монголия весьма заинтересована в создании торговой зоны в своих западных регионах, которая могла бы обеспечить стране прямую экономическую связь с государствами Центральной Азии и Россией.

Директор Центра международных исследований факультета международных исследований Белорусского государственного университета Е. А. Достанко рассказала об экономическом измерении во взаимодействии Белоруссии с ШОС. В качестве примеров удачного экономического сотрудничества Белоруссии с ШОС она назвала создание опытного образца первого в СНГ многоцелевого морского беспилотного комплекса, для которого Белоруссия разрабатывала программное обеспечение, а также создание в Белоруссии Парка высоких технологий и Китайско-Белорусского индустриального парка (работы вступили в завершающую фазу). Эксперт сформулировала предложения по участию Белоруссии в реализации проекта «Экономического пояса Шелкового пути», состоящие в модернизации участков двух трансевропейских коридоров; совершенствовании логистической инфраструктуры на своей территории, в том числе с участием китайских компаний; совершенствовании автомобильной инфраструктуры, формировании дополнительной транзитной сети с участием стран — членов ЕС; проведении мероприятий по повышению загрузки железнодорожных составов, следующих из Европы в Китай; решении задач по оптимизации доставки грузов; использовании белорусских аэропортов как оптимальных пунктов для транзитных технических посадок на дозаправку и обслуживание, а также стыковок рейсов для зарубежных авиакомпаний. Эксперт отметила, что потенциально регион ШОС является для Белоруссии важным направлением для достижения поставленных президентом А. Лукашенко задач по диверсификации экспорта и наращиванию внешнеторгового товарооборота.

Научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «Высшая школа экономики» И. А. Макаров призвал к активизации экологического сотрудничества в рамках ШОС. Необходимость этого он обосновал: 1) повышением внимания к этой теме в Китае и ростом готовности КНР обсуждать экологические инициативы с другими государствами; 2) постепенным переносом трудоемких и энергоемких производств из Китая в другие азиатские страны, в том числе в ЦА, что означает, что экологические проблемы соседних с Китаем стран, которые воспринимались Пекином как внешние, а потому не заслуживающие пристального внимания, постепенно становятся для него важными. Среди возможных направлений экологического сотрудничества в рамках ШОС эксперт отметил: 1) регулирование использования водных ресурсов; 2) координацию систем торговли квотами на выбросы парниковых газов; 3) гармонизацию экологических стандартов и обмен зелеными технологиями.

Заместитель председателя Исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» С. В. Тихомиров также отметил необходимость усилий в целях решения проблем окружающей среды, в частности утилизации золошлаков путем включения соответствующей программы в экологические проекты на пространстве ШОС.

В дискуссии по **гуманитарной проблематике** был затронут широкий круг проблем и высказан ряд конкретных рекомендаций по активизации сотрудничества в области защиты окружающей среды, а также по работе сетевого Университета ШОС.

С интересной информацией выступил член Молодежного совета ШОС, депутат Государственной Думы ФС РФ В. С. Золочевский. Из его слов стало ясно, что Молодежный совет, объединяющий молодежные организации пяти стран-членов (кроме Узбекистана), гораздо дальше продвинулся по пути реализации конкретных многосторонних проектов сотрудничества, чем другие структуры ШОС. Он, в частности, подробно описал проект создания

«Карты молодого человека ШОС». Начальник управления международных связей администрации Губернатора и Правительства Новосибирской области внес ряд конкретных предложений в сфере образования:

1. Внести на рассмотрение постоянно действующего Совещания министров образования стран ШОС предложение по разработке на национальных уровнях нормативных документов, позволяющих осуществлять кратковременные образовательные стажировки с поддержкой государства в вузах партнерских стран ШОС; создание единого центра стажировок ШОС, имеющего информацию о конкретных возможностях партнерских вузов, об их научно-преподавательском составе, оснащении лабораторий и т. д.; создание проектов, подобных европейским «Темпус», «Эразмус», «Молодежь в действии» и т. д.; развитие сетевого образовательного пространства, академической мобильности, внедрение программ «Гостевой профессор».
2. Рекомендовать Секретариату ШОС рассмотреть возможность учреждения в Организации единой службы академической мобильности (наподобие DAAD, Германия) с разветвленной сетью агентств, аккумулирующей и предоставляющей информацию о возможностях обучения в странах ШОС.

Дискуссия по проблематике расширения ШОС прошла особенно остро, активно выступали представители государств – наблюдателей и партнеров по диалогу.

Заведующий отделом Института России Китайской академии современных международных отношений Дин Сяосин отметил рост открытости ШОС, повышение ее международного влияния, расширение экономического сотрудничества, рост возможностей решения проблем региональной безопасности, обостряющихся в связи с ситуацией в Афганистане и активностью ИГИЛ. Говоря о проблемах, которые могут быть порождены расширением ШОС, китайский эксперт выделил несколько проблем:

- 1) *Проблему нового позиционирования*, связанную с необходимостью решить, где после расширения будет находиться сердцевина Организации, а также должно ли расширение иметь географические ограничения. Кроме того, по его мнению, чем больше членов имеет международная организация, тем сложнее процесс координации ее деятельности.
- 2) *Проблему внутренней координации*. Уже сейчас отношения внутри ШОС достаточно сложны, существуют конфликты и противоречия по поводу водных источников и пограничные споры, что оказывает негативное влияние на сотрудничество внутри ШОС. Сложные отношения существуют между Индией и Пакистаном. После присоединения этих стран к ШОС это может осложнить отношения внутри Организации и оказать влияние на эффективность согласования принципов деятельности.
- 3) *Технические проблемы*. Например, останется ли русский и китайский рабочими языками ШОС? Потребуется решения и вопрос выделения средств на содержание Секретариата и вопрос о статусе членов-учредителей.

Как отметил Дин Сяосин, расширение не должно проводиться ради расширения, оно должно быть постепенным, на основе всесторонних обсуждений и с учетом принципов и духа ШОС.

Представители Индии, в особенности научный сотрудник Института оборонных исследований и анализа (Министерства обороны Индии) Миина Сингх Рой, подвергли критике Китай за фактическое блокирование вступления их страны в ШОС и за недостаточный учет интересов соседей при выстраивании своей внешней политики. Ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО А. В. Иванов рассказал о большом интересе, который испытывают к ШОС в Японии. В ответ представитель китайской делегации Чэнь Юйжун заявила, что Индии следует, если она хочет стать полноправным членом, самой начать придерживаться «шанхайского духа», а Япония вообще не стоит того, чтобы о ней говорили.

Член комиссии по СМИ Независимой избирательной комиссии Афганистана Наджибулла Ачакзай, выступая на хорошем русском языке, подверг критике руководство Х. Карзая за коррумпированность и фактически обвинил в его поддержке, наряду с США, некоторые государства ШОС.

Эксперт Международного центра стратегических исследований (Анкара) Керим Хас отметил, что усиление интереса в Турции к ШОС вызвано не только предложением президента Т. Эрдогана о вступлении Турции в Организацию, высказанном президенту РФ В. В. Путину, но и прагматическими соображениями. Во-первых, по состоянию на 2014 год 29 % импорта в Турцию шло из стран ШОС (2003 год – 16 %). Объем импорта из государств ШОС составил 70 млрд долл., а экспорта в ШОС – 17 млрд долл. При этом доля импорта в Турцию из ЕС в период 2003–2014 годов сократилась с 51 до 36 %, а экспорта – с 58 до 43 %. Эксперт признает, что Анкара заинтересована в установлении зоны свободной торговли с ШОС, но этот вопрос нуждается в дополнительной проработке. При этом, отметил К. Хас, уникальное географическое положение Турции предоставляет возможность для скорейшей реализации китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» с инклюзивной, но не эксклюзивной политикой, учитывающей интересы Турции, по территории которой проходил исторический Шелковый путь.

Прочими факторами, работающими в пользу интереса Турции к ШОС, по мнению К. Хаса, является отказ Анкары примкнуть к антироссийским санкциям, а также успешное развитие в последнее десятилетие сотрудничества между Турцией и такими регионами России и Китая, как Татарстан и Синьцзян. К. Хас отметил, что к активизации «более прямых» связей с ШОС Турцию подталкивает динамика ситуации с безопасностью в регионе, в том числе представляющие угрозу для Турции «три силы зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), особенно ИГИЛ, поскольку усилия Запада по борьбе с этими угрозами недостаточны. При этом и Турция может представлять интерес для ШОС в сфере обеспечения безопасности в регионе, учитывая богатый опыт Турции в Афганистане. Важно и то, что Турция – практически единственный член НАТО, который ведет переговоры с Китаем о закупке его противоракет дальнего радиуса действия и ракетных технологий и давно сотрудничает с Россией в военно-технической области. Турецкий представитель отметил, что возможное сотрудничество Турции как члена НАТО с ШОС в сфере безопасности может позитивно сказаться на отношениях ШОС с Западом.

Интересные мнения были высказаны в ходе дискуссии по перспективам сотрудничества ШОС с другими международными организациями. Так, Исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС Г. Д. Толорая говорил о ШОС и БРИКС как о примере новых переговорных механизмов и площадок для согласования интересов различных участников новой «мультиплексной» системы международных отношений, которая позволит достичь компромисса и оформить новый «глобальный договор». Эксперт предупредил, что восприятие ШОС и БРИКС как антизападных структур может вызвать противодействие и сыграть самую неконструктивную роль в глобальном прогрессе. По его мнению, только во взаимодействии, а не в конфронтации с передовыми странами государства ШОС и БРИКС способны решить и глобальные задачи, стоящие перед человечеством, и задачи собственного развития, включая повышение качества жизни населения. Согласно Г. Д. Толорая, роль БРИКС как глобального межцивилизационного союза потенциально куда более перспективна и важна, чем роль ШОС – изначально региональной организации, ориентированной на стабильность и большую кооперацию на евразийском пространстве, чем на выработку нового миропорядка. Эксперт отводит БРИКС роль союза реформаторов глобальной системы управления (регулирования) и инструмента для выработки новой социально-экономической модели развития человечества, своего рода «нового капитализма». Он считает, что ШОС такую роль играть не может и не должна. Г. Д. Толорая отметил, что БРИКС в рамках доктрины «сетевой дипломатии» ставит своей целью активное взаимодействие с международными и региональными объединениями и группировками, что вписывается в концепцию «аутрич», когда каждая из стран БРИКС позиционирует себя в качестве естественного лидера и даже центра тяготения стран того региона, где она находится, и может выступать с защитой их интересов на мировой арене. Грядущий «совместный» саммит БРИКС и ШОС символичен, поскольку расширенный ШОС становится для БРИКС особым партнером в рамках «аутрича», так как органично входит в пространство «хартленда» Евразии – аналогов таких организаций с «двойным» членством в других регионах нет (Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия). Цели, задачи и миссия обеих Организаций во многом совпадают. Но если основой объединения государств БРИКС являлась, прежде всего, эконо-

мика, то в ШОС упор пока в основном делался на сотрудничестве в области безопасности, противодействию терроризму, сепаратизму, экстремизму. В то же время ШОС значительно дальше продвинулась по пути институционализации, став полноценной организацией, тогда как БРИКС остается аморфной группировкой. В этих условиях можно вести дело к тому, чтобы поставить взаимодействие ШОС и БРИКС на системную основу, в том числе путем заключения соответствующих соглашений и «совмещения» форматов по образцу саммита в Уфе, считает Г. Д. Толорая. Кроме того, по его мнению, БРИКС и ШОС могут совместно выступать в качестве партнеров иных международных организаций, в частности ЕС, что для России было бы особенно важно.

М. А. Коновалов выразил опасения по поводу того, что принятие в состав ШОС Ирана может быть расценено на внешней арене как ярко выраженный коллективный антизападный демарш ШОС, и порекомендовал не спешить с изменением статуса Афганистана с «наблюдателя» при ШОС до «полного члена» в связи с наличием у Афганистана соглашения с США и НАТО о пребывании на его территории иностранных войск и сохранением глубоких внутренних противоречий и тлеющего вооруженного противостояния центральных властей с талибами (к чему может добавиться и фактор ИГИЛ). Что касается возможного принятия в ШОС Индии и Пакистана, то по этому вопросу все участники, за исключением части представителей Китая, высказывались позитивно.

На заседании было принято решение, что, в соответствии с Регламентом Форума, председательство в Форуме с момента завершения заседания перейдет к Национальному центру Республики Таджикистан – Центру стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, а следующее заседание Форума пройдет в 2016 году в Республике Таджикистан.

ON THE TASKS AND PROSPECTS OF SCO ACTIVITIES IN THE FUTURE (PROCEEDINGS OF THE 10-TH SESSION OF SCO FORUM)

Alexander Lukin, Prof., Director, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia; Head, Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics.

Andrei Ivanov, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia.

Summary:

Short review of all reports and most important speeches of the participants of the 10-th SCO Forum in Khanty-Mansiisk.

Keywords: *SCO, scientific forum, cooperation, security, economics.*

А. В. ИВАНОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЗОН СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В АТР: ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И АЗИАТСКОТИХООКЕАНСКАЯ ЗОНА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

*Андрей Владимирович Иванов, ведущий научный сотрудник
Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского 76. E-mail: tako57@mail.ru*

Аннотация: В статье дается краткое описание сути соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, достигнутого 5 ноября 2015 года. Рассматриваются возможные позитивные и негативные результаты практической реализации этого соглашения как для стран – членов этого проекта, в первую очередь для США и Японии, так и для стран, не присоединившихся к Партнерству. Особое внимание уделяется отношению к проекту ТТП со стороны Китая и России и возможным позитивным и негативным аспектам влияния реализации проекта ТТП на Россию и Китай. Даются рекомендации, каким образом Россия и Китай могут избежать негативного влияния от реализации проекта ТТП. Анализируется ситуация вокруг проекта Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ).

Ключевые слова: Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Азиатскотихоокеанская зона свободной торговли (АТЗСТ), реализация соглашения, Россия, Китай, США, Япония.

5 октября 2015 года представители стран (США, Канада, Мексика в Северной Америке, Перу и Чили — в Южной Америке, Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур и Вьетнам в Азии, а также Австралия и Новая Зеландия) достигли в Атланте соглашения о ТТП, в рамках которого в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет создана зона свободной торговли (ЗСТ).

Исходя из краткого текста соглашения по ТТП, обнародованного его участниками после 5 ноября, его суть сводится к следующему:

1. Полная ликвидация таможенных пошлин более чем на 18 тыс. товаров.
2. Унификация санитарных и фитосанитарных мер.
3. Введение общей политики в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, правительственных закупок и конкурентной политики.

4. Внедрение новых стандартов в области защиты окружающей среды (в частности, ради снижения незаконной транспортировки вымирающих видов).
5. Внедрение новых стандартов в области рынка труда (введение минимальной оплаты труда, введение запрета на любые практики, которые приводят к принудительному труду, такие как удержание работодателем паспортов трудовых мигрантов или сбор взносов за прием на работу, которые сразу делают рабочих должниками работодателя, меры по облегчению создания профсоюзов) [24].

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТТП

Стоит напомнить, что предложение о создании ТТП было выдвинуто в 2003 году Новой Зеландией, Сингапуром и Чили, поставившими перед собой задачу добиться либерализации торговли в рамках АТР. В 2005 году, когда идеей заинтересовался еще и Бруней, было подписано соглашение об учреждении ТТП. В соглашении, вступившем в силу в 2006 году, было заявлено, что его участники создали, в соответствии с нормами ВТО, зону свободной торговли. В настоящий момент в проекте участвуют, помимо четырех стран-основателей, также США, Австралия, Вьетнам, Перу, Малайзия, Канада, Мексика и Япония.

ТТП имеет стратегическую цель поддержать формирование зоны свободной торговли и инвестиций в регионе АТЭС к 2020 году с учетом «Богорских целей» (1994 год). Но завершить создание ТТП Белый дом собирался как раз в 2015 году [2].

Еще на этапе переговоров по ТТП в России к этому проекту относились настороженно. Президент России В. В. Путин в интервью китайским СМИ по случаю его участия в саммите АТЭС в Пекине осенью прошлого года выступил с критикой идеи создания ТТП: «Очевидно, что Транстихоокеанское партнерство — очередная попытка США построить выгодную для себя архитектуру регионального экономического сотрудничества... Полагаю, что отсутствие в составе его (ТТП) участников таких крупнейших региональных игроков, как Россия и Китай, вряд ли позволит выстроить эффективное торгово-экономическое взаимодействие» [12].

Опасения по поводу негативных последствий реализации идеи ТТП существовали даже в странах, участвующих в переговорах по проекту. Для многих участников переговоров представлялась неприемлемой американская инициатива об учреждении в рамках ТТП особого суда для рассмотрения споров между транснациональными корпорациями и правительствами, а также предложения о введении международных экологических и трудовых стандартов¹.

По мнению главы МИД Тайваня, вступление в ТТП может негативно отразиться на аграрном секторе островной экономики, потери которого могут составить 2,4 млрд долл. США [8]. Обеспокоенность по поводу присоединения к ТТП испытывали в Малайзии [18] и Республике Корея [21]. США между тем не ослабляли усилий по продвижению проекта ТТП. Эти усилия не ограничивались периодическими публичными выступлениями президента и других высших должностных лиц США в поддержку ТТП. США использовали отлаженную методику ведения переговоров, в которой наличие четких утвержденных принципов и процедур, а также сформулированные национальные интересы в установочных документах администрации и конгресса США позволяли переговорщикам более успешно достигать поставленных целей [13].

Несмотря на многосторонний формат проекта ТТП, его судьба решалась в ходе двусторонних американо-японских переговоров. Хотя правительство Японии приняло принципиальное решение о присоединении к проекту ТТП, переговоры шли трудно. В Японии опасались, что: 1) либерализация аграрного рынка может привести к резкому, примерно на 40 %, падению собственного производства в Японии основных продовольственных товаров, поскольку японское сельское хозяйство полностью зависимо от господдержки и не способно к открытой конкуренции; 2) вступление в ТТП снизит цены на импортируемые в Японию продукты питания [4].

За последние три года комментарии по итогам более двух десятков встреч представителей

¹ [Электронный ресурс]. URL:http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=133&type=news&mm_menu=58&newsid=1869

США и Японии в ранге министров сводились к тому, что «отмечается сближение позиций» и «необходимо продолжить» работу экспертов, то есть реального сближения позиций не происходило. Параллельно с этим наблюдалась резкая активизация Японии на переговорах по заключению других соглашений о свободной торговле со странами АСЕАН, Австралией и ЕС, что стало свидетельством становления Японии в качестве самостоятельного политического игрока мирового уровня, у которого имеются собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с американскими [17].

Тем не менее в конце января 2015 года газета «Асахи» сообщила, что Япония готова пойти на уступки США в рамках переговоров по ТТП. Это предполагало увеличение квоты на беспошлинные поставки американского риса на 50 тыс. тонн, а также снижение в течение 10 лет пошлин на импорт говядины с 38,5 до 9 %. По заявлению представителя Японии на переговорах Акира Амари, японская сторона идет на уступки из опасений, что «переговоры рухнут». Соединенные Штаты также были заинтересованы в достижении соглашения по ТТП до конца 2015 года, чтобы опередить Китай с его инициативами создания зоны свободной торговли в АТР и получить дополнительный стимул для продвижения Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с Евросоюзом. И, кроме того, достижение соглашения по ТТП давало возможность Бараку Обаме продемонстрировать конкретный положительный для США результат своего президентства [22].

ТТП И РОССИЯ

После завершения переговоров по ТТП присоединение к нему новых членов, помимо уже имеющих 12, может происходить лишь на тех условиях, которые были уже сформулированы участниками переговоров, в число которых, напомним, ни Россию, ни Китай не пригласили. Это дало повод президенту РФ В. В. Путину заявить в речи на юбилейной сессии Генассамблеи ООН 28 сентября 2015 года: «Ряд стран пошли по пути закрытых, эксклюзивных экономических объединений, причем переговоры об их создании идут кулуарно, втайне не только от собственных граждан и собственных деловых кругов и общественности, но и от других стран».

Реакция Москвы на сообщения о достижении соглашения по ТТП также оказалась как минимум сдержанно-настороженной. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков заявил, что позиция Москвы по ТТП будет сформирована после тщательного анализа на предмет его соответствия интересам России, и напомнил про выступление Владимира Путина на сессии Генассамблеи ООН, в котором Президент выразил озабоченность созданием каких-то отдельных закрытых структур, которые впоследствии будут подменять собой ВТО и международные правила торговли [19]. Чуть позднее директор латиноамериканского департамента МИД РФ Александр Щетинин в интервью РИА Новости заявил, что Москву «правила международной торговли начинают дробиться на региональные соглашения и вместо универсальных правил международной торговли получается эта мозаика совершенно разных торговых отношений без некоего единого знаменателя» [9]. «Естественно, если речь идет в форматах регионального сотрудничества, что будет способствовать созданию благоприятных условий для экономического развития, созданию новых рабочих мест, способствовать экономическому развитию стран региона, то, безусловно, это можно только приветствовать. Но, как сказал Путин с трибуны ООН, если речь идет о создании каких-то отдельных закрытых структур, которые впоследствии будут подменять собой ВТО, международные правила торговли, то, конечно, это то, насчет чего президент с трибуны Генассамблеи озвучил озабоченность» (Пресс-секретарь Президента РФ Д. С. Песков, 6 ноября 2015 года). «Мы считаем, что фундаментально неверно решать проблему глобальной торговли, сепарируя, то есть разделяя ее на такие клубные сделки» (Министр экономического развития России А.В. Улюкаев).

Ожидается, что основную выгоду за пределами США получат японские экспортеры автомобилей, электроники и другой продукции обрабатывающей промышленности. Обнуление пошлин благотворно скажется на вьетнамских экспортерах текстиля, который до сих пор облагался в США, например, пошлиной в размере 18 %.

В том, что касается последствий практической реализации проекта ТТП для России, то оценить их однозначно достаточно сложно. С одной стороны, Россия тоже может получить некоторые выгоды от реализации проекта ТТП даже без участия в нем. Речь идет, в частности, о возможности поставок российских товаров на рынки стран – членов ТТП через Вьетнам, являющийся одновременно членом и ТТП, и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)².

Кроме того, поскольку по многим товарам, поставляемым в ТТП (некоторые виды каучука, фанеры, платины, палладия, мочевины в Канаду, отдельных видов чугуна в Мексику и США, различных видов удобрений в Мексику, Перу, Вьетнам и Малайзию и другие страны), у России нет конкурентов, это дает шанс сохранить экспорт этих товаров в страны – члены ТТП и после ратификации соглашения о нем парламентами этих стран.

Однако очевидно, что для России ТТП станет и вызовом. Среди негативных последствий реализации проекта ТТП для российской экономики называют, в частности, следующие:

1. Часть российского экспорта, идущего в страны ТТП, окажется в зоне риска из-за неизбежной переориентации торговых потоков. Речь идет в первую очередь о поставках российских металлов, удобрений, древесины и мороженых крабов в такие страны, как Япония, Сингапур, Малайзия, США, Мексика.
2. Создание зоны свободной торговли в общем виде означает, что российский экспорт в страны ТТП станет менее конкурентоспособным, по сравнению с поставками внутри блока, поскольку Россия в ТТП не участвует, а между странами партнерства будут действовать торговые преференции [7].
3. Россия вновь будет отстранена от принятия решений о правилах организации мировой торговли и международных экономических связей в целом. Обесценятся результаты наших восемнадцатилетних напряженных переговоров о вступлении в ВТО, поскольку значение этой организации после создания трех перечисленных блоков упадет.
4. США попытаются использовать ТТП для дальнейшей изоляции России, втягивая в новые экономические блоки партнеров по СНГ и разрушая наши собственные проекты экономической интеграции на постсоветском пространстве.
5. Существует опасность негативного влияния ТТП на характер и масштабы военно-технического сотрудничества России с Вьетнамом и Малайзией, а также опасность вовлечения в ТТП Индии, которая пока является партнером РФ по группе БРИКС и главным рынком для российской высокотехнологичной промышленности: оборонной, космической и атомного энергетического машиностроения.

ТТП И КИТАЙ

За рамками ТТП, помимо России, оказалась ведущая азиатская экономика – Китай. Достаточно долго Пекин относится к ТТП скорее негативно, воспринимая этот проект как попытку американцев укрепить свое влияние и воспротивиться усилению влияния Китая [14]. Реализация проекта ТТП таит для Китая следующие угрозы.

1. Перенос западных предприятий с территории КНР на территорию стран – участниц переговоров по ТТП.
2. Снижение китайского экспорта в США и страны ЕС за счет увеличения экспорта из Вьетнама и других развивающихся стран – членов ТТП, получающих существенные преимущества перед китайскими экспортерами.
3. Переориентация торговли, которая может проявиться: а) в падении китайского экспорта в страны Азии, которые в связи с ожиданиями подписания соглашения о ТТП снижают закупки китайского сырья; и б) в снижении экспорта в Китай из некоторых стран АСЕАН и Японии – участников переговоров по ТТП.
4. ТТП может оказать негативное влияние на имеющие значения для Китая интеграционные процессы, такие как АТЭС.

² Во Вьетнаме производят автомобили КАМАЗ. Рассматривают возможность производства там также автомобилей УАЗ, ГАЗ и «АвтоВАЗ».

5. Вступление в ТТП Тайваня может затормозить темпы экономического партнерства материка и острова [20].

Тем не менее гипотетическое присоединение Китая к проекту ТТП не исключается. З. Бжезинский заявил в своей статье «Гиганты, а не гегемоны», опубликованной в «New York Times» 13 февраля 2013 года, что без участия КНР проект ТТП был бы неполным. По мнению ряда экспертов, проблемы, которые могли бы заставить Пекин усомниться в целесообразности членства в ТТП, а именно слишком строгие обязательства, налагаемые на участников, устранимы в ходе переговоров. С другой стороны, причиной отсутствия явных сигналов со стороны КНР о желании присоединиться к переговорам по ТТП могли объясняться не отсутствием самого желания как такового, а тем, что Китай был сосредоточен в последнее время на перспективе расширения АСЕАН. Однако еще в процессе переговоров, высказывались предположения, что если КНР получит от США привлекательные предложения касательно членства в ТТП, то не исключено, что он может их рассмотреть³.

Однако до момента достижения соглашения по ТТП 5 октября соответствующих предложений Китаю со стороны США не поступало. Более того, в выступлении президент США Б. Обамы в ходе саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 года просматривалось намерение ограничить дальнейший экономический рост Китая и собрать вокруг себя – и против КНР – все страны АТР [5]. В рамках этой стратегии США могли бы использовать ТТП для усиления своего присутствия в АТР и вытеснения китайского капитала из ряда ключевых отраслей стран региона. Негативной стороной этой стратегии был бы экономический ущерб, который может быть нанесен изоляцией Китая странам – участницам проекта ТТП, имеющим развитое торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество с Китаем. Кроме того, изоляция Китая может подтолкнуть Пекин к сближению с Россией, что не отвечает национальным интересам США.

Поэтому уже на этапе переговоров высказывались предположения, что США могут избрать в отношении Китая более гибкую тактику, предложив Пекину сотрудничество по схеме ТТП +1 (ТТП + КНР). Это дало бы американцам шанс под предлогом приближения КНР к стандартам ТТП принудить руководство КНР к осуществлению социально-экономических преобразований и снижению роли государства в китайской экономике. В принципе сотрудничество Китая с ТТП открывает и интересные для США политические перспективы: оно позволит руководству США с опорой на реформистские силы в КНР подталкивать осуществление преобразований в социальной, экономической и впоследствии в политической жизни в выгодном для интересов США русле [20].

И действительно, вскоре после достижения соглашения по ТТП госсекретарь США Джон Керри озвучил призыв, причем не только к Китаю, но и к России, о присоединении к ТТП. «Мы приглашаем людей присоединиться к различным предложениям, таким, например, как Транстихоокеанское партнерство. Мы приглашаем Китай. Мы приглашаем Россию. Мы приглашаем другие государства, которые хотели бы присоединиться, если они согласны повышать стандарты и жить по высоким стандартам, защищая людей, сотрудничая открыто, прозрачно и ответственно» – отметил Керри в интервью телеканалу «Мир» [6]. В свою очередь помощник госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Даниэл Рассел заявил, что США ведут переговоры с Китаем по вопросу ТТП: «Что касается Китая, то почти каждая глава ТТП отражает диалог Вашингтона и Пекина. Мы ведем по-настоящему конструктивный диалог на всех уровнях, в том числе и на уровне чиновников правительства. Этот диалог охватывает не только торговлю, но и финансовые вопросы, весь спектр мировых и региональных проблем, включая защиту окружающей среды, прав человека, сотрудничества с международными компаниями» [6].

Что касается Китая, то последние пару лет он был поглощен реализацией собственного проекта, в какой-то степени альтернативного ТТП – проекта Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ). Ее «Дорожную карту» предполагается создать к 2016 году. На саммите АТЭС в Пекине осенью 2014 года эту идею поддержал президент РФ В. В. Путин, подчеркнув, что она является реальной альтернативой ТТП, базируется на более удобных и понятных принципах, предполагающих равенство всех сторон. С идеей АТЗСТ согласуется

³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=133&type=news&mm_menu=58&newsid=1869

предложенная тем же Китаем и уже реализованная идея Азиатского банка инфраструктурных инвестиций с капиталом 50 млрд долл. и планами увеличения до 100 млрд, а также с реализацией китайского плана «Нового Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути», в которых уже заинтересованы многие страны АТР, Центральной и Южной Азии. На усиление привлекательности АТЗСТ, по сравнению с ТТП, работают также следующие факторы: 1) в АТЗСТ готов войти Евразийский экономический союз, что будет означать создание обширной евроазиатской зоны свободной торговли; 2) партнеры КНР и РФ готовы переходить к взаиморасчетам в национальных валютах, что наносит серьезный удар по гегемонии доллара в мировой торговле; 3) страны АТР при выборе между экономикой и политикой предпочитают выбирать национальные экономические интересы, что проявляется даже в действиях таких американских союзников, как Япония и Республика Корея [11].

Идею создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли озвучил в 2006 году Деловой консультативный совет (ДКС) АТЭС. В 2010 году лидеры АТЭС приняли «Возможные модальности формирования АТЗСТ» [3] и обязались предпринять конкретные шаги для реализации АТЗСТ как важного инструмента для дальнейшей региональной экономической интеграции АТЭС. В 2014 году в рамках китайского председательства лидерами АТЭС была принята Пекинская «Дорожная карта» АТЭС по содействию продвижению к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли⁴. Основные положения, лежащие в основе концепции АТЗСТ:

1. АТЗСТ должно дополнять многостороннюю торговую систему и содействовать ее развитию;
2. АТЗСТ призвана стать всеобъемлющим и высококачественным форматом, заниматься решением задач «следующего поколения» в сфере торговли и инвестиций;
3. АТЗСТ направлена на снижение негативных последствий распространения региональных и двусторонних РТС/ССТ.

В Пекинской «Дорожной карте» определены следующие группы действий, направленных на реализацию АТЗСТ:

Проведение совместного стратегического исследования вопросов, связанных с реализацией АТЗСТ, с целью анализа потенциальных экономических и социальных выгод и издержек, оценки действующих РТС/ССТ, анализа возможных моделей формирования АТЗСТ, идентификации торговых и инвестиционных барьеров, определения трудностей, с которыми могут столкнуться экономики при создании АТЗСТ. Итоговый доклад и рекомендации планируется представить на рассмотрение министрам и лидерам экономик АТЭС до конца 2016 года:

1. Повышение прозрачности действующих и недавно заключенных РТС/ССТ посредством повышения эффективности Механизма АТЭС по обмену информацией в сфере РТС/ССТ.
2. Дальнейшее наращивание потенциала экономик АТЭС.
3. Ускорение процесса либерализации торговли и упрощения торговых процедур «на границе», улучшение условий ведения бизнеса и усиление трансграничной региональной взаимосвязанности.
4. Усиление взаимодействия с бизнес-сообществом посредством ДКС АТЭС.

Участниками проекта АТЗСТ являются следующие страны и экономики: Австралия, Бруней-Даруссалам, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, Китай, Китайский Тайбэй, Малайзия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Республика Филиппины, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Чили, Япония.

Переговоры по созданию АТЗСТ должны начаться ближе к концу 2016 года по завершении подготовительных процедур, начавшихся в 2014 году. Во всяком случае, такие прогнозы делались еще полгода назад, когда параллельно велись работы по реализации еще двух интеграционных проектов, а АТР – Всестороннего регионального экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership, ВРЭП), охватывающего 16 государств формата «АСЕАН+6», и Транс-Тихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, ТПП) в составе 12 стран региона. Существовала точка зрения, согласно которой формирование АТЗСТ

⁴[Электронный ресурс]. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-dipecon.nsf/fc2e4121e6d9ec5343256a0c003fb7d2/506a111d81db9f19c3257db60036dbc8!OpenDocument>

могло проходить на базе расширения ТТП или ВРЭП в случае добровольного подключения к переговорам по ТТП тех девяти участников АТЭС, которые к этой интеграционной инициативе относились сдержанно [10].

Тем не менее, несмотря на продолжение усилий по созданию АТЗСТ, в Китае существует и мнение, что, хотя предложенные США условия и принципы подключения к ТТП неприемлемы для КНР и не соответствуют ее торговым и экономическим интересам, ослабляют ее конкурентные позиции. Их принятие может оказать на экономику Китая и благотворное влияние, как в свое время вступление в ВТО привело к укреплению конкурентной среды в КНР, рост ВВП, экспорта и доходов населения. Кстати, еще на этапе хода переговоров по ТТП с призывами занять более прагматичную позицию в отношении этого образования выступали даже высшие руководители КНР. Так, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, выступая на Боаоском экономическом форуме (КНР, о. Хайнань) летом 2014 года, заявил: «Китай занимает открытую позицию в отношении инициативы Транстихоокеанского партнерства. До тех пор, пока эта инициатива будет благоприятствовать развитию мировой торговли и продвижению равноправия и открытой торговой среды, Китай будет приветствовать ее формирование» [23]. Это означает, что уже тогда Китай, как минимум, присматривался к ТТП, чтобы не упустить тех выгод, которые может сулить участие в этом проекте.

Однако, помимо выгод, не только участие Китая в ТТП на правах члена, но и сотрудничество с этой организацией по формуле ТТП + Китай, может сулить Китаю ряд вызовов. В частности, оно может стать катализатором социально-экономических и даже политических преобразований в Китае. Во всяком случае, сотрудничество с ТТП могло бы привести к укреплению в Китае реформаторских сил и ослаблению позиций тех сил, которые настроены на соперничество с США, усиление роли КНР в АТР и сближение Китая с Россией, то есть той группы, которую возглавляет Си Цзиньпин.

Создание ТТП в любом случае затруднит китайский экспорт, поскольку предназначенные для него товары создаются в основном на государственных предприятиях, против которых будут использоваться антимонопольные статьи соглашения о ТТП и положения, регламентирующие государственные субсидии и правила слияний и поглощений в корпоративном секторе.

Очевидно, что на данном этапе вступление в ТТП на условиях, сформулированных без участия России и Китая, крайне невыгодно для этих двух стран. С другой стороны, нахождение за пределами ТТП может породить негативные последствия для сотрудничества России и Китая со странами – членами ТТП. Поэтому в настоящий момент наиболее разумной тактикой для Москвы и Пекина представляется как развитие двустороннего сотрудничества, так и активизация проектов многостороннего экономического сотрудничества в АТР, в которых лидирующую роль мог бы играть Китай, таких как, например, АТЗСТ. Разумеется, первостепенной задачей для России, если она хочет занять достойное место в экономике АТР, является модернизация экономики и преодоление зависимости от экспорта энергоносителей.

В США борются между собой тенденции рассматривать ТТП как 1) инструмент сдерживания КНР и выдавливания ее на экономическую и политическую периферию, и как 2) действительно эффективный инструмент либерализации торгово-экономических отношений в АТР. Если победит первая тенденция, можно будет ожидать, что в процессе редактирования и доработки соглашения по ТТП в него будут включены какие-то положения, делающие невозможным участие стран – членов ТТП в других интеграционных проектах, в частности, АТЗСТ.

Кроме того, сложность в реализации концепции АТЗСТ обусловлена существующими различиями в уровне экономического развития, стратегиях экономического роста и структуре внешней торговли стран, вовлеченных в этот проект. Поэтому, по мнению некоторых экспертов, формирование АТЗСТ «можно ожидать исключительно в долгосрочной перспективе и только на основе «гибкого подхода», подобного принятому в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства и предполагающего возможность заключения дополнительных соглашений в отдельных, наиболее чувствительных областях взаимного партнерства, а также системы уступок и льгот по отношению к наименее развитым странам – членам объединения» [1]. Для ускорения прогресса в формировании АТЗСТ рекомендует-

ся использовать формулу «АТЗСТ минус X», которая позволит относительно более развитым странам-членам, готовым идти по пути либерализации, расширять взаимодействие в ограниченном составе, в то время как отстающие государства получают возможность присоединиться к реализуемым инициативам позже [1].

По мнению китайских экспертов, доходы АТЗСТ могут быть в восемь раз больше, чем ТТП, поэтому США рано или поздно озаботятся налаживанием сотрудничества ТТП и АТЗСТ [16]. И на саммите АТЭС в Маниле 18 ноября 2015 года Председатель КНР Си Цзиньпин призвал ускорить строительство АТЗСТ, «посвятить себя взаимовыигрышному сотрудничеству, отказаться от протекционизма и содействовать справедливой конкуренции» [15]. И в итоговой декларации саммита АТЭС достижение соглашения по поводу ТТП было расценено как один из шагов к формированию более широкой АТЗСТ⁵.

TRANS-PACIFIC PARTNERSHIP, FREE TRADE ZONE IN ASIA-PACIFIC AND THE PROSPECTS OF THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION

Andrei Ivanov, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia.

Summary:

The article gives a brief description of the essence of the agreement on the Trans-Pacific Partnership, reached on November 5, 2015. The possible positive and negative results of its practical implementation for the member countries of this project, primarily for the US and Japan, and the countries that have not joined the Partnership are analyzed. Particular attention is paid to the possible positive and negative aspects of the TTP impact on Russia and China. Recommendations how Russia and China could avoid the negative impact of the TTP are given. The article also deals with the problems and prospects of the Asia-Pacific free trade zone project (FTAAP).

Keywords: *Trans-Pacific Partnership, practical implementation of agreement, Russia, China, USA, Japan, Asia-Pacific free trade zone.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аранова Е.* От АТЭС к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document261601.phtml>
2. Белый дом собирается завершить создание Транстихоокеанского партнерства в 2015 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/newswires/2895286-newswire/>
3. Возможные модальности формирования АТЗСТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/777>
4. *Загашвили В. С.* О переговорах в рамках Транстихоокеанского партнерства, Официальный сайт ИМЭМО РАН, 26.07.2013.
5. *Зубов Д.* Новая уловка Вашингтона – Транстихоокеанское партнерство // Центр международной журналистики и исследований «Россия сегодня» РИА Новости 18.11.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/cj_analytics/20141118/1033851469.html
6. *Керри Дж.:* США приглашают Россию и Китай в ТТП // Вести, 02.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/63977>
7. *Малышева Е., Темкин А., Ткачев И.* Крупнейшее торговое соглашение США поставит под угрозу российский экспорт // РБК, 08.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/08/10/2015/5615527f9a794717a74286d8>
8. Минэкономики Тайваня: Вступление в Транстихоокеанское партнерство обойдется Тайваню в 2,44 млрд амер. долл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roc-taiwan.org/RU/ct.asp?xItem=364010&ctNode=1866&mp=237, 2013/3/25>
9. МИД: Москва обеспокоена закрытым характером соглашения о ТТП, РИА «Новости», 26.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20151026/1308222197.html>

⁵ Страны АТЭС рассматривают создание ТТП как путь к свободной торговле в Азии// ИТАР–ТАСС, 19.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/newswires/3091006-newswire/>

10. На пути к созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли // International Center for Trade and Sustainable Development, 10 июня 2015.
11. Послесловие к саммиту АТЭС: что идет на смену «управляемому хаосу» // Служу Отечеству. 2014. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://aftershock.su/?q=node/268550>
12. Путин выступил против создания Транстихоокеанского партнерства без России и Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/1555910>, 6 ноября 2014.
13. Ремчукова В. К. Особенности позиции США в переговорах о преференциальных торговых соглашениях // Независимая газета. 20.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2015-01-20/5_usa.html
14. Рогов С. Доктрина Обамы: властелин двух колец. Академик РАН о том, почему создание Вашингтоном двух гигантских экономических коалиций требует выработки новой стратегии Москвы, 17.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/04/17/rogov.html>
15. Си Цзиньпин призвал к ускорению строительства зоны свободной торговли в АТР // Синьхуа, 18.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2015-11/18/c_134830158.htm
16. Специальный репортаж: взаимодействие «тройки» крупнейших экономик мира должно обеспечить сотрудничество в АТЭС // Центральное радио Китая, 20.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/841/2015/11/20/1s566389.htm>
17. Терехов В. Транстихоокеанское и Трансатлантическое «партнёрства» в новой глобальной игре. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/06/05/rus-transtihookeanskoe-i-transatlanticheskoe-partnyorstva-v-novoj-global-noj-igre/>
18. Транстихоокеанское партнерство: свободная торговля, но не справедливая, 11.06.2013, 09:00:00 // Таможенный брокер – ЗАО «Юнитрейд». [Электронный ресурс]. URL: http://www.unitrade.su/novosti/trans_tihookeanskoe_partnerstvo_svobodnaja_torgovlja.html
19. Транстихоокеанское партнерство: что оно несет миру и России // РИА «Новости», 21.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20151021/1305718620.html#ixzz3td03QRKE>
20. Шутов Г. «Американский крокодил» пока Китай не проглотил. [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/6162/> http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mcat&mcat=133&type=news&mm_menu=58&newsid=1869
21. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.hankooki.com/lpage/politics/201310/h2013100721111121000.htm>
22. Japan on cusp of major compromise on rice with U.S. in TPP talks, Asahi Shimbun, URL: <http://ajw.asahi.com/article/business/AJ201501310052>, 31.01.2015
23. Ministry of Commerce of People's Republic of China: Full text of Li Keqiang's speech at opening ceremony of Boao Forum. April 11, 2014. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/europereport/201404/20140400547347.shtml>
24. Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2015/october/summary-trans-pacific-partnership>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-58615 от 14.06.2014.

Ежегодник ИМИ

Сборник научных трудов

Выпускающий редактор *В.И. Шанкина*
Дизайн, вёрстка *К.Г. Шанкин*

ИМИ МГИМО МИД России

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Тираж 500 экз. Заказ №..... Подписано в печать2015.

